

**ПРАВДА
О СОБЫТИЯХ
НА
ОСТРОВЕ
ДАМАНСКОМ**

Остров Даманский является одним из многочисленных островов, расположенных на реке Уссури, по которой проходит государственная граница СССР с Китайской Народной Республикой.

Граница в районе острова определена в соответствии с Пекинским договором от 2 ноября 1860 года и приложенной к нему разменной картой, подписанной представителями России и Китая в июне 1861 года. На этой карте красной чертой ясно обозначена линия границы. Она проходит по протоке реки, отделяющей остров от китайского берега. Это наглядно доказывает, что остров наш. Тем не менее, как известно, пекинские власти в последние годы необоснованно заявляют о своем праве на него, как и на многие другие острова, расположенные на пограничной реке Уссури.

О своих территориальных претензиях к Советскому Союзу клика Мао Цзе-дуна настойчиво твердит в печати и по радио, в официальных выступлениях китайских руководителей, в многочисленных нотах, направляемых Советскому правительству.

Остров Даманский занимает площадь 750 тысяч квадратных метров (1500 × 500). Он не населен и не имеет никакого хозяйственного значения. Ближайшие населенные пункты как с той, так и с другой стороны удалены от острова на десятки километров. Отсюда следует логический вывод, что китайцы избрали этот остров для своих провокаций только потому, что здесь можно скрытно подготовиться к ним, в силу подходящих природных условий.

**ПРАВДА
О СОБЫТИЯХ
НА ОСТРОВЕ
ДАМАНСКОМ**

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО,
1969 г.**

Составитель **Н. Гайдук.**

Авторы: Б. Бутовский, Н. Гайдук, П. Демидов, В. Дергунов, Н. Ефименко, Н. Литвинов, Н. Махнев, О. Петров, А. Пушкарь, Б. Чупров, И. Чижов.

Фотографии **Н. Петрова**, Ю. Муравина, В. Гречухина, В. Мариковского.

Под редакцией генерал-майора **А. Н. Аникушина.**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Заявление правительства СССР	5
2 МАРТА 1969 г.	17
Нота Советского правительства правительству КНР	19
Провокационная вылазка пекинских властей	21
За землю русскую (репортаж с места событий)	28
Рассказывают участники боя	34
14—15 МАРТА 1969 г.	51
Заявление Советского правительства	53
Провокаторы получили отпор	56
На переднем крае (репортаж с острова Даманского)	59
ВЫПОЛНЯЯ ВОИНСКИЙ ДОЛГ	67
О НИХ СЛАГАЮТ ПЕСНИ	81
Моя граница	84
Жизнь, достойная примера	90
Благодарность людская	95
Ветеран	99
Пути-дороги	105
Строгость командира	114
Гордимся тобой	119
Комсомолец из Горно-Алтайска	124
Страница биографии	127
Земляки из Курачино	132
Бой первый — бой последний	136
Останутся в нашей памяти	141
Жена командира	145
«ПОЗОР КИТАЙСКИМ ПРОВОКАТОРАМ!»	151
На смену погибшим товарищам	153
Зорко, мужественно охраняйте дальневосточные рубежи	157
Демонстрации протеста	162
Героическим защитникам острова Даманского	183
«С позиций авантюризма и безудержного национализма»	184
«Это был заранее рассчитанный шаг»	186
А. Крушанов. Неопровержимые факты истории	189
К. Симонов. Мысли вслух	199

Эта книга рассказывает о событиях, которые волнуют сейчас всех советских людей, о китайских провокациях 2-го и 14-15-го марта на советско-китайской границе.

В книге собраны официальные документы, рассказы очевидцев и участников событий, материалы, опубликованные в нашей и зарубежной печати, а также еще не опубликованные, отклики и мнения мировой общественности, гневные заявления советских людей.

Сборник подготовлен к печати работниками политотдела Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР

В последнее время на реке Уссури в районе острова Даманского имели место вооруженные пограничные инциденты, спровоцированные китайской стороной. У китайских властей не было и не может быть никаких оправданий для организации подобных инцидентов, для столкновения и кровопролития. Такие события могут радовать только тех, кто хотел бы любым способом вырыть пропасть вражды между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Они не имеют ничего общего с коренными интересами советского и китайского народов.

1

Обстоятельства вооруженных нападений на советских пограничников на реке Уссури хорошо известны. Это были преднамеренные, заранее спланированные акции.

Утром 2 марта с. г. пост наблюдения обнаружил нарушение советской границы у острова Даманского примерно 30 китайскими военнослужащими. Группа советских пограничников во главе с офицером направилась к нарушителям с намерением, как это бывало ранее, заявить протест и потребовать, чтобы они покинули советскую территорию. Китайские военнослужащие подпустили советских пограничников на расстояние нескольких метров, а затем внезапно, без всякого предупреждения в упор открыли по ним огонь.

Одновременно из засады на острове Даманском, куда китайские солдаты ранее скрытно выдвинулись под прикрытием темноты, и с китайского берега был открыт огонь

из орудий, минометов и автоматического оружия по находившейся возле советского берега другой группе советских пограничников, которые приняли бой и при поддержке соседней погранзаставы изгнали нарушителей с советской территории. Это вероломное нападение привело к тому, что с обеих сторон были убитые и раненые.

Несмотря на предупреждение Советского правительства и призыв воздерживаться от подобных провокаций, 14—15 марта в этом же районе китайской стороной были предприняты новые попытки вооруженного вторжения в пределы Советского Союза. Подразделения регулярной китайской армии, поддержанные орудийным и минометным огнем, атаковали советские пограничные войска, охраняющие остров Даманский. Нападение было решительно отбито, и нарушители отброшены с советской территории. Эта провокация китайской стороны вызвала новые жертвы.

Теперь китайские власти в своих заявлениях пытаются сложить с себя ответственность за вооруженные столкновения. Они утверждают, будто не китайцы, а советские пограничники нарушили государственную границу и что этот остров якобы не принадлежит Советскому Союзу. Китайская сторона не оспаривает того, что ее военный персонал действовал по подготовленному плану, хотя и стремится, прибегая к ложному утверждению, представить применение китайскими нарушителями оружия как «вынужденную меру».

Из китайских заявлений следует, что вопрос об острове Даманском является лишь частью будто бы унаследованной от прошлого территориальной проблемы, которая еще ждет своего решения и связана с перекройкой государственных границ. При этом китайское правительство не желает считаться с действующими договорами между Китаем и СССР, игнорирует многолетнюю практику советско-китайских межгосударственных отношений, подтасовы-

вает историю применительно к своим территориальным притязаниям.

Все это вытекает, как видно, из происшедшего в последние годы коренного изменения политики правительства КНР в отношении Советского Союза, советского народа.

Китайская официальная пропаганда вообще ставит, как известно, под сомнение нынешние границы соседних с Китаем государств, в пределах которых давно сложилась историческая общность населяющих их народов. Притязания на соседние территории выдвигаются под предлогом того, что вокруг них когда-то шел спор между какими-то феодалами, богдыханами и царями или же туда заходили китайские завоеватели либо купцы.

История полна примерами того, как те, кто домогался чужих территорий, одних феодальных завоевателей прошлого объявляли «справедливыми», а других «несправедливыми». Ленинской политике чужд такой подход к захватчикам, к угнетателям народов.

II

Советско-китайская граница на Дальнем Востоке, как она существует сейчас, сложилась много поколений тому назад и пролегает по естественным рубежам, разделяющим территории Советского Союза и Китая. Эта граница юридически была оформлена Айгунским (1858 г.), Тяньцзиньским (1858 г.) и Пекинским (1860 г.) договорами. В 1861 г. стороны подписали и скрепили государственными печатями карту, на которой нанесена линия разграничения в Уссурийском крае. В районе острова Даманского эта линия проходит непосредственно по китайскому берегу реки Уссури. Подлинники названных документов имеются как у советского, так и у китайского государства.

Положения по территориальным вопросам, зафиксиро-

ванные в этих договорах, а также в протоколах, картах и описаниях, полностью сохраняют и поныне свою силу. Советское правительство стоит на позиции строгого и неуклонного выполнения сторонами этих положений. Если правительство КНР придерживается аналогичной позиции в этом вопросе, то почвы для трений и конфликтов на советско-китайской границе не имеется.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России Республика Советов торжественно заявила о своем отказе от неравноправных и тайных договоров с Китаем, от сфер влияния царской России в Китае, от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции. Она передала на нужды просвещения в Китае русскую долю контрибуции, навязанной империалистическими государствами Китаю после подавления так называемого «боксерского» восстания, ликвидировала бывшие русские концессии в Китае, возвратила Китаю полосу отчуждения КВЖД. Отмена указанных договоров была юридически оформлена соглашением об общих принципах для урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китаем от 31 мая 1924 г. Это соглашение не относилось русско-китайские договоры, определяющие государственную границу, к числу неравноправных или тайных. Не было речи об их аннулировании или пересмотре.

Великий китайский революционер-демократ Сун Ят-сен неоднократно подчеркивал, что Советское правительство добровольно аннулировало все неравноправные договоры и отказалось от всех несправедливых претензий и прав царского правительства в Китае. В своем политическом завещании 12 марта 1925 г. Сун Ят-сен, обращаясь к советскому и китайскому народам, выражал надежду, что СССР и свободный Китай соединятся в могучий союз и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира они пойдут к победе рука об руку.

Нелишне напомнить, что и руководители КПК, а позднее и правительство КНР неоднократно подчеркивали, что после Октябрьской революции Советское государство строило свои отношения с Китаем на основах равенства и уважения суверенных прав китайского народа. Мао Цзэ-дун в 1945 г. на VII съезде КПК отмечал, что «Советский Союз первым отказался от неравноправных договоров и заключил с Китаем новые равноправные договоры». Об этом же Мао Цзэ-дун говорил в Москве 16 декабря 1949 г.

Итак, вопрос о каких-то неравноправных договорах в советско-китайских отношениях, о которых сейчас назойливо твердит китайская пропаганда, выдуман от начала до конца. Смысл пропаганды, исходящей из Пекина, один — посеять среди китайского народа неприязнь и вражду к нашей стране, к советскому народу.

Историческая картина была бы неполной, если не сказать о героической борьбе советского народа под руководством Коммунистической партии и лично В. И. Ленина за освобождение Советского Дальнего Востока от иностранных интервентов в 1918—1922 гг., пытавшихся отторгнуть от молодой Советской республики Приморье, Хабаровский край, Восточную Сибирь. Советские люди ценой огромных усилий и жертв отстаивали свои дальневосточные земли.

Прочность советских рубежей на Дальнем Востоке не раз пытались прощупать японские милитаристы и их пособники также в последующие годы. Они после оккупации Маньчжурии пробовали захватывать принадлежащие Советскому Союзу острова на реках Амур и Уссури. Эти острова становились временами местом серьезных вооруженных схваток, где японские агрессоры получили сокрушительный отпор.

Конечно, дело было не в островах, а в более серьезных притязаниях японских империалистов на священные и неприкосновенные рубежи Советского Союза и союзной Мон-

гольской Народной Республики. Дело кончилось известно чем: сначала под Хасаном, а потом под Халхин-Голом агрессоры были разгромлены наголову и отброшены прочь.

После разгрома Советской Армией милитаристской Японии в 1945 году на реках Уссури и Амур впервые за многие годы установилась спокойная обстановка.

Победа китайской революции и образование Китайской Народной Республики создавали все предпосылки для развития добрососедства, обеспечения прочного мира на советско-китайских границах. Согласно Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенному в 1950 г., обе стороны строили свои отношения, исходя из принципов «взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности». По просьбе китайской стороны Советский Союз в начале 50-х годов передал КНР полные комплекты топографических карт с обозначением линии границы. Китайскими властями тогда не высказывалось каких-либо замечаний в отношении показанного на картах прохождения линии границы, и эта линия соблюдалась на практике.

Учитывая народнохозяйственные потребности обеих стран, в 1951 г. было подписано Советско-Китайское соглашение о порядке плавания по пограничным рекам Амур, Уссури, Аргунь, Сунгача и озеру Ханка и об установлении судоходной обстановки на этих водных путях. Соглашение и по этому частному хозяйственному вопросу полностью исходит из упомянутых выше договоров, устанавливавших границы между двумя странами. На основании этого соглашения в духе сотрудничества осуществлялось нормальное судоходство по этим водным путям.

Население, живущее по обеим сторонам границы, поддерживало между собой дружественные отношения, развивало пограничную торговлю, культурные и иные связи. Советские и китайские пограничники по-деловому разре-

шали возникавшие вопросы, никаких недоразумений, требовавших вмешательства центральных органов, не возникало.

Китайские власти проявляли заинтересованность в использовании некоторых советских островов на реках Уссури и Амур для хозяйственных и производственных целей (заготовка сена, дров и т. п.), в предоставлении китайским рыбакам возможности ловить рыбу в советской акватории рек. Они обращались к компетентным советским властям за получением соответствующего разрешения. Эти просьбы благожелательно рассматривались и удовлетворялись советской стороной. Разрешительный порядок пользования советскими островами и советской акваторией рек, который соблюдался китайскими властями в течение многих лет, является одним из свидетельств того, что факт принадлежности Советскому Союзу указанных островов, в том числе острова Даманского, китайская сторона не подвергала сомнению.

III

Советское правительство, верное заветам Ленина, делало все от него зависящее для укрепления советско-китайской дружбы и сотрудничества.

Фундамент этой дружбы был заложен еще в годы, когда Советский Союз оказывал широкую и всестороннюю помощь китайскому народу в его борьбе за национальное освобождение. Яркими страницами вошла в историю советско-китайских отношений, братских связей трудящихся наших двух стран помощь Республики Советов революционными силами Китая в 1923—1927 гг., политическая, экономическая и военная поддержка, оказанная Советским Союзом Китаю в отражении агрессии японского империализма в 1937—1945 гг. Именно Советская Армия нанесла сокрушительное поражение отборной Квантунской группировке

японских милитаристов и тем самым внесла выдающийся вклад в освобождение Китая от японской оккупации.

Подлинным проявлением пролетарского интернационализма была широкая и разносторонняя помощь Советского Союза народу Китая, китайским коммунистам в завоевании победы народной революции, которая привела к образованию Китайской Народной Республики. Мао Цзэ-дун в декабре 1949 г. заявлял: «Почти в течение 30 лет советский народ и Советское правительство неоднократно оказывали помощь делу освобождения китайского народа. Эта братская дружба со стороны советского народа и Советского правительства, которой удостоился китайский народ в дни тяжелых испытаний, никогда не будет забыта».

Без всякого преувеличения можно сказать, что Советский Союз — его кредиты, поставки новейшего промышленного оборудования, безвозмездная передача по просьбе китайского правительства огромного научного и технического опыта — помог Китаю создать базу современной индустрии, заложить экономические основы социализма. Тысячи советских специалистов трудились в самом Китае рука об руку с китайскими рабочими и инженерами в создании ряда совершенно новых для Китая отраслей промышленности — авиационной, автомобильной, радиотехнической и многих других. Тысячи китайских граждан получили профессиональную подготовку в учебных заведениях Советского Союза, на советских заводах и в лабораториях. Орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» в феврале 1959 г., когда она еще писала правду о нашей стране, подчеркивала, что советская помощь Китаю «по своим масштабам не имеет прецедента в истории. Китайский народ всегда считает, что советская помощь является одним из самых важных факторов достижения быстрого прогресса в нашей стране».

В тот период в самых широких масштабах развивалась

также советско-китайская торговля, годовой оборот которой к 1959 г. достиг почти двух миллиардов рублей. Это было равноправное и взаимопольное сотрудничество. Если бы не позиция китайской стороны, торговое, экономическое и научно-техническое сотрудничество между нашими странами, несомненно, могло бы успешно развиваться и дальше. Это справедливо и ныне.

На международной арене Советский Союз и Китай вместе вели борьбу против империализма, за упрочение международной безопасности. В моменты, когда возникала угроза безопасности КНР, Советский Союз, верный своим обязательствам по Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи, неизменно выступал в поддержку народного Китая и вместе с ним срывал агрессивные замыслы империалистических кругов.

IV

Это добрососедское сотрудничество, воплощавшее в себе принципы социалистического интернационализма, нарушалось в результате изменения как внутренней, так и внешней политики китайского правительства в начале 60-х годов. Тогда же стала осложняться обстановка на границах. Поначалу это были мелкие, незначительные нарушения существующего режима границы, совершавшиеся, как правило, гражданским населением, или, во всяком случае, людьми, не одетыми в военную форму. На отдельных участках китайские военнослужащие пытались демонстративно нарушать государственную границу Советского Союза. Одновременно в районах, пограничных с СССР, было развернуто строительство аэродрома, подъездных путей, казарм, военных складов.

Официальная китайская пропаганда начала откровенно воспевать захватнические походы против народов Азии и Европы Чингисхана, который был объявлен «императором

Китая», маньчжурского богдыхана Канси, китайских императоров и феодалов, ведущих завоевательную политику. В таком же духе переделывались школьные учебники и другие издания КНР, публиковались карты, на которых обозначались в качестве китайских обширные территории Советского Союза. На некоторых картах, изображавших Китай «в период наивысшего могущества», граница проводилась так, что во владения Китая попадали земли, на которых проживают сейчас почти все народы Азии и даже многие народы Европы.

Советское правительство предприняло и в это время немало конструктивных шагов для того, чтобы предотвратить разрастание пограничных трений, снять их остроту. С этой целью 17 мая 1963 г. Советское правительство предложило правительству КНР провести двусторонние консультации между нашими государствами. Эти консультации начались в феврале 1964 г. в Пекине. Советскую делегацию возглавлял полномочный представитель СССР в ранге заместителя министра П.И. Зырянов, китайскую — заместитель министра иностранных дел Цзэн Юн-цюань.

Советская сторона внесла предложения, принятие которых позволяло в кратчайшие сроки осуществить путем взаимного согласия уточнение на отдельных участках линии прохождения советско-китайской государственной границы. Советская делегация руководствовалась тем, что успешное завершение консультаций явилось бы важным вкладом в дело поддержания дружественных отношений между нашими народами и государствами.

Поведение китайских представителей на консультациях 1964 г. свидетельствовало, однако, о том, что достижение договоренности не входило в намерения китайской стороны. Делегация КНР пыталась поставить под сомнение исторически сложившуюся и закрепленную договорами государственную границу. Китайская сторона видела смысл

консультаций в искусственном создании «территориальной проблемы», которая на многие годы вперед осложнила бы отношения между нашими народами и странами.

Консультации в Пекине не были завершены. В принципе была достигнута договоренность продолжить их в Москве 15 октября 1964 г. Однако, несмотря на неоднократные напоминания с советской стороны в тот период и в последующие годы, правительство КНР уклонялось от завершения таких консультаций.

Между тем не составляло большого труда достичь договоренности и исключить на будущее кривотолки и недопонимания. Для этого требовалось только одно — добрая воля с китайской стороны, требовалось, чтобы китайские представители действовали в том духе, как заявлял, например, премьер Чжоу Энь-лай 28 апреля 1960 г. на пресс-конференции в столице Непала Катманду, когда он, отвечая на вопрос одного из корреспондентов о том, — имеются ли «участки неустановленной границы между СССР и КНР», — подчеркивал: «На картах есть незначительные расхождения. Очень легко мирно решить». Тем не менее это заявление не подкреплялось практическими действиями. Нарушения границы китайской стороной не только продолжались, но число таких нарушений увеличивалось.

V

Таким образом, вооруженные провокации китайских властей на реке Уссури в районе острова Даманского — это не случайные инциденты. Эти действия, как и создание вообще напряженности на советско-китайской границе, наносят серьезный ущерб делу социализма и мира, общему фронту антиимпериалистической борьбы, дружбе советского и китайского народов.

Руководимое неуклонным стремлением к обеспечению

прочного мира и безопасности, поддержанию дружбы и сотрудничества с китайским народом, Советское правительство считает, что необходимо безотлагательно принять практические меры по нормализации обстановки на советско-китайской границе. Оно призывает правительство КНР воздерживаться от действий на границе, могущих вызвать осложнения, призывает решать разногласия, если они возникают, в спокойной обстановке и путем переговоров.

Советское правительство высказывается также за то, чтобы советские и китайские официальные представители возобновили в ближайшее время начатые в Пекине в 1964 г. консультации.

Советское правительство твердо убеждено, что в конечном счете коренные интересы советского и китайского народов позволят устранить и преодолеть трудности в советско-китайских отношениях.

Правительство СССР заявляло и считает необходимым вновь заявить, что оно решительно отвергает любые посягательства кого бы то ни было на советские земли. И попытки говорить с Советским Союзом, с советским народом языком оружия встретят твердый отпор.

Советский народ единодушно поддерживает ленинскую внешнюю политику Коммунистической партии Советского Союза и правительства СССР, мероприятия по обеспечению неприкосновенности и безопасности священных рубежей нашей социалистической Родины.

29 марта 1969 года.

* * *

Приведенное заявление правительства СССР было официально передано правительству КНР 29 марта с. г. через китайское посольство в Москве.

**2 МАРТА
1969 ГОДА**

2 марта в 4 часа 10 минут московского времени китайские власти организовали в районе пограничного пункта Нижне-Михайловки (остров Даманский) на реке Уссури вооруженную провокацию. Вооруженный китайский отряд перешел советскую государственную границу и направился к острову Даманскому.

По советским пограничникам, охранявшим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь. Имеются убитые и раненые.

Решительными действиями советских пограничников нарушители границы были отогнаны с советской территории.

2 марта с. г. Советское правительство направило правительству КНР ноту, в которой выразило решительный протест по поводу провокационных действий китайских властей на советско-китайской границе. В ноте, в частности, указывается, что провокационные действия китайских властей на советско-китайской границе будут встречать с нашей стороны отпор и решительно пресекаться.

(ТАСС).

НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВУ КНР

Советское правительство заявляет правительству Китайской Народной Республики следующее.

2 марта в 4 часа 10 минут московского времени китайские власти организовали на советско-китайской границе в районе пограничного пункта Нижне-Михайловка (остров Даманский) на реке Уссури вооруженную провокацию. Китайский отряд перешел советскую государственную границу и направился к острову Даманскому. По советским пограничникам, охранявшим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь из пулеметов и автоматов. Действия китайских нарушителей границы были поддержаны из засады огнем с китайского берега реки Уссури. В этом провокационном нападении на советских пограничников приняло участие свыше 200 китайских солдат. В результате этого бандитского налета имеются убитые и раненые советские пограничники.

Наглое вооруженное вторжение в пределы советской территории является организованной провокацией китайских властей и преследует цель обострения обстановки на советско-китайской границе.

Советское правительство заявляет решительный протест правительству Китайской Народной Республики по поводу опасных провокационных действий китайских властей на советско-китайской границе.

Советское правительство требует немедленного расследования и самого строгого наказания лиц, ответственных за организацию указанной провокации. Оно настаивает

вают на принятии безотлагательных мер, которые исключали бы всякое нарушение советско-китайской границы.

Советское правительство оставляет за собой право принять решительные меры для пресечения провокаций на советско-китайской границе и предупреждает правительство Китайской Республики, что вся ответственность за возможные последствия авантюристической политики, направленной на обострение обстановки на границах между Китаем и Советским Союзом, лежит на правительстве Китайской Народной Республики.

Советское правительство в отношениях с китайским народом руководствуется чувствами дружбы, и оно дальше намерено проводить эту линию. Но бездумные провокационные действия китайских властей будут встречать с нашей стороны отпор и решительно пресекаться.

Москва, 2 марта 1969 года.

ПРОВОКАЦИОННАЯ ВЫЛАЗКА ПЕКИНСКИХ ВЛАСТЕЙ

Как уже сообщалось в нашей печати, 2 марта китайские власти организовали вооруженную провокацию на советско-китайской границе у острова Даманского на реке Уссури. Достоверные факты показывают, что это было заранее спланированным нападением на советских пограничников, охранявших государственную границу СССР. Ход событий свидетельствует, что пекинские власти умышленно предприняли эту вооруженную провокацию с целью вызвать дальнейшее обострение советско-китайских отношений, вновь поднять в Китае мутную волну антисоветизма, разжечь шовинистические настроения на потребу авантюристическим великодержавным устремлениям Мао Цзэ-дуна и его группы.

Нынешнему нападению предшествовали неоднократные нарушения китайскими военнослужащими советской государственной границы, в том числе и в районе острова Даманского.

2 марта в 11 часов утра (4 часа московского времени) советские посты наблюдения сообщили на заставу, что с китайского берега в район острова Даманского направился вооруженный отряд китайских военнослужащих. Навстречу им вышла группа советских пограничников. Вперед выдвинулись восемь пограничников во главе с офицером, чтобы, как это делалось и раньше, заявить протест китайским нарушителям и потребовать их ухода с советской территории. Когда пограничники подошли к нарушителям, те вероломно, без всякого предупреждения, открыли огонь в упор. Одновременно с этим обстрелу из засады был подвергнут остальной состав группы

советских пограничников. По пограничникам открыли огонь и с китайского берега, где были заранее сосредоточены батарея противотанковых орудий, минометы, противотанковые гранатометы и крупнокалиберные пулеметы.

Приняв боевой порядок, советские пограничники с подошедшим с заставы резервом отразили внезапное нападение, а затем решительными действиями изгнали китайских нарушителей с советской территории.

Советские пограничники с честью выполнили воинский долг. Не щадя своей жизни в бою, они проявили высокое мужество и героизм, защищая рубежи нашей Родины.

Не успели смолкнуть выстрелы налетчиков, как в поддержку чудовищной провокации была пущена в ход вся пекинская пропагандистская машина. Печать, радио, армейские инструкторы принялись обрабатывать население Китая, прибегая к самой грубой лжи и клевете на Советский Союз. В Пекине заранее подготовили версию, будто китайский отряд «подвергся нападению» и принял меры к «самозащите». С подобными провокационными акциями Мао Цзэ-дуна и его группы, как и с попытками их пропагандистского прикрытия, мир сталкивался уже не раз.

Но факты неопровержимы. Следы разбойничьего налета не уничтожить. Налетчики бежали, побросав предметы военного снаряжения, телефонную связь и даже бутылки из-под спиртных напитков, которыми китайские провокаторы «вдохновляли» участников этой авантюры. Пекинская пропаганда с головой выдает себя, когда пытается оправдать вооруженную провокацию на советско-китайской границе претензиями на советскую территорию, в частности на остров Даманский. Между тем нападение производилось на советских пограничников, охраняющих советскую землю.

Преступная акция группы Мао Цзэ-дуна, в результате которой погибли люди, преследует далеко идущие цели.

Взвинчивая антисоветскую истерию, разжигая шовинистический угар в Китае, маоисты стремятся создать такую атмосферу, которая позволила бы им укрепить свое положение внутри страны, закрепить великодержавный авантюристический курс Мао Цзэ-дуна, направленный на дальнейшее ухудшение отношений с КПСС и Советским Союзом, с другими коммунистическими и рабочими партиями и социалистическими странами.

Очевиден и расчет группы Мао — использовать антисоветский психоз, проводить подрывную, раскольническую деятельность в международном коммунистическом движении. Маоисты явно стремятся использовать все средства, для того чтобы затруднить созыв международного Совещания коммунистических и рабочих партий, попытаться посеять недоверие к Советскому Союзу и КПСС в братских партиях. Линия антисоветизма продиктована тем, что в деятельности КПСС, в политике Советского Союза группа Мао видит основное препятствие для осуществления своих авантюристических, гегемонистских устремлений на международной арене.

В новых опасных провокациях маоистов просматривается и их стремление активизировать беспринципное политическое заигрывание с империалистическими государствами, прежде всего с США и ФРГ. Заслуживает внимания, что вооруженный бандитский налет, организованный на советско-китайской границе, маоисты приурочили к провокационной затее Бонна с президентскими выборами в Западном Берлине.

Мао Цзэ-дун и его сподручные предприняли грязную вылазку против Советского Союза в обстановке, когда продолжается агрессия США во Вьетнаме, когда мужественный вьетнамский народ отстаивает дело свободы и

независимости. В этой борьбе Советский Союз и другие социалистические страны оказывают ему большую и постоянную помощь и поддержку. До какой же степени политического падения и предательства сил мирового социализма в антиимпериалистической борьбе дошли нынешние пекинские правители, если они решились на вероломную провокацию против социалистической страны!

Провокация в районе острова Даманского является звеном в политике маоистов, рассчитанной на то, чтобы форсировать осуществляемую ими радикальную переориентацию внешнего и внутривластного курса КНР, окончательно превратить ее в силу, враждебную социалистическим странам.

И не только им. События последних лет показали, что шовинистический гегемонизм Мао и его группы лежит и в основе политики Пекина в отношении других соседних государств, всей Азии. Повсюду маоисты демонстрируют свои экспансионистские устремления, стремятся посеять ядовитые семена вражды между народами и государствами.

Вот почему черным делам маоистских провокаторов радуются лишь силы империалистической реакции.

Внешнеполитические авантюры группы Мао Цзэ-дуня непосредственно связаны с ее внутренней политикой, направленной на установление военно-бюрократического режима в Китае. Известно, что именно для этого осуществляется в Китае так называемая «культурная революция», представляющая не что иное, как террористическую расправу над китайскими коммунистами, всеми теми, кому дорого дело социализма в Китае, братской дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Группа Мао наталкивается на сопротивление китай-

ского народа, и прежде всего коммунистов, оставшихся верными решениям VIII съезда КПК, принципам пролетарского интернационализма. Маоистов мучает страх, что китайский народ потребует от них ответа за все беды, принесенные ими стране, за разгром КПК, за массовый кровавый террор и издевательство, за подрыв самих основ социализма в Китае.

Группа Мао не может скрыть того, что в ходе пресловутой «культурной революции» ей не удалось вытравить из сознания народа идей социализма, марксизма-ленинизма. Не удалось ей и вытравить из сердца трудящихся Китая братских чувств к советскому народу и его Коммунистической партии, которые оказали могучую поддержку и всестороннюю помощь китайскому народу как в революционной борьбе, так и в строительстве социализма.

Известно, что «культурная революция» привела Китай также к серьезным экономическим потрясениям. Она усугубила тяжелое состояние китайской экономики, подорванной волюнтаристским курсом Мао, который выразился в «большом скачке» и создании «народных коммун». Промышленное производство страны упало, дезорганизован транспорт. В тяжелом состоянии находится сельское хозяйство. Народ Китая уже многие годы живет на голодном пайке. Дурманящей пропагандой «идей Мао» подменяются наука, культура и образование народных масс.

Рассчитывать в таких условиях на доверие масс маоистам не приходится. Чтобы держать народ в узде, заставить его покорно служить своим великодержавно-гегемонистским устремлениям, Мао и его группа насаждают в стране милитаристские порядки, присущие реакционным режимам, отравляют сознание людей ядом национализма и шовинизма. Конституционные народные

органы власти разогнаны и заменены «ревкомками», которыми заправляют военные ставленники группы Мао. Военное управление и контроль распространены не только на сферу управления, но и на производство, на культуру и идеологию.

Милитаризация всей жизни в Китае сопровождается взвинчиванием военной истерии, насаждаемой под клеветническим предлогом, будто Китаю угрожает опасность нападения со стороны Советского Союза. Нетрудно понять, что нагнетание этой истерии продиктовано стремлением скрыть подлинные цели Мао и его группы от народа Китая, отвлечь его внимание от беззаконий, творимых маоистами, завершить создание под вывеской КПК новой политической организации как орудия военно-бюрократического режима, увести народ от критики тяжелых последствий осуществления «идей великого кормчего». Для этого и потребовалась наглая провокация у острова Даманского, за которой последовал новый приступ разнузданной антисоветской кампании.

Начиная со 2 марта советское представительство в Пекине вновь подвергается организованной осаде, осуществляемой специально подготовленными отрядами маоистов. При этом группа Мао открыто призывает к борьбе против Советского Союза и других социалистических стран, выдвигает абсурдные территориальные притязания к СССР.

В такой обстановке Мао и его группа проводят подготовку к так называемому IX съезду КПК, который нужен им для «узаконения» военно-бюрократического режима, именуемого ими «новым порядком», для «закрепления» великодержавношовинистического курса, враждебного делу мира и социализма.

В эти дни советские люди, проникнутые чувством законного гнева и возмущения преступными действиями

маоистских провокаторов, выражают свой решительный протест против их наглої вылазки на советско-китайской границе, против враждебной советскому народу, делу социализма кампании ненависти и клеветы, раздуваемой маоистами. Советские люди заявляют, что границы нашей великой социалистической Родины священны и неприкосновенны. Они делают необходимые выводы из наглых провокаций пекинских правителей, повышая революционную бдительность, всемерно укрепляя могущество нашей Родины — оплота мира и социализма.

Наш народ, разумеется, не ставил и не ставит знак равенства между группой Мао и китайским народом. Советские люди понимают, что народ Китая, КПК переживают трагический период своей истории. Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство, следуя принципам пролетарского интернационализма, неизменно выступают за нормализацию государственных отношений с КНР, руководствуясь чувствами дружбы к китайскому народу.

Вместе с тем, как говорится в ноте протеста Советского правительства правительству КНР в связи с наглым вооруженным вторжением в пределы советской территории, провокационные действия китайских властей будут встречать с нашей стороны отпор и решительно пресекаться.

Такова твердая воля всего советского народа.

«Правда», 8 марта 1969 года.

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

(репортаж с места событий)

Весеннее солнце, поднявшись над горбатыми сопками, плавило синеву неба. И воздух, еще настоенный на морозе, добрел, становился мягче.

На заставе все шло своим чередом. Возвращались со службы пограничные наряды, командиры отделений готовились к занятиям, на кухне варился обед. И настроение у всех было бодрое. И уже брэнчала в тихом углу гитара. И кто-то писал письмо. И огромный кот лежал на подоконнике... А в это время на границе злыми руками недругов досылались патроны в патронники и черные стволы минометов холодно смотрели в голубой ситец неба.

На острове Даманском готовилось чудовищное преступление. Еще ночью, тайком, одетые в маскхалаты, свыше двухсот китайских военнослужащих перешли границу. Вооруженные до зубов, они изрыли остров ячейками, протянули на свой берег телефонную связь.

Видимо, командиры этой банды не очень надеялись на храбрость своих подчиненных. Поэтому заблаговременно каждому солдату они выдали по фляге водки.

Замысел врага был прост и страшен: вызвать к острову группу советских пограничников, расстрелять их и уйти. Безнаказанно. Без потерь.

Начальник заставы старший лейтенант Иван Иванович Стрельников был дома, когда дежурный позвонил ему по телефону.

— Китайцы у Даманского бродят, — сообщил он.

Выслушав доклад дежурного, Стрельников подошел к вешалке и снял шубу.

— Опять? — спросила его жена

Иван Иванович улыбнулся.

— Опять.

Вот уже второй год китайцы почти изо дня в день нарушали в районе острова Даманского государственную границу. Больше ста раз выходил навстречу им Стрельников и выдворял их. Вначале китайцы неорганизованной толпой собирались на льду и, потрясая цитатами «великого кормчего», скандировали до хрипоты бредовые идеи. Потом стали появляться с дубинками, ломami, кольями.

Вся эта истерия была направлена на то, чтобы вызвать пограничников на применение оружия. Иван Иванович Стрельников хорошо это понимал. Он знал, что, окончательно запутавшись в своих авантюрах, Мао Цзэ-дун ищет повод развязать вооруженный конфликт, чтобы отвлечь народ от внутренних проблем, заставить меньше думать о том хаосе и беспорядке, который царит в Китае.

Советский офицер глубоко сознавал, что на участке его заставы происходят события, организованные с дальним прицелом.

Нет, он не поддавался провокациям. И даже когда вооруженные китайские солдаты стали пускать в ход приклады автоматов, Стрельников не схватился за пистолет. С небольшой группой пограничников он врукопашную выталкивал вон всю эту нечисть с нашей территории.

Ивана Ивановича китайцы запомнили. Теперь за ним стали охотиться. В драках они пробивались к нему группами по пять человек. Но командира всегда защищали его подчиненные.

Однажды несколько китайских солдат, по указанию своего офицера, окружили Стрельникова. Один из них

защелкнул над головой пограничника автомат, но в это время к Стрельникову подоспел рядовой Денисенко. Солдат заслонил командира, и удар пришелся прямо ему в лицо. Тогда Иван Иванович сбросил шубу и крикнул в сторону китайского офицера:

Я не позволю моим солдатам бить тебя! Нарушать субординацию не будем!

С этими словами он пробился сквозь цепь китайских бандитов и так припечатал офицера кулаком, что тот оказался на снегу.

И вот...

Утро 2 марта. Последнее утро Ивана Ивановича Стрельникова — командира, коммуниста, отца. Последнее утро и девятнадцатилетних парней из Омской области земляков Ивана Ветрича и Александра Ионина, рядового Николая Петрова, офицера Николая Буйневича и других замечательных, красивых людей...

Иван Иванович Стрельников вместе с офицером Буйневичем и пятью пограничниками пошел навстречу группе китайских солдат, которые демонстративно стояли на льду перед нашим островом. Он думал, что и сегодня все будет так же, как было уже много раз. Китайцы прокричат пару истрепанных лозунгов, а он сдержанно и спокойно предложит им покинуть нашу территорию. Ну, а если провокаторы начнут драться, то пограничники оттеснят их.

Так думал советский офицер, так думали и воины, идущие с ним рядом. Но все произошло иначе.

Когда до китайцев оставалось каких-нибудь десять метров, те неожиданно открыли огонь. Первые очереди прошли низко. Раненные в живот и ноги пограничники упали на снег. Китайцы подскочили к ним и стали стрелять в упор, в грудь. Даже мертвых советских пограничников они кололи штыками, били прикладами.

На некотором удалении от Стрельникова шла группа поддержки под командой младшего сержанта Юрия Бабанского.

Китайские вояки явно просчитались. Они надеялись, что банды головорезов вполне достаточно, чтобы заставить замолчать горстку советских пограничников. Но командир отделения младший сержант Юрий Бабанский вместе с боевыми друзьями внес свои коррективы в ход боя. Под огнем наших ребят провокаторы не могли перебраться на свой берег. А в это время с соседней заставы уже шло подкрепление. Его вел старший лейтенант Виталий Дмитриевич Бубенин. С поста наблюдения ему сообщили, что в районе острова Даманского идет бой. Но обстановка на границе для него пока еще была не совсем ясной.

Отважный офицер решительно повел свой бронетранспортер к острову. По его машине бандиты открыли шквальный огонь. Бубенин навел на врага крупнокалиберный пулемет и, дав команду остальным, пустил длинную струю пуль в сторону засады.

Бронетранспортер несся вдоль острова на предельной скорости. Китайские позиции были рядом.

Бубенин видел, как заметались пьяные и одуревшие от страха солдаты противника. Его пулемет косил их, опрокидывал на снег. Метко вели огонь из автоматов и другие пограничники.

Так китайцы неожиданно для себя оказались в окружении. С одной стороны — бронетранспортер Бубенина, с другой — группа младшего сержанта Юрия Бабанского.

И все же советские пограничники вели бой в невыгодных условиях, против значительно превосходящих сил. С нашей стороны действовала небольшая группа пограничников, вооруженных легким стрелковым оружи-

ем. И тем не менее, проявив стойкость, мужество, героизм, часовые Родины выбросили китайских провокаторов с советской территории...

Зрелым и находчивым воином показал себя водитель бронетранспортера рядовой Ковалев. На труднопроходимой местности он искусно вел машину.

Мужество, стойкость, чувство боевого товарищества проявил молодой солдат Николай Пузырев, которого накануне боя приняли в комсомол. Когда у младшего сержанта Қаныгина кончились патроны, Пузырев поделился с ним своими.

Рядовой Валерий Захаров был ранен в правую руку. Превозмогая боль, солдат прижал автомат к другому плечу и стал вести огонь с левой руки. Раненые солдаты оставались в боевом строю.

Бой продолжался. Бубенин, проведя удачный рейд на бронетранспортере, неожиданно увидел, что китайцы ведут огонь по раненому пограничнику Анатолию Аниперу, лежащему на льду. Офицер подвел к нему боевую машину и, развернув ее, прикрыл воина.

В этот момент бронетранспортер прошел снаряд и разорвался внутри него. Несколько пограничников погибли, а Бубенин, получив контузию и осколочные ранения, выскочил из машины. Его лицо было окровавлено. В стороне у нашего берега стоял второй бронетранспортер. Его скаты были изрешечены пулями. Бубенин, не теряя ни секунды, пересел в него и вновь повел машину к китайским позициям. А противник уже побежал. На снегу появились кровавые дорожки, это китайцы волокли своих раненых. И снова пулемет в руках офицера гулко заработал. И снова китайские вояки как подкошенные, стали падать на снег.

Бубенина ранили еще раз, потом еще и еще. Он потерял сознание, но тут же пришел в себя.

— Где они? — спросил он и, стиснув зубы, сказал: — Бить, бить их надо.

Бубенин вновь потерял сознание, а когда очнулся, опять рванулся в бой, но его удержали.

— Остров уже чист, — сказали ему.

Побросав фляги, телефонные аппараты, растеряв свои рукавицы и шапки, китайцы с позором убежали на свой берег.

В этот день большую помощь пограничникам оказали жители села Нижне-Михайловки. Услыхав выстрелы на границе, на заставу к пограничникам прибежали дружинники — братья Дмитрий и Геннадий Авдеевы. Вооружившись автоматами, они помогали эвакуировать раненых и убитых.

Так закончился этот бой, в котором ярко раскрылись замечательные качества советских пограничников: стойкость, решительность, смелость, беззаветная преданность воинскому долгу.

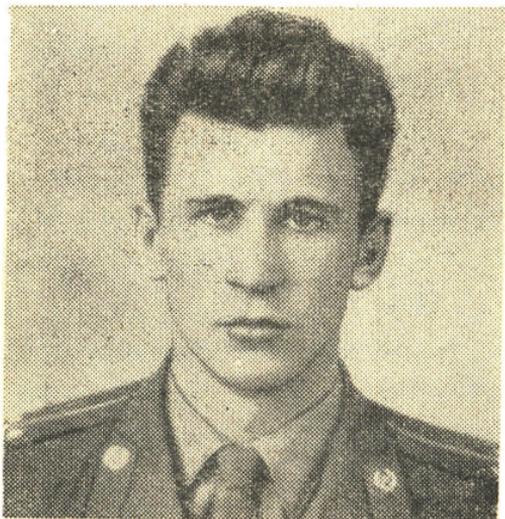
Молодые парни, родившиеся уже в послевоенные годы, сумели доказать, что они достойны славы своих отцов, славы старшего поколения.

У советских людей есть ЧТО ОХРАНЯТЬ. У советских людей есть ЧЕМ ОХРАНЯТЬ. События на острове Даманском показали, что у советских людей есть КОМУ ОХРАНЯТЬ.

И пусть знают недруги за рекой Уссури: ГРАНИЦА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ЕСТЬ, БЫЛА И БУДЕТ НА КРЕПКОМ ЗАМКЕ.

РАССКАЗЫВАЮТ УЧАСТНИКИ БОЯ

Старший лейтенант Виталий БУБЕНИН

Да, бой был неравным. Ведь мы имели дело не только с китайскими пограничниками. Их поддерживал большой отряд регулярной армии. На горстку советских пограничников обрушился шквал огня из противотанковых орудий, гранатометов, минометов и крупнокалиберных пулеметов. И все-таки мы сумели отбить внезапное нападение. Наши солдаты, многим из которых нет

и двадцати лет, проявили большую смелость и отвагу. Даже раненые не покидали поле боя. Кузьму Калашникова ранило в правую руку. К тому же он израсходовал запас патронов. Что делать? Парень не растерялся. Подполз к убитому товарищу, взял у него патроны, зарядил автомат и продолжал вести огонь по нарушителям левой рукой...

Проявил себя в бою и Валерий Захаров, кроме того, он и мне помог. Меня дважды ранило, к счастью мелкими осколками, да еще контузило. Когда я потерял сознание, Валерий Захаров вытащил меня буквально из самого

пекла, нес на себе до середины реки Уссури. И только после боя, уже на заставе, мы узнали, что он сам ранен в руку... Все наши пограничники вели себя мужественно и отважно. Я горжусь ими.

Младший сержант Юрий БАБАНСКИЙ

Ночью, с 1 на 2 марта, я был на службе, днем спал. Когда подали команду: «В ружье!» — быстро поднялись, оделись, выстроились во дворе. Вышел старший лейтенант Стрельников и объяснил обстановку: с поста Гунсы к острову Даманскому движется группа вооруженных китайцев в количестве 30 человек. Нас стали распределять на группы. Стрельников приказал мне с группой в 11 человек сесть в машину ГАЗ-63 и двигаться за ним. Он сел в бронетранспортер, а старший лейтенант Буйневич — в машину ГАЗ-69, и мы все поехали. Скорость нашей машины была маленькая, и мы отстали от БТР. Когда мы подъехали к острову Даманскому, там стоял БТР и ГАЗ-69. Водители машин находились рядом. Они сказали мне, что группа со Стрельниковым уже на острове и китайцы тоже там. Я повел свою группу по краю острова. Мы бежали к месту встречи наших с китайцами примерно минут пять. Когда я увидел группу во главе со старшим лейтенантом, он вел на льду переговоры с китайцами. Китайцы что-то кричали, махали руками, потом другая группа китайцев, стоявшая в отдалении, подбежала к ним, и я услышал выстрел, очередь в два патрона, а потом сразу несколько длинных очередей. В это время поднялись в атаку китайцы, которые ранее залегли на острове в маскхалатах. Поднялась большая стрельба из засады.

Я присоединил магазин и открыл огонь по китайцам,

которые в упор расстреливали наших раненых товарищей, лежащих на льду, и добивали их. Расстреляв магазин, я отступил, попросил у товарища, рядового Кузнецова, магазин с патронами. Зарядил автомат и, укрывшись, стал снова вести огонь по наступающим китайцам. Я видел, как они бежали, останавливаясь, добивали наших раненых. Мы как могли старались помешать им это делать. Патроны у меня опять кончились, я обернулся, позвал Кузнецова, но он не откликнулся. Когда я к нему подполз, он был уже убит. Я отсоединил магазин от его автомата, присоединил к своему и в это время увидел, что китайцы пытаются установить пулемет на бугре. Я выстрелил, один упал, пулемет так и не заработал.

Бой продолжался. Через некоторое время я снова увидел, что второй китаец, уже в маскхалате, пытается стрелять из пулемета. Я убил и этого. Патроны были на исходе, и я решил отступить к товарищам, которые остались сзади меня, чтобы взять у них патроны. Меня прикрывал младший сержант Козусь. Не доходя до своих, я залег и стал прикрывать Козуся, кото-

рый тоже стал отходить. Присоединившись к товарищам, я взял у них магазин, зарядил автомат и стал снова вести огонь по наступающим китайцам. Остальных наших ребят уже не было видно, но слышны были взрывы гра-

нат, стрельба и шипенье снарядов, пролетавших над головой.

Услышав, что с нашей стороны огонь стал затихать, я послал связного к месту, где должен был находиться БТР, и приказал ему, чтоб он дал команду водителю БТР открыть огонь по китайцам из пулеметов. Связной, возвратившись, доложил, что на реке БТР нет и ничего на льду не видно. Тогда я послал другого связного, рядового Еремина, к розетке, чтобы он сообщил на заставу, что у нас нет патронов, и вызвал подмогу. Связной ушел, но так и не вернулся. Его ранили на льду.

У нас патроны были на исходе, и я решил пересечь остров и идти на соединение с группой, которая действовала у берега острова. Двигались перебежками и вели огонь. Местами пришлось ползти по-пластунски.

Огонь стал реже. Китайцы стали уносить своих убитых и раненых. Потом я увидел, как по льду идет БТР. Не доходя до берега, он остановился, с острова спустились два пограничника, неся раненого, и стали махать. БТР развернулся и пошел к ним, прикрыл броней их со стороны острова. Но в это время со станкового гранатомета с китайской стороны БТР был подбит. Оставшиеся в живых стали выносить из него раненых в безопасное место. Через некоторое время я увидел вертолет, который садился неподалеку. Подоспел резерв. Наши пограничники цепью шли по льду на остров. Мы присоединились к ним, стали продвигаться в глубь острова, ведя по китайцам прицельный огонь. Китайцы в это время вели редкий автоматный огонь, многие из них убегали с острова на свой берег. Выбив китайцев с острова, мы стали выносить с поля боя своих убитых и раненых товарищей, тут же оказывали им необходимую помощь.

У убитых я забирал документы и опознавал их. Некоторые из них были зверски расстреляны в упор. Нашли

группу старшего лейтенанта Стрельникова. Она была полностью уничтожена. Убитые лежали на льду. Мы зашли на берегу острова, стали наблюдать за китайской территорией. Там уже никого не было. Видно, китайцы убралась в глубь своей территории. Через некоторое время к нам прибыл подполковник Константинов и приказал немедленно вынести со льда убитых.

Я был свидетелем и участником кровавого события. Провокаторы заманили наших пограничников на переговоры, а потом огнем из пулеметов, минометов уничтожили их. Они издевались над ранеными, добивали их прикладами, но наши ребята не отступили, не смалодушничали, погибли, как герои, защищая Родину.

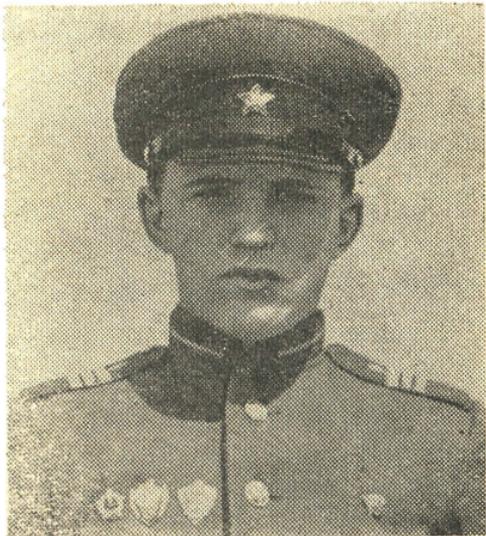
Мы до глубины души возмущены наглой провокацией китайцев. Но мы умеем не только возмущаться. На льду Уссури нашел свой последний приход не один десяток провокаторов. Я заверяю: мы готовы идти в бой за нашу Родину, за наш народ!

Сержант Павел СЕКУШЕНКО

2 марта в двенадцатом часу заставу подняли в ружье. За несколько минут все, кто был на заставе, были уже собраны и построены в коридоре. Старший лейтенант Бубенин быстро отобрал несколько человек. Все сели в БТР и выехали туда, где обычно выходили китайцы, то есть на остров Даманский. Остальные разошлись: кто в ленкомнату, кто досматривать сны после дежурства, а кто дочитывать книгу. Я и еще несколько человек остались в дежурной комнате и стали слушать, что говорят по телефону. Нам передали, что около острова горит костер и что там бегают люди, затем передали, что наш БТР подошел и что стали слышны выстрелы и что-то похожее на взрывы. Мы этому не верили, потому что от китайцев этого никогда не ожидали.

Потом мы получили распоряжение тоже выехать к острову. Нас было немногим больше десяти. Быстро оделись, разобрали автоматы и сели в машину ГАЗ-69. От перегрузки она двигалась не очень быстро. Подъезжая к острову Даманскому, мы увидели, что на мысу острова дымятся две машины. Шофер хотел ехать к ним, но я сказал, что нужно приблизиться к розетке и лучше узнать обстановку.

Только подъехали, как нам закричали, чтобы мы побыстрее выскакивали из машины и бежали в укрытие. Уже в укрытии нам сказали, что по нашим стреляли, так как отлично были видны фонтанчики снега от пуль. По кустам мы вышли в залив на нашем берегу. Там стояли два наших БТР и несколько солдат. Среди них был и офицер. Сначала я

его не узнал, так как лицо у него было в крови. Только по голосу я разобрался, что это наш начальник заставы. Он распорядился, чтобы несколько человек сели в БТР. Вместе со мной в машине оказались сержант Ермалюк, рядовые Просвирина, Смирнов, Путилов и другие. Оставшиеся передали нам свои магазины, и мы поехали к острову. По нас сразу же открыли стрельбу. Мы хотели ехать на остров, но ничего не получилось, так как почти все скаты у машины были пробиты пулями. После неудачных попыток забраться на сушу мы поехали дальше

по льду. Объезжая остров, мы увидели протоку, и старший лейтенант приказал двигаться по ней. Почти сразу же в кустах заметили китайцев и открыли по ним огонь. Начальник заставы из пулемета, а мы через бойницы из автоматов.

Дальше по протоке уже было трудно продвигаться. Старший лейтенант приказал повернуть назад. Вскоре мы увидели наших раненых под берегом и поехали к ним. Было слышно, как по броне щелкали пули. Одни щелчки были слабые, другие более сильные. По-видимому, кроме автоматов по нас бил еще и пулемет. Когда мы подъехали к раненым, то сперва прикрыли их броней, затем я выпрыгнул в боковой люк, чтобы помочь раненому. Это был рядовой Анипер. Мы с Пузыревым только успели его посадить в машину, как наш БТР как-то качнулся, потом раздался взрыв. Второй снаряд угодил в башню. Через несколько минут мы услышали свист третьего снаряда. Он пролетел над нами и разорвался от нас где-то в пятидесяти метрах. Мы начали выпрыгивать из машины. Вытащили раненого сержанта Ермалюка. Первым снарядом, который залетел через бойницу, ему оторвало ноги и обожгло лицо, но он еще был в сознании. Я и еще кто-то, не помню сейчас кто, потащили Ермалюка под прикрытием БТР на наш берег. Он просил нас написать его матери, потом стал просить, чтобы мы его пристрелили. Видя, что до берега его вдвоем не дотащить, мы позвали на помощь кого-то из находящихся поблизости ребят.

Когда мы вернулись на остров, стрельба почти стихла, только где-то на мысу все еще продолжал стрелять пулемет, который спустя 5—6 минут тоже замолчал. После этого мы стали вытаскивать с острова раненых и убитых. Среди убитых были и те, которых китайцы добивали еще живых.

До какой же подлости дошли китайцы! Мало того что пытались землю нашу захватить, так еще издевались над ранеными. Не забуду об этом никогда, не прощу гадам.

Младший сержант Анатолий ДЕДЯКИН

2 марта в 11 часов застава была поднята в ружье. Когда мы прибыли на место боя, нам встретился тяжело раненный рядовой Буранцев. У нас была медицинская сумка, и мы перевязали Буранцева. Затем с рядовым Малаховым отправили его в Нижне-Михайловку. Перевязали также рядового Калашникова и отправили его с Миланичевым. Затем стали стрелять по китайцам, засевшим на острове. В это время приехал гражданский на лошади, привез рюкзак патронов. Мы сели в попавшийся нам бронетранспортер, хотели ехать к Даманскому, но машина не тронулась с места, так как была повреждена. Тогда мы выскочили из БТР и побежали по протоке к Даманскому.

Там оказались раненые, мы стали уносить их на свой берег.

Никогда не забуду, как кто-то из них прошептал: «Вот сволочи, ведь мы же их освободили...» Видимо, он имел

в виду наших отцов, которые в 45-м принесли свободу китайскому народу. А сейчас вот эти же китайцы пошли на такую провокацию.

Младший сержант Василий КАНЫГИН

Подъехав к острову, мы услышали свист пуль над БТР. Быстро выскочили из бронетранспортера. Старший лейтенант Бубенин подал команду к бою. Мы рассыпались по берегу. Я попал на правый фланг нашей цепи,

рядом со мной был рядовой Пузырев. Тут по нас был открыт огонь из автоматов и пулеметов. Мы залегли и открыли ответный огонь. Основная группа, во главе с Бубениным, была на чистом поле. По ней велся самый сильный огонь. А мы с Пузыревым, укрывшись за деревом, стреляли по наступающим китайцам во фланг.

Как я узнал позже, наш бронетранспортер зашел во фланг китайцам и ударил из крупнокалиберного пулемета. Это и решило исход боя. Китайцы стали собирать убитых и раненых. Я не знал, что дальше они предпримут. Патроны у меня были на исходе. Пузырев отдал мне свой боезапас, оставив у себя только четыре пули на всякий случай. Я послал его за магазинами.

Сейчас я вспоминаю о происшедшем. Молодцами выглядели все мои товарищи, ни один не дрогнул. Почему не дрогнули? Мы дрались за свою землю, били врага, который покушался на нее.

Рядовой Николай ПУЗЫРЕВ

Когда заставу подняли в ружье, я был в кочегарке. Выбежав, я увидел БТР. Он уже начал трогаться. Я быстро вскочил на форкоп и залез наверх. В это время старший лейтенант Бубенин закрывал люк. Если бы он увидел меня, то мне не удалось бы поехать с ними.

Мы ехали очень быстро. Вскоре услышали стрельбу. Когда подъехали к острову, БТР резко остановился и из люка выскочил Бубенин. Первым прыгнул я, потом рядовой Коржиков и остальные. Под градом пуль китайцев мы пробежали дубы, которые стоят на берегу острова, и вышли на чистую поляну. Справа от меня бежал

младший сержант Каныгин. Он упал под дубки (там несколько штук стояло вместе). Я тоже упал. Каныгин уже стрелял очередями, строго отсекая два патрона. У него второй разряд по стрельбе. Биотлоном он занимался. Китайцы от нас метрах в сорока. Пьяные. Некоторые даже стоя огонь вели. Ну, Каныгин их и укладывал. Я тоже не-

сколько китайцев уничтожил. Одного помню. Всё на четвереньках по кустам ползал, команды подавал. Трудно было его лежа подстрелить. Тогда я встал и дал по нему очередь. Больше он не ползал. Мы старались подпускать врага вплотную. Раза четыре китайцы пытались наступать, но у них ничего не вышло.

Потом я увидел красную ракету, выпущенную из кустов. По этому сигналу китайцы отступили. Не выдержали, когда с нашей стороны стали стрелять из крупнокалиберного пулемета.

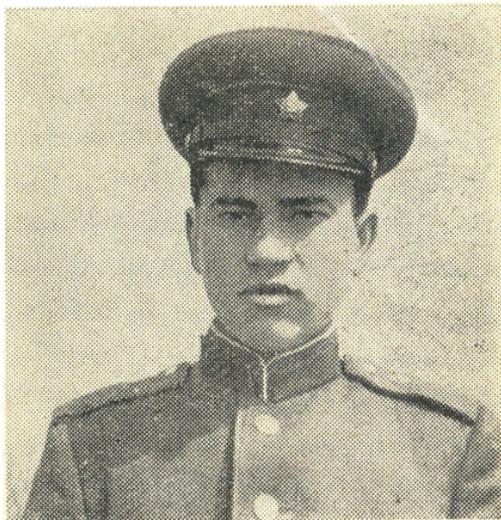
Спустившись на лед, чтобы достать патронов, я увидел рядового Анипера. Быстро подбежал к нему и спросил, есть ли у него патроны. Он сказал, что нет. Потом попросил: «Помоги добраться до берега». Правая нога у него была в крови. Перетащив раненого на берег, я снял свою шубу и положил на нее Анипера. Потом с другими ребятами мы ремнем перетянули его ногу и отправились с ним на берег.

Рядовой Албазин БИКУЗИН

2 марта нас подняли по тревоге, и мы двинулись к острову Даманскому. Часть ребят на бронетранспортере и ГАЗ-69 прибыла к острову раньше. Высадившись из машины, мы по тропе направились на ту часть острова, которая обращена в китайскую сторону. Следовали в колонне по одному. Не доходя метров 100 до группы, где был начальник заставы старший лейтенант Стрельников, мы услышали выстрелы из автоматов и свист пуль над своими головами. В это же время справа от себя увидели цепь людей в маскировочных халатах. Подумали, что это поддержка с первой заставы. После первых выстрелов мы отошли немного в глубь острова. По нас

открыли огонь из пулеметов и минометов с китайского берега. Огонь был такой, что даже голову невозможно было поднять. В это время от берега, где раньше находилась группа старшего лейтенанта Стрельникова, к нам прибыл младший сержант Бабанский и сказал, что вся группа начальника заставы перебита.

Мы его спросили, что нам делать? Он ответил: «Остров наш, и мы должны его защищать». Потом он послал рядового Еремина на нашу сторону к розетке. Он должен был позвонить на заставу и сообщить, что у нас кончаются патроны. Рядовой Еремин на реке был ранен.

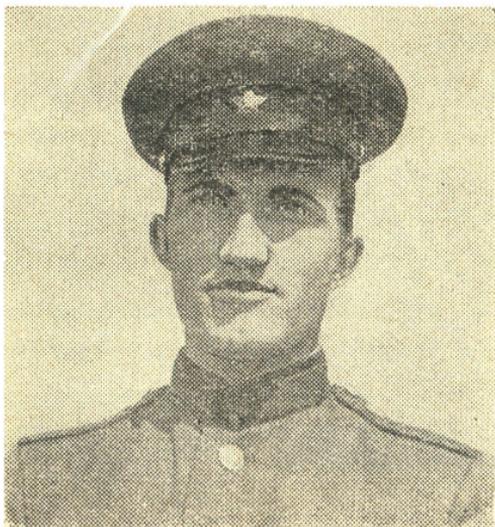

Подождав некоторое время, младший сержант Бабанский приказал нам отходить, а сам двинулся последним, прикрывая наш отход.

Рядовой Петр ПЛЕХАНОВ

Подъезжая к острову, мы еще не знали, что идет бой. Мы ехали для того, чтобы, как обычно, выдворить китайцев с нашей территории. Мы двигались цепью. В это время навстречу нам из-за бруствера, на противоположной стороне острова, вышли люди в белых маскировочных

халатах (до этого китайцы никогда в халатах не были) и открыли огонь. Мы им ответили тоже стрельбой. У меня было 50 патронов. 25 из них я расстрелял длинными очередями, но потом, решив, что у меня не хватит патронов до конца боя, начал стрелять одиночными.

Китайцами командовал пожилой высокий мужчина, одет он был в черную шубу. По команде этого человека китайцы густой цепью пошли в нашу сторону, ведя на ходу огонь из автоматов и карабинов. Но, когда среди них появились убитые и раненые, они их забрали и отошли за бруствер. Не прошло двух минут, как они пошли второй раз. Всего они сделали три попытки, но каждый раз

отходили, собирая раненых и убитых.

Группа наших солдат, находившихся на берегу, пошла прикрывать отход наших раненых. И по ним с китайского берега был открыт пулеметный огонь. Значит, силы у них были большие и они заранее подготовились, даже на своем берегу установили пулеметы. Далекo зашли провокаторы в своих черных делах.

Младший сержант Михаил ФАДЕЕВ

Когда наша группа прибыла на остров, мы сначала помогли раненым. Они были возмущены. Всего не знали, но говорили, что китайцы в упор расстреляли наших товарищей, которые во главе со Стрельниковым вышли, как обычно, чтобы выдворить провокаторов. Зло взяло после этого.

Мы рывком выдвинулись на остров, расположились цепью. Стреляли. Китайцев было много. Потом они начали прятаться, некоторые падали. По нас открыли огонь из пулеметов с китайского берега. Они стреляли долго. Кругом свистели пули, и мы часто падали, маскировались, сами посылали очередь за очередью.

Сейчас, после того как прошло некоторое время, мы думаем над тем, что же произошло. Как могли китайцы посягнуть на нашу землю! Вывод у нас у всех один — клика Мао оболванила своих солдат, заставила их пуститься на такую гнусную провокацию, но у них ничего не вышло и не выйдет.

Рядовой Василий ВИШНЕВСКИЙ

Когда мы прибыли к острову, начальник заставы приказал нашей группе залечь и ждать его команды. А сам с небольшой группой пограничников пошел вперед, чтобы предупредить нарушителей границы и выдворить их вон. Такие встречи случались и раньше, но никогда дело не доходило до оружия. В этот раз произошло неслыхан-

ное вероломство: кигайцы приближались к нашему командиру рядами, и у идущих в первом ряду оружия не было, но в нескольких метрах от советских пограничников первый ряд китайцев разбежался в стороны, а за ними, оказывается, шли китайские солдаты с автоматами наготове и буквально в упор расстреляли наших друзей. Мы тут же по приказу младшего сержанта Бабанского открыли

огонь. А вскоре подоспела подмога — отряд пограничников во главе с офицером Бубениным.

В ходе боя и после мы подбирали погибших. У нас буквально волосы становились дыбом: так надругаться над ранеными и мертвыми могли лишь варвары. Многих наших раненых китайские бандиты добивали штыками и ножами, расстреливали из автоматов, выкручивали руки. У некоторых выколоты глаза. Китайцы кололи шты-

ками и ножами, как показала медицинская экспертиза, даже мертвых.

Это чудовищное преступление маоистов у всех нас, пограничников, вызвало гнев и возмущение. За свое черное дело китайские бандиты получили по заслугам. Мы поклялись, что и впредь будем давать достойный отпор всем, кто посмеет посягнуть на священные рубежи нашей Родины!

**14—15 МАРТА
1969 ГОДА**

Еще не остыла земля острова Даманского от разрывов мин и гранат после первого боя советских пограничников с китайскими провокаторами, еще не залечили свои раны бойцы, еще острой болью отзывались в наших сердцах имена тех, кого мы проводили в последний путь, а обнаглевшие бандиты предприняли новую попытку завладеть кусочком нашей земли.

Провокаторы жестоко заплатились за свои необдуманные действия.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Правительство Союза Советских Социалистических Республик заявляет правительству Китайской Народной Республики следующее.

14 марта 1969 г. в 11 часов 15 минут по московскому времени группа вооруженных китайских солдат предприняла новую попытку вторгнуться на советскую территорию — остров Даманский, на реке Уссури. На следующий день, 15 марта, крупный вооруженный отряд китайских солдат, поддерживаемый с берега артиллерийским и минометным огнем, атаковал советских пограничников, охраняющих остров, в результате чего имеются убитые и раненые. Принятыми мерами провокаторы отброшены с острова. Эта новая наглая вооруженная провокация китайских властей чревата тяжелыми последствиями.

Одновременно китайские официальные органы усиливают антисоветскую истерию вокруг необоснованных и агрессивных территориальных притязаний, пытаясь создать основание для нового обострения напряженности советско-китайских межгосударственных отношений. Грубо извращая факты, они предпринимают попытки уйти от ответственности за заранее спланированные и организованные авантюры на советско-китайской границе.

Факты говорят о том, что правительство Китайской Народной Республики не сделало необходимых выводов из предупреждения Советского правительства в связи с организованной китайскими властями вооруженной провокацией 2 марта с. г. на острове Даманском и продолжает провоцировать новые инциденты.

Во время встречи представителей советских и китайских пограничных войск, состоявшейся 12 марта с. г., офицер китайского погранпоста Хутоу, ссылаясь на указание Мао Цзэ-дуна, высказал угрозы применения вооруженной силы в отношении советских пограничников, охраняющих остров Даманский.

Советское правительство решительно отвергает необоснованные территориальные притязания китайских властей.

Остров Даманский — неотъемлемая часть советской территории. Выдвигаемые по этому вопросу фальшивые утверждения китайских властей являются не чем иным, как попыткой ввести в заблуждение общественное мнение в Китае и в других странах.

Советское правительство считает необходимым со всей твердостью подчеркнуть, что границы Советского Союза священны и неприкосновенны. Советское правительство снова заявляет, что оно решительно выступает против военных столкновений на советско-китайской границе. Все утверждения пропаганды Пекина о враждебности Советского Союза и КПСС к китайскому народу, к Китайской Народной Республике абсолютно лишены оснований. Советский Союз не ищет столкновений, напротив, он принимает все меры к тому, чтобы избежать их.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что, если будут попираться законные права СССР, если будут предприниматься дальнейшие попытки нарушать неприкосновенность советской территории, то Союз Советских Социалистических Республик, все его народы будут решительно оборонять ее и дадут сокрушительный отпор подобным нарушениям.

Заявляя строгий протест правительству Китайской Народной Республики по поводу новой провокации в рай-

оне острова Даманского, сознательно рассчитанной на создание атмосферы отчуждения между народами КНР и СССР, Советское правительство предупреждает, что вся ответственность за возможные тяжелые последствия подобного рода авантюристических властей ложится всецело на китайскую сторону.

Москва, 15 марта 1969 г.

ПРОВОКАТОРЫ ПОЛУЧИЛИ ОТПОР

15 марта по радио было передано Заявление Советского правительства о новой вооруженной провокации маоистов в районе советского острова Даманского на реке Уссури. Корреспонденты «Правды», «Известий» и ТАСС Ж. Чесноков, А. Пушкарь и Н. Глушенко попросили начальника войск Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа генерал-майора В. Ф. Лобанова рассказать о том, как развивались события на границе. Вот что он рассказал.

На протяжении последних полутора лет китайские власти систематически засылали к острову Даманскому вооруженные группы военнослужащих с целью захвата острова, который является неотъемлемой частью советской территории. Мы их неоднократно предупреждали.

Советским людям, да и всему миру сейчас известно о наглой провокации, совершенной китайскими властями 2 марта нынешнего года. Вооруженным путем маоисты пытались захватить остров Даманский. Решительными действиями наших пограничников они были выброшены с советской территории. Об этом уже сообщалось в печати.

Дальнейшие события показали, что пекинские провокаторы не сделали для себя никаких выводов. Дней за шесть до очередной провокации наши пограничники стали замечать, что китайцы подтягивают к границе значительные войсковые силы, тем самым создавая в районе острова Даманского острую, напряженную обстановку.

12 марта офицер китайского погранпоста Хугоу вышел на переговоры с нашими пограничниками. Ссылаясь

на указания Мао Цзэ-дуна, китайский офицер угрожал применением вооруженной силы к советским пограничникам, охраняющим остров Даманский.

14 марта среди бела дня вооруженные китайские провокаторы группами, одна за другой, выходили на остров, демонстрируя свои захватнические цели. Овладеть островом им не удалось. Их вытеснили пограничники, возглавляемые офицерами Д. В. Леоновым и Е. И. Яншиным.

15 марта в 9 часов 45 минут местного времени крупный вооруженный отряд китайских солдат под прикрытием артиллерийско-минометного огня вторгся на южную оконечность острова Даманского и атаковал советских пограничников, охранявших остров. Несмотря на численное превосходство и сильный артиллерийско-минометный огонь противника, пограничники отразили атаку и выбили налетчиков с острова.

Атаки повторялись одна за другой. Подразделения китайских солдат увеличивались. Каждое очередное вторжение сопровождалось огнем артиллерии и минометов. Силы были неравные. Против стойко оборонявшихся советских пограничников провокаторы ввели в бой до пехотного полка со средствами усиления и поддержки. Они стремились захватить наш остров и уничтожить пограничников. К острову Даманскому поспешили пограничники наших соседних застав и резервных подразделений. Совместными усилиями они решительно атаковали вторгшиеся на советский остров подразделения китайской армии и изгнали их с советской территории. Мужество, отвага и преданность Родине были продемонстрированы в бою каждым нашим воином.

Мы гордимся волей, героизмом и умением быстро и точно ориентироваться в бою таких опытных командиров, как коммунисты офицеры Д. В. Леонов и Е. И. Яншин. Группа пограничников, возглавляемая Е. И. Яншиным,

более семи часов сдерживала натиск китайцев, в несколько раз превосходящих по численности. От разрывов снарядов потемнел снег. Огневой вал артиллерийских и минометных дивизионов с китайской стороны то и дело накрывал остров. Но никто из наших пограничников, защищавших родные рубежи, не дрогнул. Командир, отдавший границе более двадцати лет жизни, подавал пример стойкости и умения отлично использовать в бою рельеф местности. Сказалась его долгая выучка на границе.

Бесстрашно сражался с врагами бывший токарь Первого государственного московского подшипникового завода старший лейтенант Л. К. Маньковский, прибывший на дальневосточную границу после окончания Высшего пограничного командного училища. Старший лейтенант Л. К. Маньковский пал смертью храбрых на поле боя.

Отличились в бою с китайскими провокаторами сержант Анатолий Козин, рядовые Виктор Плотников, Валерий Гайлевич и другие. Бессмертной славой овеял себя сержант Виктор Головин. Будучи тяжело раненным, он не покинул поля боя и продолжал драться до последней капли крови. Список героев боя можно увеличить. У острова Даманского была еще раз продемонстрирована стойкость и преданность Родине наших бойцов.

Пограничники заверяют Центральный Комитет родной Коммунистической партии и Советское правительство, что они и впредь будут надежно охранять и оборонять государственную границу СССР, решительно, с достоинством и честью отстаивать каждую пядь советской земли.

«Правда», 17 марта 1969 г.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

(репортаж с острова Даманского)

В ту ночь на границе стояла тревожная, недобрая тишина. В тусклом мерцании звезд, на белой равнине реки огромным сумрачным пятном выделялся остров Даманский.

Остров Даманский... О нем узнал весь мир. Здесь, на этой исконно русской земле, совсем недавно пролилась кровь советских пограничников. Но дорого заплатили фанатики из маоцзэдуновской шайки за смерть наших боевых товарищей. Сильно поредевший отряд бандитов, волоча за собой убитых и раненых, с позором бежал на свою территорию. И лишь кровавые полосы на примятом снегу да брошенные во время бегства предметы снаряжения остались немymi свидетелями жестокого разгрома провокаторов.

И Родина узнала новые имена героев, грудью закрывших се от вероломного, предательского вторжения.

Тихо было в ту ночь над Даманским.

Подполковник Яншин получил приказ с группой пограничников выдвинуться на остров с целью защиты его в случае новой провокации маоистов.

Офицер предполагал, что с рассветом китайцы могут организовать очередную вылазку, поэтому заблаговременно подготовил своих солдат к активной обороне острова. Он успел несколькими словами перебраться с каждым воином, подбодрить их. Яншина волновало то, как поведут себя его люди, если китайцы вдруг двинутся в атаку. Достаточно ли он обучил вверенных ему пограничников в дни занятий, правильно ли воспитал их? Не сробеют ли эти девятнадцатилетние юноши?

Взошло солнце. В воздухе по-настоящему запахло весной. День обещал быть ясным, приветливым.

9. 15.

Каждый из находившихся тогда на острове навсегда запомнит этот миг.

Густая цепь китайских солдат, стреляя на ходу, двинулась через узкую протоку на остров. В тот же момент с сопредельной стороны ударили по острову тяжелые минометы.

Перекрывая визг осколков и пуль, Яншин крикнул бойцам:

— Спокойно! Спокойно, ребята! Еще немного! Еще, еще немного... Огонь!

Кажется, еще не до конца была произнесена эта короткая команда, как дружно и слаженно заговорили наши пулеметы.

Неподалеку от Яншина лежал за станковым пулеметом рядовой Николай Цапаев. Офицер видел, как побелели его щеки, но бил он без промаха.

Справа поливал свинцом цепи провокаторов рядовой Виктор Бугаев.

— Молодцы, ребята! — крикнул Яншин и про себя подумал: «Нет, все же учил я их правильно...»

Китайская артиллерия усиливала обстрел острова. Новые цепи провокаторов рвались к нашему берегу...

* * *

Рядовой Виктор Плотников находился в резерве. Настроение у него было подавленное. Он отчетливо слышал доносившуюся с острова стрельбу и чувствовал себя страшно виноватым в том, что он не там.

Но вот командир вызвал Плотникова к себе. Разговор был коротким:

— Пора.

Не прошло и минуты, как грузовик на предельной скорости помчался к острову.

Тонкие фонтанчики снежных брызг пробежали наперез машине. Строчка трассирующих пуль мелькнула перед самым смотровым стеклом.

По грузовику ударили из минометов.

Виктор, не снижая скорости, повел машину зигзагами. Несколько раз ее заносило в сторону. Гроыхали о стенки кузова набитые патронами ящики.

До острова оставалось несколько сот метров. Солдат уже не обращал внимания на разрывы.

Остров совсем рядом...

И тут до десятка китайцев внезапно выскочили из зарослей и рассыпались в цепь.

Виктор заскрежетал зубами.

Маоисты уже вскидывали автоматы. Еще мгновение — и их очереди ударят по смотровому стеклу. Сворачивать в сторону уже поздно.

Водитель принял решение в доли секунды. До предела надавив на акселератор, включив сирену, он бросил свою машину на маоцзэдуновцев. Скорость была далеко за сто. «Отважные» вояки Мао в ужасе бросились по сторонам. Кое-кто из них даже выронил из рук оружие. И прежде чем китайцы опомнились, грузовик успел скрыться за мысом острова.

Виктор не опоздал...

* * *

Бой принимал все более ожесточенный и затяжной характер. Во много раз превосходящему по численности отряду маоистов все же удалось просочиться на остров.

Общее руководство действиями наших погранични-

ков взял на себя полковник Демократ Владимирович Леонов. В один из наиболее напряженных моментов боя он с группой воинов решил по льду обойти позиции маоистов. На его машину китайцы обрушили шквальный огонь. Один снаряд угодил в борт. Отважный командир был дважды ранен, но остался в строю.

Третья пуля попала ему в сердце...

Гибель командира еще больше ожесточила пограничников. В контратаку повел их политраблотник Александр Дмитриевич Константинов. Еще семнадцатилетним юношей в годы Великой Отечественной войны Константинов получил свое первое боевое крещение.

2 марта, в день первой вооруженной провокации китайских властей, коммунист Константинов принял на себя командование вместо раненого начальника заставы Виталия Бубенина и теперь опять возглавил контратаку наших воинов.

Группа Яншина неоднократно контратаковала китайских провокаторов. Руководимые умелым командиром воины, нанося тяжелые удары маоистам, сами обходились без потерь.

Бой длился уже несколько часов. Снег стал грязно-коричневым от частых разрывов снарядов и мин. Лица солдат осунулись, почернели от пороховой гари.

Огонь провокаторов становился все плотнее. Смертоносные строчки пуль вспарывали снег вдоль и поперек. И вот, в этот тяжелейший период боя, тяжело раненный офицер Косинов оказался на открытом месте. Сам он уже не был в состоянии перебраться в укрытие. Первым заметил это рядовой Виктор Головин и, позвав на помощь ефрейтора Геннадия Иванова, короткими перебежками бросился к раненому. Рой пуль проносился над головами отважных солдат. Казалось, уже ничего не спасет этих смельчаков. Но все закончилось благополучно.

Иванов и Головин отделались лишь несколькими царапинами.

Еще один офицер был в том бою обязан жизнью Виктору Головину.

Дело было так. Проскочивший на остров расчет станкового гранатомета китайцев, замаскировавшись в непосредственной близости от нашей позиции, приготовился ударить по цепи пограничников. Ближе всех к провокаторам находился Александр Дмитриевич Константинов.

Виктор Головин первым увидел нависшую над командиром беду. Мгновенно развернув пулемет в сторону расчета, воин выпустил длинную очередь.

Бесстрашно, решительно, грамотно действовал расчет станкового гранатомета, которым командовал сержант Илья Кобец. Этот могучий, уверенный в собственных силах сибиряк, показывал своим подчиненным пример настоящего, осмысленного героизма.

Не имея возможности применить гранатомет (это замечательное противотанковое средство) по назначению, Илья начал взаимодействовать с пулеметным расчетом Николая Цапаева и Виктора Бугаева.

Мощные гранаты, посланные расчетом Кобца, выбивали провокаторов из укрытий. Пулеметчики же были всегда начеку.

* * *

В этом бою героем был каждый. И те немногие, кому не довелось вернуться на заставу, встретили смерть достойно, как и подобает настоящим советским людям, подлинным патриотам Родины.

Старший лейтенант Лев Маньковский, бесстрашный политработник, будучи сам раненым, прикрывал отход получивших ранение товарищей. Ценою своей жизни он не допустил гибели других. Истекая кровью, до послед-

него вздоха метко разили бандитов сержант Борис Головин, Владимир Малыхин, рядовой Владимир Бильдушкинов и другие павшие смертью героев пограничники.

Рядовые Анатолий Петухов и Геннадий Грибачев во время боя попали в казалось бы безвыходное положение. Их бронетранспортер был подбит маоистами. Вспыхнул бензиновый бак.

Выбросившись на лед, солдаты увидели приближавшихся к ним со всех сторон китайских провокаторов, которые были намерены, по-видимому, взять в плен советских пограничников.

Друзья открыли огонь из автоматов, заставили лечь маоистов. И вот в этот безнадежный момент Геннадий сказал Анатолию:

— Береги последний патрон для себя. Живыми не сдадимся.

Их выручили подоспевшие товарищи...

Нельзя не восхищаться выдержкой рядового Юрия Ахмедшина. Будучи тяжело раненным, он оказался в окружении китайских вояк. Быстро оценив обстановку, Юрий притворился убитым. Но «питомцы великого кормчего» стреляют даже в мертвых. Юрий не застонал, не шевельнул пальцем, когда пуля, выпущенная в упор, пронзила ему плечо.

И лишь когда провокаторов выбили с острова, Юрий, собрав последние силы, пополз к своим.

* * *

Бой продолжался весь день. Маоисты, понеся большие потери, бежали с острова.

Суровый, беспощадный экзамен на прочность пограничники выдержали с честью. Никто не дрогнул, никто не смалодушничал, каждый воин, от рядового до офи-

цера, проявил в этом бою самые лучшие морально-волевые качества советского человека, беспредельную любовь к Родине, умение пожертвовать собой ради других.

Образно сказал об этом участник боя офицер Бурдин:

— Что бы мы ни говорили о нашей молодежи, а Родина прошла через сердце каждого юноши. В часы испытания наши люди становятся прекрасными. Не иначе.

Героем в том бою был каждый. Полковник Леонов, подполковники Яншин и Константинов, старший лейтенант Маньковский, лейтенант Клыга, сержанты Кобец, Малыхин, Козин, рядовые Базарбаев, Цапаев, Иванов, Бульдушкинов...

Бой закончен. Эвакуированы раненые. Перевезены на заставу убитые. На лицах бойцов скорбь и гнев. Они снова готовы идти в бой и, если потребуется, отдать жизнь во имя нерушимости рубежей Родины.

А на следующее утро (это было 16 марта) участники вчерашнего сражения подходили к избирательным урнам, чтобы еще раз выразить свое доверие Советской власти, советскому народу, партии...

Для нас эти люди обыкновенные. А ведь скажут когда-нибудь не родившиеся еще мальчишки, как говорят теперешние мальчишки о героях Хасана, Халхин-Гола, Бреста:

«Они были громадного роста. Широкоплечие. С мужественными, красивыми лицами».

Остров Даманский... Крохотный клочок великой державы. Его трудно найти на карте. Но о нем теперь узнали все, потому что подвиг, совершенный здесь простыми советскими людьми, шагнул в бессмертие.

Пройдут годы. О героях Даманского народ сложит песни, напишет поэмы, стихи... Их имена золотыми буквами впишутся в страницы героической летописи рядом с именами героев Хасана и Бреста.

**ВЫПОЛНЯЯ
ВОИНСКИЙ ДОЛГ**

Есть в воинском уставе строки, которые неприменимы для солдата в обычной, мирной обстановке. Но приходит час, и эти строки становятся самыми главными, и солдат, точно выполняющий в боевой обстановке уставные положения, становится героем.

События на острове Даманском показали, что советские воины-пограничники хорошо знают свой устав и готовы выполнить любое его требование.

СХВАТКА НА ЛЬДУ

Командир обязан... воспитывать у личного состава высокие морально-боевые качества, беспредельную преданность Советской Родине, Коммунистической партии и Советскому правительству... Отвагу, выдержку, находчивость... Готовность сражаться с врагами нашей Родины до полной победы над ними, не щадя своих сил и самой жизни.

Январским утром 1969 года на китайский пост Гунсы пришла легковая машина. Заметно усилилась беготня китайцев по городку. Вскоре из гарнизона вышла группа вооруженных военнослужащих и направилась к острову Даманскому.

На пограничной заставе прозвучала команда «в ружье». Усиленный пограннаряд во главе со старшим лейтенантом Стрельниковым прибыл к советскому острову в то время, когда китайцы начали его обходить с явно провокационной целью. Через переводчика китайцам был заявлен протест и предложено немедленно покинуть пределы советской территории. В ответ на это законное требование китайцы ответили криком, стали размахивать кулаками, выкрикивать лозунги антисоветского содержания с угрозой.

Начальник заставы подал команду выдворить непрошенных гостей с нашей земли. Китайцы, видя свое численное превосходство, оказали яростное сопротивление. В ход было пущено оружие. Взявшись за стволы автоматов и карабинов, провокаторы стали орудовать прикладами. Пришлось защищаться.

Дикие крики пьяных китайцев смешались с лязгом железа. Особую активность нарушители проявили против группы пограничников, защищавших начальника заставы старшего лейтенанта Стрельникова. Было ясно, что они получили задачу любой ценой вывести советского офицера из строя и внести дезорганизацию в ряды наших пограничников.

В этой ситуации Стрельников не потерял самообладания. По его приказу наши пограничники стали расчленять китайцев на отдельные группы и постепенно вытеснять их с нашей территории. Китайцы не выдержали натиска наших пограничников и убрались восвояси.

И на этот раз провокаторы с позором были выдворены с советского острова, оставив на месте схватки разбитые карабины и автоматы, патроны и снаряжение.

ПРОВЕРКА БОЕМ

Военнослужащий обязан постоянно совершенствовать военные и политические знания, в совершенстве знать и беречь вверенное ему вооружение и боевую технику, проявлять разумную инициативу.

Не раз приходилось Юрию Бабанскому водить свое отделение в атаку на тактических занятиях. Приходилось стрелять по «противнику» холостыми патронами, забрасывать его гранатами.

Младший сержант Бабанский хорошо знал тактику боя и умело передавал свои знания подчиненным.

И вот наступил день, когда грянул бой. Настоящий, не учебный.

Коварный враг сумел в первые же минуты вывести из строя большую группу наших пограничников.

На глазах у Юрия падали сраженные пулями его боевые товарищи.

Смертью героя погиб любимец личного состава их командир старший лейтенант Иван Иванович Стрельников.

Замаскировавшиеся китайцы стреляли со всех сторон.

И тут-то прозвучал голос младшего сержанта Бабанского:

— К бою!

Собрав вокруг себя оставшихся в живых воинов, Юрий повел их в атаку. Он знал, что идет на противника, во много раз превосходящего по численности советских пограничников.

Он первым открыл огонь по врагу. И уже падали, сраженные меткими пулями наших бойцов, китайские провокаторы.

Хладнокровие Юрия, расчетливость, мужество вдохновляли товарищей на подвиг. И никто из них не дрогнул.

Более часа горстка отважных пограничников вела этот неравный бой. Младший сержант Бабанский, разя врагов, успевал руководить товарищами.

В живых из группы Бабанского осталось лишь пять человек. Действуя под шквальным огнем противника, обливаясь кровью, они выстояли до конца боя. Выстояли и победили.

МУЖЕСТВО ВОДИТЕЛЯ

Военнослужащий должен быть дисциплинированным, честным, правдивым, храбрым и не щадить своих сил и самой жизни при выполнении воинского долга

В январе этого года, нарушив государственную границу СССР и пользуясь перевесом в силах, военнослужащие КНР, размахивая оружием, стали теснить советских пограничников, пытаясь вывести из строя начальника заставы и младших командиров. По команде начальника заставы строй советских пограничников, сдерживающий натиск китайских военнослужащих, разомкнулся и в образовавшийся проход, подавая сигналы, включив фары, въехал на машине ГАЗ-69 рядовой Петр Литвинов.

Опешившие от неожиданности китайцы бросили оружие и отступили на свою территорию. Опомившись, китайцы стали бросать в машину камни, куски льда, пытались нанести удары прикладами по стеклам и фарам, оглушить Литвинова. Куском льда они разбили смотровое стекло, осколки полетели в лицо. Брошенный кем-то камень ударил по лбу. Из рассеченной брови по лицу текла кровь, но рядовой Литвинов, стараясь никого не задеть машиной, спокойно выполнял поставленную задачу, выдворяя китайцев.

Когда военнослужащие КНР, придя в себя, построились в три шеренги и снова двинулись на советских пограничников, было уже поздно, на помощь подоспел резерв соседней заставы.

Своими смелыми, решительными действиями рядовой Литвинов оказал большую помощь в пресечении очередной китайской провокации, показав пример выдержки и воинской дисциплинированности.

СРАЖАЛИСЬ ГЕРОЙСКИ

Советские воины... должны вести боевые действия с полным напряжением моральных и физических сил, проявлять в бою мужество, смелость, стойкость...

За две недели до событий на острове Даманском Александр Шестаков был принят в ряды Ленинского комсомола. И, быть может, поэтому начальник заставы Иван Стрельников на этот раз уступил его просьбе: послать на ответственное дело. Шестаков оправдал доверие, вел себя в бою смело и находчиво.

Выдвинувшись вперед, он один сражался с большой группой китайских солдат. И те дрогнули, побежали на свою сторону. Потом он поспешил оказать помощь раненому другу, и тут его настигла пуля.

В числе отличившихся рядовой Владимир Литвинов. Он шофер, награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». Оставив машину, Литвинов вместе с другими смело ринулся в бой. Его ранило, но он продолжал вести огонь по нарушителям границы.

ЗАЩИЩАЯ ОФИЦЕРА

Военнослужащий должен беспрекословно повиноваться начальникам и защищать их в бою...

Это случилось еще до кровавых событий 2 марта.

Группа пьяных китайских пограничников, вооруженных автоматами и карабинами, в районе острова Даманского вторглась в пределы советской территории.

Маоцзэдуновские вояки на протяжении длительного времени неоднократно нарушали нашу государственную

границу, пытаясь спровоцировать конфликт с нашими пограничниками. Так было и в то утро. Выкрикивая ругательства и размахивая цитатниками, китайцы ступили на нашу территорию.

Старший пограничного наряда начальник пограничной заставы старший лейтенант Стрельников воспрепятствовал обходу китайцами советского острова и предложил им покинуть пределы советской земли. В ответ на это законное требование военнослужащие КНР, видя, что они численно превосходят советских пограничников, взяли автоматы и карабины за стволы и бросились на наш пограничный наряд.

Завязалась ожесточенная рукопашная схватка.

Китайцы стремились прорвать цепь пограничников, захватить или убить начальника заставы. Когда старший лейтенант Стрельников бросился на помощь сбитому с ног рядовому Исакову, на него напала группа наиболее рослых и физически крепких китайцев. Еще мгновение — и приклад одного из них обрушится на голову офицера. Рядовой Анатолий Денисенко, видя опасность, нависшую над командиром, не растерялся. Он подставил свой автомат под удар китайца, а второго бандита, бросившегося на Стрельникова, ударил ногой.

В этой схватке Денисенко получил сильный удар прикладом, его лицо залила кровь, но он отказался идти на заставу и сражался до тех пор, пока китайские провокаторы не были изгнаны с советской земли.

ЗА ЖИЗНЬ ТОВАРИЩЕЙ

Военнослужащий обязан стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, дорожить войсковым товариществом, помогать товарищам словом и делом... не щадя своей жизни, выручать их из опасности.

Рассказывая о бое, младший сержант Михаил Фадеев старался прикрыть бурые пятна на гимнастерке, брюках.

— Вы ранены?

— Нет. Это кровь наших ребят.

Да, младшему сержанту Михаилу Фадееву многие из его товарищей обязаны жизнью. Когда заставу подняли по тревоге, он вместе с боеприпасами и автоматом захватил с собой сумку своего друга, фельдшера заставы. Ни он, ни его товарищи не думали, что бой на границе будет таким кровопролитным, что в этот день они потеряют многих своих друзей.

Первым, кого он увидел на поле боя, был солдат из его отделения Виктор Горшков.

— Сначала я подумал, что он просто отдыхает, подлез к нему, перевернул на спину, а у него уже снег на лице не тает... Чуть подальше лежал Исламгали Насретдинов. Тоже мертвый. В моем отделении служил, — вспоминает Михаил.

У рядового Кузьмы Калашникова было четыре ранения на руке. Наложил ему жгут, чтобы меньше шла кровь. Пополз к нашему бронетранспортеру. Он еще дымился после прямого попадания снаряда.

Первым вытащил рядового Буранцева. Его ранило в грудь. Сначала я не узнал его. Взрывом солдату обожгло лицо, опалило волосы. Михаилу Путилову осколок попал в бок... Сержанту Виктору Ермалюку перебило обе ноги

выше колен. Он еще спросил, как же он теперь без ног будет. Наложил ему жгут.

Умер Виктор в вертолете. Не довезли его...

А с острова по-прежнему гремели очереди. Пули стучали по броне подбитой машины, вспарывали снег на Уссури. И некуда было отнести раненых. Китайцы стреляли по всему, что проявляло хоть малейшие признаки жизни.

— Многих наших можно было бы спасти, — продолжает Михаил, — почти все раненые остались живые. Но ведь эти изуверы добили многих ребят. Геннадия Давыденко они даже горло перерезали. Хороший хлопец был. Его мы уже потом нашли на острове...

Он видел муки своих друзей, смотрел в глаза смерти. Он никогда не забудет этого боя на льду Уссури. Временами Михаила охватывала ярость. Сержант откладывал в сторону сумку с медикаментами и бил короткими очередями по врагу. Становилось легче, когда видел падающие под его огнем фигуры разъяренных, кричащих что-то провокаторов. А потом он снова полз под смертоносным дождем на помощь друзьям, рискуя своей жизнью во имя их жизни.

Сейчас младший сержант Михаил Фадеев снова возглавляет радиотехническое отделение на заставе. Только появилась в его глазах незаметная раньше суровость и ожесточение. Снятся ему по ночам товарищи, которых уже нет в живых, напоминая о том, что нельзя ни на минуту забывать о том бое у острова Даманского.

ОГОНЬ ВЕДЕТ ГРУППА РЕЗЕРВА

Они ждали сигнала к атаке. И он прозвучал.

Рванулись с места бронетранспортеры, понеслись к острову. Цепь возглавлял БТР, в котором находился

майор Косинов. Машина мчалась вперед; пули, посылаемые пограничниками, разили врагов, расчищали путь.

— Так их, ребята, так! — приговаривал Косинов, выпуская длинные очереди из пулемета. До острова уже рукой подать, уже видны залегающие на нем цепи наших. И вдруг... взрыв. И не стало в живых Анатолия Ковалева и Анатолия Яковлева. Сам Косинов был тяжело ранен.

По руке сержанта Александра Игнатьева потекла струйка крови. Он не замечал этого. Он увидел, что ранен командир, и бросился к нему.

Втроем они вытащили офицера из машины. Двое: Геннадий Иванов и Виктор Головин — отправились под пулями в тыл. Они вынесли Петра Ивановича в безопасное место. А Игнатьев, приняв командование на себя, возглавил группу резерва.

Вот когда пригодилось сержанту его отличное владение оружием. Его огонь был губительным для противника.

В разгар боя Игнатьев был ранен вторично. Упал, но продолжал вести огонь. Он держался из последних сил, потому что на него смотрели его подчиненные. Нельзя было допустить, чтобы они остались совсем без командира.

В висках стучало, перед глазами плыли темные круги, но Игнатьев держался.

И только когда пришла помощь, он позволил товарищам вынести себя в тыл.

КОМАНДИР РАЗВЕДЧИКОВ

В разведку с ним уходило семеро: Виктор Головин, Геннадий Лузин, Александр Шульгин, Александр Камзалаков, Алексей Матков, Владимир Мозуль и Владимир

Круглов. Воины стояли в шеренге. Подтянутые, сосредоточенные. Старший лейтенант Маньковский внимательно осмотрел их, тихо сказал:

— Вперед!

Медленно продвигаясь от укрытия к укрытию, пограничники внимательно осматривали прилегающую местность.

И вдруг морозный воздух разорвала дробь автоматных и пулеметных очередей. Пули засвистели над головами, обрезали ветки кустарника. Воины залегли и открыли огонь.

— Экономьте патроны, ребята, — крикнул Маньковский, потом тщательно прицелился и дал очередь по появившейся группе китайцев.

Перестрелка усиливалась. Стволы автоматов и пулеметов стали горячими. А враги все лезли, пытаясь выбить с острова отважную горстку наших бойцов. Но на помощь разведчикам шла группа пограничников под командованием Евгения Ивановича Яншина. Помощь пришла вовремя.

Только успели выбрать удобные позиции стрелки и гранометчики, как на лед Уссури высыпало до двух рот вооруженных до зубов китайских головорезов. Их встретил дружный огонь пограничников.

Противник начал обстреливать остров из минометов и пушек. Группа Маньковского сражалась на правом фланге нашей цепи. Уже некоторые пограничники были ранены.

Вскоре был ранен и сам Маньковский, но в тыл не ушел, продолжал руководить своей группой.

...Шел седьмой час боя. Снег почернел от пороховой гари, воздух раскалывался взрывами мин и снарядов. Пограничники не считали поверженных врагов, но знали,

что их немало. Многие из них были уничтожены старшим лейтенантом Маньковским.

Но вражеская пуля сразила его.

НА САМОМ ТРУДНОМ УЧАСТКЕ

Как только на границе завязался бой, Михаил Иванович Небылица с группой офицеров выехал в район боевых действий.

...Траншеи, ходы сообщения. Пограничники ведут интенсивный огонь из всех видов оружия. От разрывов снарядов и частой пулеметной стрельбы звенит в ушах, под ногами содрогается земля. А враги все надвигаются.

Михаил Иванович нажал на спусковой крючок автомата. Один из наступающих китайцев упал. «Вот так... Получил свое. Больше не полезешь...»

Кончились патроны. Михаил Иванович стал перезаряжать магазин и в этот момент заметил, что несколько китайских солдат приближаются к нашей траншее. Пулеметный расчет, что находился поблизости от него, вел огонь по наступающим цепям чуть правее.

— Возьми ближе к кустарнику! — крикнул офицер пулеметчику и первым открыл огонь по китайцам. Несколько вражеских солдат, сраженные его пулями, рухнули.

Стрельба то затихала, то разгоралась с новой силой.

Рядом, вскрикнув, упал пограничник. Михаил Иванович бросился к нему.

— Ранен? — И увидел на груди солдата несколько ран.

Еще яростнее заработал его автомат. Прибавилось злости и ненависти к тем, кто осмелился ступить на рус-

скую землю, по чьей вине проливалась сейчас кровь советских ребят.

...К вечеру бой начал постепенно стихать. То там, то здесь еще раздавались короткие автоматные очереди. На сопредельном берегу воздух вспарывали ракеты.

С небольшой группой пограничников, оказавшихся поблизости, Михаил Иванович стал подбирать раненых. Тут же их перевязывали, оказывали первую медицинскую помощь.

Когда он, изможденный, почерневший от пороха, появился на командном пункте, все ему очень обрадовались. Бойцы всегда рады видеть своего товарища после боя живым и невредимым.

**О НИХ
СЛАГАЮТ ПЕСНИ**

История советской пограничной службы знает немало случаев героизма, верности лучшим боевым традициям. Проходят годы, меняется время, обстановка, но остается неизменным мужество, высокий боевой дух советского человека.

Еще в начале тридцатых годов погиб, защищая наши восточные рубежи, легендарный Марк Решетников. Но на смену ему пришли другие. Мужественно охранял границу Валентин Котельников и тоже погиб в схватке с японскими самураями. Но его место в строю занял его брат, Петр Котельников. Именно тогда в стране началось движение «Брат на смену брату». Их были десятки, сотни таких братьев.

1938 год стал для советских пограничников годом еще одного трудного экзамена — японской провокации на Хасане. Они с честью выдержали этот экзамен. Страна узнала имена новых героев-пограничников. Это были Алексей Махалин, Иван Чернопятко, Галифан Батаршин и многие другие.

И вот — новый подвиг, новые имена.

Иван Стрельников, Виталий Бубенин, Юрий Банский...

Кто они, эти люди! Что закалило их дух, наполнило сердце мужеством! Об этом рассказывают настоящие очерки.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

**О присвоении звания Героя Советского Союза полковнику
Леонову Д. В. и старшему лейтенанту Стрельникову И. И.**

За героизм и отвагу, проявленные при защите государственной границы СССР, присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА посмертно:

**полковнику ЛЕОНОВУ Демократу Владимировичу
старшему лейтенанту СТРЕЛЬНИКОВУ Ивану Ивановичу.**

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.**

**Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.**

Москва, Кремль. 21 марта 1969 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

**О присвоении звания Героя Советского Союза младшему
сержанту Бабанскому Ю. В. и старшему лейтенанту Бубенину В. Д.**

За героизм и отвагу, проявленные при защите государственной границы СССР, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

**младшему сержанту БАБАНСКОМУ Юрию Васильевичу
старшему лейтенанту БУБЕНИНУ Виталию Дмитриевичу.**

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.**

**Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.**

Москва, Кремль. 21 марта 1969 г.

МОЯ ГРАНИЦА

Коммунистической партии Советского Союза и Социалистической Родине предан. Идеологически выдержан. Морально устойчив. Большое внимание уделяет вопросам повышения боеготовности личного состава части. Лично участвует в обучении и воспитании офицеров, умело передает им свой опыт в работе с людьми. В условиях сложной обстановки на границе с КНР личный состав части показывает высокую организованность, отличную боевую выучку, политическую зрелость и выдержку. Дисциплинирован, к себе и подчиненным требователен. К запросам и нуждам людей внимателен...

(Из последней аттестации на полковника Д. В. Леонова).

Официальные, правдивые, сухие слова документа. Но что они могут рассказать об этом большом, интересном и по-настоящему государственном человеке?

...То утро над Иманом было сумрачным, неуютным. Тоскливо насвистывал ветер в голых ветках деревьев; низкие темные облака, заслонившие небо, роняли на холодную землю липкий, тяжелый снег.

Тысячи жителей Имана, сотни приезжих собрались в городском парке, чтобы проводить в последний путь Демократа Владимировича Леонова. Кем был для них этот человек? Многие не знали даже его имени. Но он до боли в сердце был дорог и близок всем.

...Герой Советского Союза, офицер, пограничник, коммунист, человек...

Все знали, что он был справедлив, честен, добр. Все знали полковника Леонова, командира части, большого пограничного начальника...

Мокрый снег падал на непокрытые головы, медленно полз по щекам; промозглый ветер пронизывал до костей. Казалось, плакало само небо.

Люди не уходили...

Ораторы сменяли один другого. Каждому хотелось высказать свои последние слова навсегда уходящему от нас человеку.

Ему не было и сорока трех. Из них четверть века было отдано границе.

Баку. Жаркий, солнечный город. Здесь прошло детство Демократа Владимировича. Мирной, счастливой юности познать ему не было суждено. У порога Кавказа грохотала война. Мальчишки с Набережной, что были постарше, уходили на фронт. Многие уходили безвозвратно.

Ему в ту пору шел семнадцатый год. И он тоже рвался на фронт. Отказывали. Говорили, молод. И только при содействии отца, офицера-чекиста, удалось ему сменить костюм школьника на шинель военного.

С тех пор он уже не расставался с нею ни на день.

1943 год. Враг блокировал Ленинград. Рвется к Архангельску. Леонов в рядах бойцов защищает границу... Границу, проходящую по родной земле. И тут он решает никогда не расставаться с зеленой фуражкой. Она была очень к лицу высокому, широкоплечему юноше.

1945 год. Первое офицерское звание. Младший лейтенант. А за плечами всего лишь девятнадцать лет.

Проходит еще два года. Молодой офицер вступает в ряды коммунистов.

«Рад за тебя, Демка!» — летит от отца поздравительная телеграмма.

Что ж, Владимир Порфирьевич мог гордиться своим сыном. Он ведь и сам начинал с азов.

Граница, граница... Узкая полоска земли. Ленты дозорных троп, скрипучая вышка да ветхое здание заставы. Все это пришлось познать молодому офицеру на первых порах своей службы. Трудно было? Конечно, трудно. Безлюдное захолустье — и шумный солнечный город. Керосиновая лампа-семилинейка — и море огней. Суровые солдатские лица — и лучезарные улыбки бакинских девушек. Еще не поздно. Можно вернуться.

И он выбрал границу.

Он полюбил границу всей силой своего большого, открытого сердца.

По душе ему была беспокойная, тревожная пограничная жизнь. Он твердым, пружинистым шагом шел по зыбким болотистым тропам Карелии, увязал в пьору распутицы на «дозорках» в Молдавии, карабкался по каменистым перевалам пограничного Закавказья.

Граница была для него родным домом, его рабочим местом, его университетом.

Еще много лет назад у Демократа Владимировича родилась привычка говорить: мои солдаты, моя застава, моя граница. Глубокий смысл вкладывал офицер в эти слова.

«Моя» — это значило: граница для меня все, без нее меня не существует.

Евгения Ивановна, его жена, более двадцати лет делившая с ним нелегкую пограничную судьбу, вспоминает:

— Он был добр ко мне, заботлив, верен. И в то же время он не был моим. Он весь, без остатка, принадлежал границе.

Проходили годы. Граница в ответ на любовь к ней добром платила своему сыну. Здесь он успешно подни-

мался по служебной лестнице. Получил высшее образование, стал уважаемым человеком.

Мечта побывать, послужить на Востоке у Демократа Владимировича зародилась давно, а осуществилась лишь несколько лет назад.

К тому времени он занимал уже довольно высокий пост и не скрывал своего желания пожить более или менее благоустроенно. Того же хотела и его семья.

В отряд Демократ Владимирович прибыл, можно сказать, на «голое место». Не было учебно-материальной базы, плохо обстояло дело с жильем. О себе снова пришлось забыть.

Леонов весь ушел в работу. С молодым задором взялся он за укрепление границы, за обучение солдат.

С каждым годом беспокойнее становилось на дальневосточных рубежах. Оболваненные маоистской пропагандой китайские вояки все чаще стали покушаться на нашу территорию. На льду Уссури китайские провокаторы то и дело навязывали потасовки советским пограничникам.

Демократ Владимирович отчетливо сознавал, что так без конца продолжаться не может. Не щадя себя, не жалея сил и времени, он учил людей тому, что необходимо в бою. В постоянных заботах рано стала седою его голова.

Но он всегда оставался самим собой. Трудная, порою немилосердная к офицеру работа не сделала Демократа Владимировича черствым, сухим служакой. Его интересовали все стороны жизни. Домашней библиотеке Леонова мог бы позавидовать иной профессиональный литератор. Собрания сочинений русских классиков, произведения советских и зарубежных писателей, подшивки научно-популярных журналов — все можно найти в богатейшей книжной коллекции Демократа Владимировича

Когда Евгения Ивановна упрекала его, дескать, нельзя ли ограничить покупки книг, он отвечал:

— Раз я командую людьми, я должен много знать.

Да, он должен был много знать, должен был много уметь. И он знал и умел, действительно, много.

При всем своем положении Демократ Владимирович оставался исключительно простым, обаятельным человеком. Полковник любил острую шутку, улыбку. Ему ничто не было чуждым.

Трудно было найти среди офицеров части такого преданного спортивного болельщика, как Демократ Владимирович.

Еще накануне того рокового дня он мечтал послушать репортаж из Стокгольма, с мирового хоккейного чемпионата. Спорил, доказывал скептикам, что советские спортсмены отстают свои чемпионские титулы...

...Первый матч в Стокгольме начался уже без него...

Ранним утром на Даманском раздались выстрелы. Нет, наши пограничники не хотели кровопролития. Но потерявшие рассудок маоцзедуновские вояки вынудили их принять бой. И лед обогрился кровью.

Китайцы пустили в ход артиллерию. Небольшая группа советских пограничников под командованием подполковника Яншина несколько часов сражалась с превосходящими силами провокаторов. Все труднее становилось противостоять их напору. В один из опасных моментов Леонов на боевой машине выдвинулся на переднюю линию, чтобы помочь пограничникам Яншина.

11 часов 45 минут. Китайские бандиты обрушили на машину огонь гранатометов и дальнобойной артиллерии. Грохотали разрывы. Скрежещущим градом били по броне осколки.

Снаряд ударил в борт. Горячий осколок впился в правое колено полковника. Страшная боль пронзила ногу.

Собрав всю свою волю, Демократ Владимирович попытался наложить на рану жгут.

Огонь бушевал внутри машины. Остаться в ней было больше нельзя.

Отбросив люк, Леонов с трудом поднялся на ослабевших руках.

Над головой сияло чистое весеннее небо. Пьянящей свежестью бил в лицо слабый ветер...

До чего же ты прекрасна, жизнь!

Он уже почти выбрался из машины. Еще немного, еще...

Но пуля, выпущенная вражеской рукой, останавливает его, останавливает навсегда...

Подтаивает на крутом косяке снег.

Зацветает зеленью кора пригретых дыханием весны деревьев.

Закончился последний репортаж с мирового чемпионата...

Но это уже не для него.

Его нет...

...Мокрый, тяжелый снег, перемешиваясь со слезой, сползает по лицам людей. Их тысячи. Они пришли проводить в последний путь Демократа Владимировича Леонова. Кто он для них? Многие лишь сейчас узнали его имя.

Полковник Леонов. Герой Советского Союза, сын границы, сын Родины. Коммунист. Человек.

ЖИЗНЬ, ДОСТОЙНАЯ ПРИМЕРА

Говорят, что в последние секунды жизни в сознании молнией пронесется вся жизнь. С самого рождения.

Может быть, там, за островом, на льду Уссури, Иван Иванович последний раз, глядя на яркое солнце, на сферическое полотно голубого неба, увидел вспыхивающие кадрами картины своей непродолжительной, но достойной примера героической жизни. С каждым ударом сердца.

...На селе шумная радость. Захлопали в избах двери, закрипели ставни окон. Забегали по селу женщины. Вокруг безудержная радость, и вокруг горе. Слезы от большого счастья и слезы от незабываемых утрат.

Засучив выше колен залатанные штаны, перегоняя друг друга, неслись, расплескивая пузырящиеся от дождя лужи, босоногие мальчишки, выкрикивали услышанное от взрослых «Германия капитулировала. Победа!»

Радость и в семье Агнии Николаевны Стрельниковой. Нелегко приходилось ей с семьей. Голодно было. Но теперь, кажется, все позади. Скоро вернется с фронта отец, полегче будет.

Иван Иванович Стрельников вернулся. Часто по ночам слышал маленький Ваня, не по годам серьезный мальчишка, глубокие вздохи фронтовика. Давали знать о себе раны. А их на теле Ивана Ивановича было двенадцать. Ныли они в ненастную погоду. Но не из того теста был вылеплен Иван Иванович-старший, чтобы поддаваться болезни. Руки его, за многие годы привыкшие к оружию, нашли теперь другое применение, другую работу.

Только все чаще стал бывший фронтовик подумывать

о том, чтобы перебраться жить куда-нибудь в другие места. Захотелось Россию посмотреть.

— Да ты ведь сам-пят, — сокрушалась Агния Николаевна.

— Ничего, мать, — твердил свое Иван Иванович.

Поговорили они, прикинули все «за» и «против» и решили тронуться. С Рязани за седой Урал.

...Старожилы встретили переселенцев приветливо. В колхозе нужны были рабочие руки. Специалистов не хватало, многие не вернулись с фронта. Принялся Иван Иванович столярничать. И со временем стал на селе Любичи одним из самых уважаемых людей.

А Иван-младший учился. Учился всегда хорошо. Наверное, от отца передалось ему это качество — делать все на совесть. С себя самый большой спрос — был такой девиз у отца, и сын воспринял его.

Десятый класс Иван заканчивал в селе Оконешниково Омской области. Еще до того, как прозвучал последний звонок, он твердо решил остаться в Оконешникове и работать в сельском хозяйстве.

Вот и он, долгожданный последний звонок. На лице радость, а в сердце грусть. Первоклассники вручают выпускникам цветы. Затем прощальный вечер. Прощание со школой, с любимыми учителями, с одноклассниками...

И потекли трудовые будни. Будни, наполненные грохотом полевых машин и шелестом пшеничных колосьев. И бригадирскими заботами. Да, да, бригадирскими, потому что в колхозе быстро заметили молодого старательного парня и в семнадцать лет назначили его бригадиром полеводческой бригады.

...В этот вечер Агния Николаевна долго не выходила из комнаты.

— Что случилось? — озабоченно думали сыновья. Раньше мать всегда встречала их с работы.

Агния Николаевна вышла немного погодя, пряча от мужа заплаканные глаза.

— Ивану повестка, в военкомат, — вздохнула она.

Провожали всей бригадой.

— Ты уж не подкачай, Иван, — давали наказ фронтовики.

Последние рукопожатия, протяжный гудок, и поезд, постукивая на стыках рельс, повез Ивана к Тихому океану.

Началась для Ивана Стрельникова новая, военная жизнь.

С успехом осваивал он курс молодого солдата. Командование заметило смышленного, настойчивого парня. Спустя немного времени ему доверили командовать отделением. С обязанностями командира он справлялся легко. Подчиненные уважали Ивана за открытый, прямой характер, за требовательность и принципиальность, за умение руководить.

Однажды вызвал его к себе командир.

— Направляем тебя, Иван, в школу сержантского состава, — сказал он. — Мы тебя рекомендуем. Ты уж смотри, не подведи нас.

— Есть, — четко ответил он. — Не подведу.

Мечтал Иван Стрельников стать учителем. Но не всегда сбываются мечты. Международная обстановка накалялась. В мире запахло порохом.

Как-то вечером собрались сержанты в ленинской комнате. Говорили долго. И постановили: всем остаться в армии.

«Я остался на сверхсрочную», — писал Иван брату-офицеру, который проходил службу на западных границах нашей Родины.

Отец поддержал сына.

Потекли однообразные, на первый взгляд, дни служ-

бы на границе. Наряды, отдых, занятия. И так изо дня в день. Но Иван не жалел, что остался на границе. Прикипел он душой к воинской службе. Здесь, на переднем крае, он полностью проявил все свои способности. Знал он каждую черточку характера всех людей на заставе. Мог интересно рассказать о них. На вопросы отвечал всегда сразу и безошибочно.

— Полонский, спрашиваете? Отличный у меня командир младший сержант Полонский.

Или про уволившегося в запас Геннадия Кузякина. «Возьмет топор, покажет, как нужно работать топором. Возьмет перо — вот вам плакат, какой ни в одном магазине не купите».

Или вызовет молодого пограничника и начнет расспрашивать о доме, нравится ли ему на заставе, хватает ли питания, не обижают ли старослужащие. Разговаривает, а сам приглядывается. Откровенен ли с ним воин. И понимал солдата. Не по возрасту — по душе был для бойцов отцом и другом их командир Иван Стрельников.

Знал Иван Иванович жизнь воинов до мельчайших подробностей. Сам прошел через все этапы, от рядового солдата до старшины заставы.

Но на этом не остановился. Пройдя курсы младших лейтенантов, Иван Иванович экстерном сдает экзамены за пограничное училище.

Пограничные войска явились для Ивана Стрельникова университетом жизни. Здесь он стал офицером. Здесь его приняли в ряды Коммунистической партии.

Было все. Дом. Семья. Любящая жена. Дети.

И, может быть, в последнюю минуту жизни Иван Иванович увидел родную заставу, слева от острова Даманского на высоком гребне сопки. Синюю-синюю тайгу и многоводную таежную Уссури. Здесь прошли его самые лучшие годы.

А начиналось все с палатки. Не было еще на месте сегодняшней заставы ни домов, ни казарм, ни оборудованных опорных пунктов.

Лишь тайга и граница впереди. Иван неделями не бывал дома. Забежит на полчаса, обнимет Светлану, пожурит Игорешку и снова — туда, где пролегли дозорные тропы.

Неся обычную пограничную службу, солдаты одновременно строили себе жилье, строили заставу. И вместе с ними работал на строительстве командир. Он показывал солдатам, как нужно правильно связывать сруб, где оставлять большие проемы для окон. Воин превращался на некоторое время в строителя.

Может быть, в самый последний момент Иван увидел любимую жену. Она всегда стояла на пригорке с младшим, Игорешкой, на руках, ожидая возвращения мужа. Игорешка не выдерживал, неся навстречу отцу в огромной, не по размеру для его головы зеленой фуражке. Иван Иванович подхватывал сияющего от радости сына и высоко поднимал над головой. К самому солнцу..

Раздался выстрел. Солнце померкло. Пуля китайского бандита оборвала жизнь старшего лейтенанта Стрельникова...

...Шумят над советским островом Дамаанским вершины дубов. Как и прежде, проносятся над приморской землей вольные ветры. И яркое весеннее солнце освещает сверху стоящий на краю советской земли памятник-обелиск Ивану Ивановичу Стрельникову, верному сыну и защитнику Родины, командиру великой армии, Герою Советского Союза.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЮДСКАЯ

Фамилия, имя, отчество: Бубенин Виталий Дмитриевич.

Время рождения: 11 июля 1939 года.

Место рождения: г. Николаевск-на-Амуре Хабаровского края.

Партийность: член КПСС.

Образование: в 1958 году окончил среднюю школу № 2 района Полины Осипенко Хабаровского края. В 1960 году — профессионально-техническое училище № 2 в городе Хабаровске. В 1965 году — Высшее пограничное командное училище в городе Алма-Ата.

Род занятий с начала трудовой деятельности: 1960—1961 гг. — слесарь по ремонту промышленного оборудования завода «Энергомаш» г. Хабаровска. 1961—1965 гг. — курсант Высшего пограничного командного училища г. Алма-Ата. 1965—1967 гг. — заместитель начальника пограничной заставы по политчасти.

С 1967 г. начальник пограничной заставы.

Награды и поощрения: медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», медаль «Пятьдесят лет Вооруженных Сил СССР», медаль «За отличие в охране государственной границы СССР», Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 года присвоено звание Героя Советского Союза.

Семейное положение: женат, имеет сына Андрея — 1968 года рождения.

* * *

Среднего роста, ладно скроенный офицер зашел в канцелярию начальника заставы.

— Товарищ лейтенант, лейтенант Бубенин прибыл для дальнейшего прохождения службы, — доложил он.

Иван Иванович Стрельников поднялся из-за стола, крепко пожал ему руку:

— Присаживайтесь, пожалуйста, — и два лейтенанта повели неторопливый разговор о службе, планах на будущее.

...Летели дни, недели, месяцы. Начальник заставы Иван Иванович Стрельников стал для молодого замполита добрым наставником, товарищем и другом.

Кто не испытал горечь неудач в первое время самостоятельной работы. Были они и у Виталия Дмитриевича Бубенина: не хватало времени на подготовку к занятиям, тематический вечер хотелось провести так, чтобы он надолго остался в памяти солдата, а на деле выходило иначе. Или, к примеру, нарушит воин дисциплину — замполит вызывает его в канцелярию и дает «разнос».

«Все, после этого будет дисциплинированным», — думает он. А через несколько дней ему опять докладывают, что этот солдат снова сорвался.

И здесь приходил на помощь Иван Иванович Стрельников. Подолгу горел свет в канцелярии заставы: начальник и заместитель решали свои, только им известные проблемы.

Они были одноклассники, но у первого был большой опыт службы на границе, и он щедро делился им. А замполит как губка впитывал все то лучшее, что было у начальника.

Они были коммунистами.

Стрельников возглавлял партийную организацию заставы, Бубенин был и здесь его заместителем. Как члены великой партии Ленина, оба офицера постоянно заботились об укреплении охраны границы на своем участке.

Не хотелось Ивану Ивановичу расставаться со своим замполитом, но когда стал вопрос о выдвижении Виталия Дмитриевича на должность начальника заставы, ответил лишь одним словом: достоин.

Теперь они служили на соседних заставах, реже виделись. Но и в минуты коротких встреч они старались передать друг другу свои знания, опыт.

...2 марта 1969 года.

Бубенин всю ночь находился на заставе, отправлял и встречал пограничные наряды.

Перед утром взглянул в окно. На востоке занималась заря. День обещал быть погожим.

— Пойду отдохну немного. — Бубенин передал дела своему заместителю и вышел во двор заставы.

На границе стояла тишина, только гомон птиц да поскрипывание сосен на ветру. И вдруг тишину раскололи автоматные очереди, затем взрывы.

«На участке Ивана», — промелькнуло в сознании. А на заставе уже по полной боевой выстраивались пограничники.

— В районе острова Даманского идет бой, — доложил наблюдатель.

— По машинам!

БТР Виталия Бубенина на полном ходу приближался к месту боя.

Виталий не знал еще, что с первыми выстрелами на лед Уссури, смертельно раненный, упал его боевой друг старший лейтенант Иван Стрельников. Он видел искаженные злобой лица маоистов, открывших по машине бешеный огонь, и тоже прильнул к прицелу крупнокалиберного пулемета.

— Огонь! — подал он команду своим бойцам и пустил струю раскаленного металла в сторону врага.

Одуревшие от водки и страха солдаты противника в панике заметались. Пограничники вели уничтожающий огонь. Враги как подкошенные опрокидывались на лед.

Получив поддержку, оставшиеся в живых воины заставы Стрельникова поднялись в атаку. Их вел вперед командир отделения младший сержант Юрий Бабанский.

А бронетранспортер уже огибал остров. Огонь по врагу не прекращался ни на секунду. И падали замертво пришедшие на нашу землю непрошенные гости.

Потом — остановка у раненого солдата Аншера и первое ранение. И гибель тех, кто был рядом с ним в машине.

Но снова зарокотал в руках офицера пулемет. Уже на другом бронетранспортере. И снова падали на лед поверженные маоисты. И дрогнул враг, унося убитых и раненых. На снегу появились кровавые дорожки, оставленные ранеными и убитыми бандитами.

Еще одно ранение, потом еще, но он продолжал вести огонь по противнику до тех пор, пока не потерял сознание.

Очнувшись, вопросительно посмотрел на тех, кто был рядом.

— Где они? Бить, только бить их надо, гадов...

Теряя шапки, рукавицы, фляги с китайской «ханжой», оставляя телефонные аппараты и другое имущество, вояки Мао с позором убегали на свой берег.

Бубенина ранило еще раз, и он вновь потерял сознание, а когда пришел в себя, снова рванулся в бой. Но остров был уже очищен от врага подоспевшими пограничниками из резерва...

И только сейчас узнал Виталий, как погиб его друг. Ненависть, в тысячу раз сильнее, чем прежде, болью отозвалась в сердце. И только сознание того, что он, насколько хватало сил, уничтожал подлых убийц, помогало ему заглушить эту боль.

...В госпиталь, в палату, где лежит Виталий Дмитриевич, каждый день приходят гости. Идут пионеры и комсомольцы, молодежь и пожилые люди. Они, как и сотни писем и телеграмм, поступающих в госпиталь со всех концов страны, приносят людскую благодарность за мужество и стойкость, благодарность бойцу от тех, чей покой он охраняет.

ВЕТЕРАН

У Василия Яковлевича Бабанского самая мирная профессия. Он бухгалтер.

Часто, особенно в конце каждого месяца, приходится ему задерживаться на работе.

— Бабки подбиваем, — говорит он в такие дни.

Анна Андреевна знает, как устает ее муж, и поэтому во всем старается угодить ему. Но в этот вечер Василий Яковлевич застал жену озабоченной и молчаливой.

— Что это с тобой? — поинтересовался он.

— Юрке в армию повестка пришла, — ответила Анна Андреевна и незаметно смахнула уголком платка непрошеную слезу.

— Ну, будет, будет.

Василий Яковлевич подошел к жене и обнял ее за плечи.

— Радоваться надо, мать, сын-то наш вырос.

— Да какое там, — махнула рукой Анна Андреевна. — Мальчонка он еще.

— В войну такие парни, как Юрка, подвиги совершали, — ответил Василий Яковлевич.

— Так то в те годы.

Василий Яковлевич развернул свежую газету и подсел к столу. Ему хотелось показать жене будничность события. «Ну, получил сын повестку в военкомат. Значит, пришло время». Однако сосредоточиться Василий Яковлевич не мог.

«Подумать только, — думал он. — Юрка наш вырос. Солдат будет».

Василий Яковлевич знал, что сын сдает последний

экзамен в техническое училище и, видно, придет поздно. Но Юрий появился на пороге неожиданно.

— Успехи как? — спросил отец.

— Все в порядке! Слесарь по ремонту химического оборудования. Звучит?

— Длинновато что-то, — улыбнулся Василий Яковлевич.

Подошла Анна Андреевна и протянула сыну повестку. В семье Бабанских в этот вечер состоялся большой разговор.

Василий Яковлевич говорил:

— В армии главное, Юрка, службу понять. Она, понимаешь, на чести воинской держится. Солдат должен все на совесть делать. С чувством. Вот если в караул, скажем, заступать, то чтоб в душе ответственность чувствовалась. Если на работу, так до пота. Ну, а когда в бой, то смело, с умом.

Юрий Бабанский внимательно слушал отца. Ведь у него опыт. Летчиком во время войны был.

...Не уронил Юрий отцовской чести. Вместе со всей страной узнал Василий Яковлевич о подвиге своего сына. И о том, что сияет теперь на груди у него золотая медаль Героя Советского Союза.

Бой закончился. Но на границе беспокойно. Поэтому нет для Юрия отдыха. Он снова выходит в наряд. Граница. Тревожная. Молчаливая. Над головой холодное небо и звезды.

Юрий прислушался. Тайга, промерзшая насквозь и насквозь гулкая, тихо вела разговор. И ветер, уставший и простуженный, лег где-то за горбатыми сопками и уснул. Уснул не надолго, но крепко. Впереди лежал остров. Тот самый, настороженный и уже пахнувший порохом.

Юрий залег, подозвал младшего пограничного наряда и тихо спросил:

— Не замерз?

Ночь была нехолодная. И Юрий хорошо знал по себе, что его напарник сегодня замерзнуть не может. Но ему хотелось как-то будничным, спокойным вопросом вселить в него обыденность.

— Не замерз, — ответил младший.

И вот идут они снова по белому-белому снегу. И над их головами блестят звезды. И гулкая тайга прислушивается к их шагам и молчит... Молчит, словно осмысливая происшедшее накануне.

Бабанский идет по дозорной тропе твердо, спокойно, не спеша. Ему самому хочется в этот час идти уверенно, идти по-хозяйски. То слева, то справа таинственно и зло топорчатся кусты и как-то по-особому скрипит снег. Юрий останавливается и внимательно прислушивается.

Слева от него река. Закрытая панцирем льда, она матово поблескивает снежным настом. И даже остров, изрытый снарядами и израненный боем, вырисовывается сейчас тусклым, неясным пятном.

Юрий прислушивается. Его руки сжимают автомат.

— Что там? — спрашивает у него осторожно подошедший младший наряда.

— Граница, — отвечает Юрий.

Нет, он не шутит. В данный момент он действительно ощущает границу, чувствует ее тревожное дыхание.

А вокруг насколько хватает глаз поднимаются над землей расплывчатые тени кустов, деревьев и сопок. И шорохи ночи встают на ребро и катятся в бесконечность.

Граница дышит, граница живет. И ее дыхание внимательно прослушивает младший сержант Юрий Бабанский...

В комнате дежурного по заставе спокойная, деловая обстановка. На коммутаторе непрерывно загораются

красные огоньки. Поступают доклады с постов, запрашивают данные, интересуются обстановкой. Все как на войне. И штаб, и часовые с заряженными автоматами, и тревожное затишье после боя.

Группа солдат, одетых в белые маскхалаты, только что возвратилась с границы. В старшем пограничного наряда мы узнали Юрия Бабанского. Того самого младшего сержанта Бабанского, которого сейчас знают в каждом уголке нашей великой страны.

Он отдает последние указания товарищам, докладывает о смене нарядов, раздевается. Теперь он уже внешне ничем не выделяется. Выше среднего роста. Внимательный взгляд утомленных бессонницей серых глаз. По-юношески припухшие обветренные губы.

На заставе сейчас много новых пограничников. Они добровольно попросились на передний край, попросились заменить героически павших товарищей. На Юрия смотрят с уважением. Знают, что он всегда может подсказать. Делом или добрым советом. Потому что Юрий для них теперь ветеран.

**УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
НАГРАЖДЕННЫ:**

Орденом Ленина

Каныгин Василий Михайлович
Константинов Александр Дмитриевич

Орденом Красного Знамени

Буйневич Николай Михайлович (посмертно)
Денисенко Анатолий Григорьевич (посмертно)
Ермалюк Виктор Маркиянович (посмертно)
Захаров Валерий Федорович
Ковалев Павел Иванович
Шамов Аркадий Васильевич

Орденом Красной Звезды

Дроздов Сергей Матвеевич
Козусь Юрий Андреевич
Колешня Михаил Илларионович
Коржуков Виктор Харитонович (посмертно)
Литвинов Петр Леонидович
Петров Николай Николаевич (посмертно)
Стрельникова Лидия Федоровна
Ларичкин Иван Иванович
Леготин Владимир Михайлович
Павлов Алексей Петрович
Серебров Геннадий Александрович
Шмокин Евгений Викторович
Шорохов Владимир Николаевич

Медалью «За отвагу»

Анипер Анатолий Григорьевич
Ветрич Иван Романович (посмертно)
Вишневский Василий Андреевич
Ионин Александр Филимонович (посмертно)
Изотов Владимир Алексеевич (посмертно)
Плеханов Петр Егорович
Пузырев Николай Федорович
Секушенко Павел Иванович
Шестаков Александр Федорович (посмертно)

Медалью «За боевые заслуги»

Авдеев Анатолий Георгиевич
Авдеев Геннадий Васильевич
Авдеев Дмитрий Артемьевич
Фадеев Михаил Егорович

*Медалью «За отличие в охране государственной
границы СССР»*

Бикузин Албазин Кашарович
Размахнин Владилен Алексеевич

ПУТИ-ДОРОГИ

*Не созданы мы для легких путей,
И эта повадка у наших детей.
Мы с ними выходим навстречу ветрам,
Вовек не состариться нам.*

Было около полуночи. В комнате, чистой и уютной, находились двое — подполковник Александр Дмитриевич Константинов и его друг, офицер Николай Иванович Назаров.

Когда-то они служили вместе и даже жили в одном доме. Теперь встречаются реже. И уж если встречаются, то засиживаются допоздна. В таких случаях Николай Иванович не упускал возможности покопаться в богатой личной библиотеке подполковника, а заодно дружески съязвить по поводу его увлечения чтением, черным кофе и привычкой выписывать и закупать в киосках массу газет, журналов, брошюр.

Вот и сейчас, порывшись в шкафу и оглядев комнату, где на стульях, столе, подоконниках и даже на полу вороха пернодики, он сказал:

— Хороший музей у тебя, Саша...

Подполковник, полулежа на диване, читал. На слова своего друга он отложил книгу, поднялся на ноги и совершенно серьезно ответил:

— Ты прав. Хороший. Назови мне любую тему лекции, если нужно — подготовлюсь мигом.

— Так уж и мигом?

— Ну, если взять в расчет качество, то за сутки сделаю. Хочешь на спор?

Николай Иванович хорошо знал Константинова. Он

не раз восхищался его эрудицией, умением завладеть любой аудиторией, будь то солдаты, старшины или офицеры. Поэтому миролюбиво сказал:

— Верю, Саша, верю.

На кухне зашипело: на раскаленную плитку пролилась закипевшая вода.

— Пойдем перекусим, — позвал хозяин дома. — Не взыщи только. Сам знаешь, живу по-холостячки. Зея в Москве, учится. И он направился на кухню, напевая:

...Проходит кавалерия
Мальчишескими снами.
Каурые и серые,
Соловые и рыжие:
проходит кавалерия,
Вы слышите?

Нравится Константинову эта песня. Может быть, потому, что в его душе осталось что-то от мальчишки. Неумная жажда жизни, жажда действия, горячность, с какой он берется за любое дело, кипит в нем, заражая энергией окружающих. В свои зрелые годы он не потерял живости и обаятельности. Он полон планов, идей, романтических устремлений в тайное, неведомое; а высшей тайной для него является человек. Областью его романтических исканий — душа солдата.

А может, ему нравится эта песня потому, что она уносит его в далекое детство — время тревожное и героическое. Ему было два года, когда отец его, Дмитрий Иванович, носился на своем верном скакуне по дорогам, горным и лесным тропинкам Даурии: воевал с белоказаками. Ему было одиннадцать лет, когда отец его защищал родную землю от японских интервентов у озера Хасан. Тогда Саша жил в поселке у деда. Он не виделся с отцом, зато часто бывал среди красноармейцев. Через поселок шли к Хасану войска. Степенно и угрожающе кати-

лись по пылящей дороге пушки, гремели тачанки, лавиной пронеслись кавалеристы.

Звонят, звонят подковами
Зеленые околицы.
Эх, кони непокорные;
Проходит мимо конница.

А когда, случилось, бойцы спешили в поселке на привал, радости его не было границ. Он быстро заводил среди красноармейцев знакомства, с аппетитом ел солдатскую кашу и, выбрав самого красивого, на его взгляд, коня, просил:

— Товарищ дядя красноармеец, разреши покататься?

— Умеешь?

— Умею, — не моргнув, отвечал он.

А если ему все же отказывали, добавлял: — У меня отец на Хасане. Во какой кавалерист! — Это было его главным доводом, после которого все вопросы об умении должны были прекращаться.

Его сажали в седло. Сначала коня вели под уздцы. Но видя, как геройски он держится, передавали поводья в неокрепшие мальчишеские руки. Кончалось все это тем, что Саша, принудив коня к бегу, сваливался где-нибудь в пыль или придорожную канаву. А потом, весь в ссадинах, приходил к напуганному случившимся солдату и с достоинством говорил:

— Лошадь у вас, товарищ дядя красноармеец, какая-то бешеная. В жисть не приходилось на таких кататься.

Конники от души хохотали и, понимая перемигиваясь, рассуждали:

— Верно, лошадь норовистая. Но это от чрезмерного ума. Скажем, в бою, видит она, что в тебя пуля летит, раз — и уже сбросила тебя в какую-нибудь канаву.

— Здесь нет врага, — кипятился Саша. — Вот ветка впереди была, я за нее и зацепился.

А когда дед разыскивал внука, красноармейцы заявляли: «Смелый у тебя, батя, мальчонка, толковый. Вот за таких и помереть не жалко».

— А зачем им помирать, дедушка? — интересовался Саша.

— Подрастешь, поймешь, — вздыхал дед.

Пятнадцатилетним Саша уже хорошо понимал, что значили слова, сказанные четыре года назад красноармейцем. Шла Великая Отечественная война. Отец где-то был далеко на передовых позициях. «Все для фронта, все для победы» — этот клич Родины набатом звучал в каждом цехе заводов и фабрик, отдавался в сердцах советских людей. Все работали днем и ночью, не зная сна и отдыха. А Саша учился. Где справедливость?

И вот однажды, тайно, Саша с двумя товарищами проник в тамбур пассажирского поезда. И они без денег, без пищи, без билетов поехали на фронт, который находился тогда под Москвой...

Их сняли в тысяче с лишним километров от Владивостока и через органы милиции доставили к родителям.

И все же Александр Дмитриевич Константинов побывал на войне. Он участвовал в боях с японскими милитаристами на территории Маньчжурии и Северной Кореи: командовал отделением разведчиков и показал себя способным командиром и активным общественником. Это и определило его судьбу. Константинова направили в офицерское училище.

Учился прилежно. А когда окончил учебу, то попросился в пограничные войска. Его желание было удовлетворено. Работать пришлось в Туркмении и Молдавии. Но его тянуло в Приморье. Здесь он вырос и возмужал. Это его земля. Это земля его деда, его отца, который защи-

щал ее от семеновских бандитов и от японских налетчиков. И он также хотел беречь неприкосновенность дальневосточных рубежей, как берегли их люди старшего поколения.

Исполнилось и это его желание.

* * *

...Обстановка на границе была тяжелой. В районе острова Даманского почти ежедневно нарушалась государственная граница. Китайцы, подогрев себя для смелости спиртным, заходили на советскую территорию, хором и поодиночке выкрикивали антисоветские лозунги, оскорбляли пограничников, угрожали расправой, предъявляя необоснованные претензии на нашу землю. Выдержат ли наши ребята? На Стрельникова — начальника заставы — Константинов мог положиться. Молодой, но уже довольно опытный командир, уравновешенный и смелый человек. Зная, как уважают его подчиненные, он верил и всему коллективу заставы. И все-таки Александр Дмитриевич не упускал случая лишний раз разъяснить воинам, как надо вести себя, чтобы не дать повода провокаторам осуществить свои необоснованные угрозы; рассказывал о внутреннем положении в Китае. «Наступит время, — говорил он, — и китайский народ раздавит клику Мао, отбросит ее в архив истории, как самую трагическую страницу на пути построения социализма. Помните и об этом, оберегая неприкосновенность советской границы».

Но по-другому напутствовали вояк китайские власти. И вот 2 марта свершилось злодейское вооруженное нападение на советских пограничников...

... — Товарищ подполковник, — докладывает Константинову лейтенант Жестков, — приехали родители

погибших. Об отдыхе и слушать не хотят. Требуют отвезти их на заставу к сыновьям.

Александр Дмитриевич издерган до предела. Сотни мелких и больших забот отложились на его лице сетью резко очерченных морщинок и густой синевой под глазами. Несколько секунд он молчит. Быстро бегут мысли-воспоминания. Рядовой Петров. Фотограф. Он сам взял его с учебного пункта. Совестьливый такой и застенчивый. Привязался к нему. Полюбил, как сына. Даже был с ним более ласков, чем с другими. Шутя называл Николаем Николаевичем... погиб одним из первых. Рядовой Анатолий Шестаков. Маленький, беленький, чистенький, аккуратненький. Совсем дитя. Хлебопеком работал. Стоило подполковнику появиться на заставе, как он непременно жаловался, что его не пускают на границу... — и его нет. А другие парни... Разве ему не жалко их? И все-таки, что он скажет родителям погибших?

Он может, конечно, объяснить, что был тоже под пулями, что организовал спасение раненых и лично вынес двоих, что вместо убитого Стрельникова и израненного Бубенина возглавил пограничников и выбил провокаторов с территории СССР. Он может сказать так, потому что так и было. Но услышат ли его оглушенные горем матери, поймут ли? Ведь сам-то он жив. Он знал, что обязательно будет такой упрек. Понимал, это произойдет не потому, что матери не сумеют понять важность того героического подвига, который совершили их сыновья, а потому, что слишком велико их материнское горе.

Подполковник Константинов нашел понятные и убедительные слова. Он отговорил родителей от поездки на заставу, сумел доказать, что сейчас им после дальней дороги необходим отдых. А разговор этот был нелегкий...

Говорят в народе: если сам не веришь в то, что го-

воришь, значит, и другого в том не убедишь. Глубокий смысл в этих словах. И когда задумываешься об истоках стойкости, мужества и героизма пограничников Даманского, то вспоминаешь и волевого, смелого, душевного и чистого человека, коммуниста и педагога, исполнительного и дисциплинированного воина — подполковника Александра Дмитриевича Константинова. Он отлично владеет личным оружием, любит спорт, обладает организаторскими способностями и военными знаниями; умеет не только увлекательно рассказать о чем-либо или призвать к честному исполнению воинского долга, но и убедить слушателя словами, показать личным примером, как это надо делать.

Еще до 14 марта стало очевидным, что маоистами затевается новая вооруженная провокация. А 14-го они еще раз нарушили границу, пытаясь овладеть островом. На Даманский, в помощь его защитникам, пришлось послать подкрепление. В это время Александр Дмитриевич помогает организовать оборону. Недаром он был одним из лучших слушателей Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Приобретенные там знания оказались кстати. В создавшейся обстановке они помогали ему находить решения сложных боевых задач.

Утром 15 марта провокаторы атаковали остров. С территории Китая на горстку пограничников обрушилась лавина огня. Били минометные батареи, артиллерийские дивизионы, гранатометы и крупнокалиберные пулеметы. Дыбилась земля. На острове, казалось, не осталось ничего живого. Но когда провокаторы бросались в очередную атаку, их встречал губительный огонь наших пограничников.

Мужественно сражались воины, возглавляемые подполковником Яншиным. Но слишком неравной была борьба. Китайская сторона ввела в бой до пехотного

полка. На помощь Яншину двинулось подкрепление — отряд наших бронетранспортеров. Его возглавил полковник Д. В. Леонов. Он повел людей в контратаку. А в это время Константинов готовил к бою резерв.

Полковник Леонов погиб.

Подполковник Константинов принимает на себя командование. Великая ответственность перед Родиной, перед народом, перед родителями подчиненных ему людей! Отстоять родную землю, изгнать налетчиков и с минимальными жертвами — вот задача, которую ему нужно было решить в те трудные минуты.

Ринулись в бой бронетранспортеры. В одном из них — подполковник Константинов: он возглавил очередную атаку пограничников. Вокруг витала смерть, густо рвались мины. Впереди шла машина, в которой находился лейтенант Маньковский. Он первым проскочил через заградительный огонь противника. Китайские провокаторы дрогнули, обратились в бегство. Константинов поддержал Маньковского. Он спешил часть экипажей. Чтобы вонны видели, что в атаку их ведет подполковник, сбросил полушубок (на полушубке не было погон).

Провокаторы несли большие потери, но острова не оставляли. С китайского берега усилился огонь артиллерии и минометов. Загорелся один из наших бронетранспортеров. Не прекращая боя, Константинов готовил следующую атаку. Экипажи бронетранспортеров были пополнены пограничниками, которые участвовали в предыдущем сражении и поэтому хорошо знали обстановку на поле боя. И снова идут машины вперед, выплевывая из бойницы частые смертоносные очереди.

Константинов руководил боем до его победного окончания.

Приказ Родины был выполнен. Над рекой снова залегла тишина. Тревожная, настороженная.

Не дремлют пограничники. Идут они нарядами днем и ночью по бесконечным путям-дорогам вдоль государственной границы. И память о павших и живых героях, и клятва на верность Родине, и готовность в любую минуту защищать советскую землю шагает вместе с ними. И вместе с ними всегда будет смелость и выдержка, воля и умение их идейного вдохновителя комиссара Отчизны: Александра Дмитриевича Константинова.

СТРОГОСТЬ КОМАНДИРА

Он тяжело опустился на стул. Снял шапку. Провел ладонью по давно не бритым щекам. Облокотился, запустив пальцы в смятые, перепачканные землей и копотью прядки рано поседевших волос.

— Только чаю, сынок, — устало сказал он.

Положив в стакан ложку сахару, офицер долго-долго размешивал его и задумчиво смотрел куда-то мимо края стола, сквозь потрескавшуюся стену казармы.

О чем он думал, что вспоминал в те минуты только что вернувшийся с поля боя Евгений Иванович Яншин?

Может быть, перед его глазами заново вставали картины смертельной схватки с озверевшими маоцзэдуновцами? Или он думал о солдатах, с которыми многие часы оборонял родной остров? А может быть, ему вспомнилась семья?..

Тихая, безлунная ночь. Не сняв с себя даже полушубки, в обнимку с автоматами, спят солдаты. Лишь несколько часов назад над их головами с леденящим душу визгом и грохотом металась смерть.

— Левее бери! — бредит во сне кто-то из солдат.

И снова тихо в казарме.

Спят бойцы. Не спят лишь часовые и командир. Слишком уж много событий для нескольких дней. И все остается в памяти. Забыть ничего невозможно...

Подразделение, с которым он дрался в тот день на острове Даманском, Яншин принял три года назад. Оно в то время было не из передовых. Не было в нем должной организованности, порядка. Не на высоте была боевая выучка личного состава.

Евгения Ивановича такой порядок дел не устраивал. По характеру своему он человек волевой, требовательный к себе и к подчиненным. Да и обстановка на границе уже в то время была тревожной.

Он не щадил ни своих сил, ни времени. На стрельбище, на тактических полях Яншин добивался того, чтобы каждый солдат действовал, как в бою. «Больше пота, меньше крови», — было основным принципом боевой учебы в подразделении.

Тяжело приходилось. Кое-кто даже роптал про себя. К чему, мол, такое напряжение?

Евгений Иванович знал, что делал. Его люди научились до автоматизма владеть оружием, бить без промаха по мишеням, умело, сноровисто действовать на «поле боя».

...И вот настал день испытаний.

Слепящее весеннее солнце поднялось над крутым берегом пограничной реки.

Евгений Иванович, замаскировавшись в зарослях, внимательно наблюдал за китайским берегом. Вели наблюдение и его солдаты. Так их учил на занятиях строгий командир.

— На передовой линии каждый солдат должен быть наблюдателем, — часто говорил он. А здесь была передовая линия.

В предчувствии боя Евгений Иванович думал о солдатах. Как они, девятнадцатилетние, еще не нюхавшие пороха, смогут лицом к лицу встретиться со смертельной опасностью. Не дрогнут? Не растеряются?

В то время, как китайские вояки готовились двинуться на остров, Яншин был среди солдат. Внимательно, оценивающе вглядывался в каждого из них.

...Сержант Илья Кобец. На него положиться можно! Сильный, решительный. Такой не подведет. А рядовой

Вячеслав Левашов? Этот скромный, трудолюбивый парень, если ему прикажешь, сделает все. Виктор Бугаев. Евгений Иванович всегда ставил его в пример другим, как лучшего стрелка. Молодые солдаты Сульженко и Суплецов. Интересно, как они поведут себя, если китайцы пойдут в атаку?

Нет, командир не сомневался в своих подчиненных.

— Главное — не торопиться и не вести неприцельного огня. Бить наверняка, как я учил. Не забывайте о маскировке. Взаимодействуйте друг с другом...

В это время на китайском берегу злобно ударили минометы. Инструктаж пришлось прервать.

— К бою!

Это уже была команда не на тактических занятиях. И все же, к своей радости, Евгений Иванович успел заметить, что солдаты, занимая огневые позиции, действуют точно так же, как и на учениях. Только значительно быстрее.

Маоцзэдуновцы, нарушив государственную границу, первыми открыли огонь. Это было сигналом. Справа и слева густо заговорили станковые пулеметы. Цепь китайцев редела на глазах. Многие из них не выдержали и бросились наутек.

— Молодцы, ребята! — крикнул Евгений Иванович. — Так держать!

Первая атака маоцзэдуновцев захлебнулась. Оставшиеся в живых китайцы, побросав оружие, уползли к своему берегу.

Потерь у советских пограничников не было. Был лишь ранен Михаил Путилов. Яншин приказал переправить солдата на восточную оконечность острова для отправки его в госпиталь.

Путилов долго просит Евгения Ивановича, чтобы тот оставил его в строю.

Я еще могу стрелять. Оставьте меня.

Яншин был непреклонен, хотя его сердце переполнилось нежностью к этому отважному юноше.

Переползая от одного солдата к другому, командир всячески подбадривал их, успокаивал, учил. Солдаты жадно ловили каждое слово офицера.

После небольшого перерыва провокаторы возобновили атаку. Усилили артиллерийский и минометный обстрел острова.

Теперь Евгений Иванович уже был спокоен за своих людей. Они не дрогнули в первой схватке.

Бой становился все яростнее. Китайцам под прикрытием артиллерии все же удалось проскочить на остров. Оценив создавшуюся обстановку, Яншин, не теряя времени, перестраивает боевой порядок.

Короткой, но стремительной атакой советским пограничникам удалось выбить провокаторов с господствующей высоты острова.

Убитых пока нет. Люди Яншина дерутся смело, напористо, но не безрассудно. Под шквальным огнем они не забывают правила боя.

Евгений Иванович рад за солдат.

«Какие молодцы ребята!»

Конечно, в эти минуты он не думал о том, что солдаты своим мастерством обязаны ему.

Бой продолжался более десяти часов. Все это время небольшая группа обыкновенных советских ребят вела жесточайший бой с превосходящим ее по численности отрядом маоцзедуновцев. Да, провокаторы превосходили нас по численности. Но и только. Решающее же слово сказалось мужество, самоотверженность, высокая воинская выучка питомцев подполковника Яншина.

Они не ушли с поля боя и тогда, когда подошла поддержка.

Уставшие, с почерневшими от пороховой гари лицами, но полные желания изгнать провокаторов с родной земли, вдохновляемые разумными действиями командира, они показывали пример настоящего героизма.

Евгений Иванович, чтобы сохранить жизнь людей, часто менял их позиции, ставил на наиболее выгодные места пулеметчиков, постоянно вводя в заблуждение китайцев относительно расположения и количества наших сил.

Но ему все же пришлось испытать горечь утраты. Уже под вечер погиб от бандитской пули любимец солдат старший лейтенант Лев Маньковский, прикрывавший эвакуацию раненых.

...И вот, все позади. Китайские вояки выдворены с острова. Задача выполнена с честью. Победа добыта малой кровью.

...Наутро, немного отдохнув после боя, почистив шинель, Евгений Иванович вышел из казармы. Мимо проходил кто-то из пограничников...

— Товарищ солдат, подойдите ко мне. Почему вы ходите с расстегнутым воротником?

— Так ведь...

— Никаких «так ведь». Солдат должен всегда быть солдатом.

Евгений Иванович оставался самим собой.

ГОРДИМСЯ ТОБОЙ

Светало. Далеко на востоке громоздились клубчатые облака. Казалось, они стоят прямо на земле, похожие на горы. Солнце еще пряталось за горизонтом, но свет его уже озарял небо.

...Николай подбросил в топку дров (в эту ночь он работал на заставской кочегарке) и вышел на свежий воздух. Здесь дышалось легко и свободно. В этот ранний час все замерло в таинственном молчании. И только слабый ветерок, прогуливаясь по верхушкам голых деревьев, приносил с собой неуловимые запахи наступающей весны. Пройдет неделя-другая — и тронется река, начнется ледоход.

Во время весеннего половодья эта таежная река чем-то напоминала Николаю Пузыреву полноводную Ангару, на берегах которой прошли его последние годы перед призывом в армию. Приехал он туда после окончания средней школы — захотелось взглянуть на места, о которых так много говорили последние годы.

Отец настойчиво советовал поступать в институт, но, убедившись в том, что сына не переубедишь, сдался:

— Решай как знаешь...

...Так Николай Пузырев оказался на ангарском нефтеперерабатывающем комбинате. Кончил специальные курсы и стал работать помощником оператора. Попал в бригаду ремонтников, которую возглавлял ветеран труда Владимир Иванович Бушков. В этом коллективе Николай проработал несколько месяцев, а потом обслуживал установку вторичной перегонки бензина. В общей сложности на комбинате Николай пробыл около года. Срок

небольшой, но в цехе сейчас не встретишь человека, который бы не помнил этого общительного паренька.

— Приятно было на него смотреть, когда он за дело брался, — рассказывает его бывший бригадир Владимир Иванович Бушков.

Таким он и остался в памяти товарищей. Таким он и пришел на границу.

...Трудно было Николаю привыкать к службе. Ночные тревоги, учебные поиски, занятия... К концу дня, бывало, так уставал, что едва добравшись до койки, засыпал крепким сном. А среди ночи снова:

— Вставай, Пузырев, на службу пора.

Сколько раз он, поеживаясь от холода и пронизывающего ветра, шагал по «дозорке» следом за сержантом Виктором Ермалюком. Он все боялся, что может потерять из виду старшего наряда и останется один на один с непроглядной ночью. От одной этой мысли бросало в пот.

...Дозорная тропа, проложенная в глубоком снегу, то петляла между распадками, то круто поднималась по отвесным скалам, идти с каждой минутой становилось все труднее. Спускаясь с горы, Николай вдруг споткнулся о камень и, загремев автоматом, едва удержался на ногах. Тут же из темноты перед ним выросла фигура командира отделения:

— Тоже мне пограничник.

— Да здесь же ничего не видно, — попытался оправдаться Николай.

— Днем-то и любой пройдет, а вот ночью не каждый. Да ты не смущайся, понимаю... на заставе недавно. Служить тебе долго, научишься. Запомни: темнота — наш союзник. Надо уметь бесшумно передвигаться.

Ночь прошла спокойно. На заставу вернулись, когда забрезжил рассвет. От усталости Пузырев валился с ног.

Не допив чай, он направился к койке. Но не успел задремать, как его разбудил командир отделения:

— За вами здесь нянек нет. Приведите в порядок свое имущество, потом будете отдыхать.

Николаю казалось, что тогда на него свалились все беды. Да, нелегкой оказалась пограничная служба. А романтики, которой он грезил, не было. Ее заменяли строевая и огневая подготовка, практическая отработка различных упражнений, политические занятия. Все это было слишком обычным и непривычно трудным.

Проходили месяцы. Начальник заставы старший лейтенант Виталий Бубенин, сержант Виктор Ермалюк и младший сержант Михаил Фадеев — у них молодой солдат учился пограничному мастерству. С каждым днем Николай убеждался в правильности слов своего командира: «Граница — это передний край, передовая позиция. И солдаты, несущие службу, должны быть всегда готовы к боевым действиям».

...Однажды застава была поднята по тревоге. Несколько сот китайцев пытались пройти на нашу территорию. Взявшись за руки, пограничники живой стеной преградили путь провокаторам. Один из молодчиков замахнулся дубинкой. Еще какая-то доля секунды и она бы опустилась на голову пограничника. Вовремя среагировал Николай Пузырев. Сильным ударом он выбил дубинку из рук провокатора...

В нарядах, в боевой учебе оттачивалось мастерство и боевая выучка Николая. Частые стычки с провокаторами его многому научили. Он возмужал, как-то суровее стал его взгляд.

...Застава еще спит, погруженная в тишину. Только слышно, как потрескивают в печке дрова да доносятся шаги часового. С реки подул свежий ветер. Поредели туман. Исчезли ночные тени.

На тревожной границе наступал новый день.

У заставы послышались шаги и громкий голос:

— Справа по одному, заряжай!

На охрану государственной границы уходил новый наряд.

«Да, денек будет сегодня отменный», — почему-то решил Николай и спустился вниз. Захватив охапку дров, он понес их к раскаленной печке. «Пусть отогреваются ребята после холодной ночи, проведенной на границе».

Языки пламени жадно набросились на свежие поленья.

— Застава, в ружье! — вдруг донеслось до него.

Николай выбежал наверх. К стоявшему во дворе бронетранспортеру уже бежали солдаты. Сердце пограничника сжалось от обиды. «Повезло же мне сегодня с этой кочегаркой».

Какое-то предчувствие подсказывало ему: «Беги туда...»

Мимо пробежал рядовой Когадаев.

— Давай я вместо тебя, — крикнул ему вдогонку Пузырев.

Но тот даже не оглянулся.

Взревев двигателем, бронетранспортер стал выезжать со двора. И тут Николай не выдержал. Он догнал машину и сильным прыжком вскочил на ее борт...

...О мужестве и отваге Николая Пузырева, проявленных им при отражении китайской провокации, сейчас знает вся страна. Недавно он получил письмо от рабочих ангарского нефтеперерабатывающего комбината.

«Мы верили тебе, Николай, — пишут они, — никогда не сомневались в том, что ты не дрогнешь в минуту опасности. Гордимся тобой, твоим мужеством и отвагой, бесстрашием и готовностью отдать свою жизнь за честь нашей Родины.

Как отслужишь, встретим тебя и снова будем вместе работать»...

Приятно, конечно, сознавать пограничнику, что он нужен людям, что его ждут. Но сейчас у него иные планы. Он навсегда решил связать свою жизнь с границей. Недавно на имя командира части поступил рапорт от рядового Николая Пузырева с просьбой по окончании службы направить его на учебу в пограничное училище.

КОМСОМОЛЕЦ ИЗ ГОРНО-АЛТАЙСКА

Они не слышали, как гремел победный салют в сорок пятом, как оплакивали русские матери не вернувшихся с фронта мужей и сыновей. Защитники острова Даманского родились позже. Сегодня самым старшим из них немногим более двадцати. Но эти парни знали цену воинской дружбе и воинскому долгу.

Некоторые из них не вернулись на заставу. Их видели на поле боя, они лежали лицом в сторону врага. Среди них — комсомолец Борис Головин. Он пал смертью героя, защищая советскую землю от китайских провокаторов.

В повседневной жизни Борис мало чем отличался от своих сослуживцев. Пожалуй, только забот у него было больше. У него отделение. А командир обязан обучать и воспитывать подчиненных.

Солдаты помнят, как настойчиво сержант учил их на учебных тренировках изготовке и прицеливанию. Как придирчиво проверял с помощью приборов результаты. А результаты, благодаря его стараниям, с каждым днем становились лучше.

Работы у Бориса хватало. Но парень из Горно-Алтайска с детства не привык к спокойной жизни. Учеба в школе. Потом курсы преподавателей физкультуры. Затем опять в школе. Только теперь уже в качестве преподавателя.

Пришло время — пригласили к военкому и вручили повестку. И попал Борис на дальневосточную границу.

Повернулась жизнь к Борису новой, незнакомой, но важной и захватывающей стороной. Оказалось, мало

только хотеть быть пограничником. Порой не хватало времени на письмо матери. Не успевал... Командиры же неотступно требовали укладываться в распорядок, кропотливо учили. Борис воспринимал все как должное, старался. Бывали частые тревоги, ночные занятия. Все подчинено границе: и тревоги, и занятия.

Первая ступень пограничной службы — учебное подразделение осталось позади. Второй воинской школой Головина стала школа сержантов. И снова не обошлось без трудностей. Школьные будни к будущему командиру предъявляли свои суровые требования, отступлений от которых быть не могло. Шли дни, месяцы. Отличная оценка на выпуске — и Борису вручили сержантские погоны...

...Безмолвна кругом тишина. Деревья, застыв в безветрии, угрюмо смотрели на приземистые домики заставы. К полуночи их покинули многие, уйдя на охрану советского острова. Ушел и Борис Головин.

Потом наступило утро и многочасовой неравный бой. Китайские провокаторы, потеряв до двух рот пехоты, бросили к острову подкрепление. Их артиллерия и минометы по заранее выверенным данным обрушили бешеный огонь.

В критический момент командир резерва пограничников подозвал к себе сержанта.

— Подготовьте, Головин, отделение к атаке. Через несколько минут по сигналу...

Сержант заранее продумал, как лучше выполнить поставленную перед ним задачу — действовать самому, на коротке переговорил с каждым в отделении, приказав подготовить гранаты, личное оружие. Предстояла жаркая схватка с лютым врагом.

— Теперь только вперед! — спокойно сказал Борис своим подчиненным и, несмотря на сильный ружейно-

минометный огонь противника, первым бросился с гранатометом в руках через протоку к острову, увлекая за собой остальных.

Противник бросает в бой все новые и новые силы. Но цепи пограничников упорно продвигаются вперед. Рваные осколки мин с визгом проносятся над его головой. Слух различает дробь автоматных очередей с северной стороны острова. Там скопилось более сотни китайских провокаторов. Бросок, потом еще один. За кустами мелькнуло несколько фигур вражеских солдат. Их разделяло не более сорока шагов. Сержант определил верно: расчет вражеского станкового пулемета менял позицию. Еще мгновение — и он откроет огонь. Но снаряд гранатомета Головина опередил провокаторов. Он точно лег в цель. Ни один из китайских головорезов, возившихся у пулемета, не смог встать.

Слышал остров Даманский громогласное победное «ура!» наших пограничников. Слышал его и комсомолец Борис Головин, но уже в полусознании. Его рука тянулась к гранатомету, но это было выше его человеческих сил. Смертельно раненный осколком вражеской мины в грудь, он умирал. Спустя несколько часов после боя пограничник с нашивками младшего сержанта скончался на руках своих боевых товарищей, вынесших его с поля боя.

Бережно передавали на заставе из рук в руки окровавленный комсомольский билет за № 15645911.

Его любили. После боя пограничники писали матери Бориса:

«Дорогая Анна Леонтьевна! Ваш сын Боря пал смертью храбрых в бою с китайскими провокаторами за советский остров Даманский. Слава Вам, матери, воспитавшей такого сына. Мы жестоко отомстили за смерть нашего друга».

СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

Младший сержант Фадеев Михаил Егорович. 2 марта 1969 года при отражении вооруженного вторжения большой группы китайских провокаторов в районе острова Даманского на участке заставы «Нижне-Михайловка» обеспечил бесперебойную связь с резервами. Принимал непосредственное участие в боевых действиях. В бою проявил смелость, находчивость, самообладание и инициативу.

Рискуя собственной жизнью, оказывал необходимую помощь раненым. Благодаря этому спас жизнь многим пограничникам...

(Из наградного листа)

Яростный порыв хмельной отваги, злости и каких-то глубоко скрытых доселе душевных сил бросил парней вперед. Вмиг было отброшено все: и страх, и сознание собственной незащитности перед пулей...

Вокруг витала смерть. С оглушающим воем ввинчивались в лед и глухо рвались мины, шелестели смертоносные осколки, фонтанчиками взбивали снег пулеметные очереди. Все это было так зримо, так внушительно и ощутимо... А они шли, будто были бессмертны. И среди них младший сержант Михаил Фадеев...

В жизни Михаила не было ничего такого, что могло бы выделить его из тысячи других.

Родился он в мае 1949 года в селе Ново-Урюмово Чувашской АССР. (Там и по сей день живет с остальными пятью детьми его мать, Федосья Петровна). Учился в школе. Вступил в комсомол. Окончил восемь классов.

При дальнейшем выборе пути колебался недолго. Свое веское слово сказала врожденная тяга к технике, стремление к конкретности, определенности. Он поступает в профессионально-техническое училище. По окончании его получает специальность электрогазосварщика четвертого разряда.

Совсем немного довелось поработать. Вскоре над перроном вокзала долетело: «До свиданья, мама...» Поезд увез Михаила на восток, туда, где лежала граница.

Учебный пункт. Школа сержантского состава. В напряженной учебе, в частых тревогах незаметно пролетел первый месяц службы. Затем второй... четвертый. И вот застава. Маленький, но сильный своим нерушимым солдатским единством коллектив. Здесь впервые и по-настоящему познал Михаил границу. Ее суровые, неписанные законы. Здесь впервые столкнулся лицом к лицу со злым и коварным недругом.

Шло время. Михаил заведовал на заставе связью, командовал техническим отделением. Служба, как всегда, была нелегкой, но порохом на границе еще не пахло. Потом наступило роковое утро 2 марта 1969 года.

— В 10.45 нас подняли «в ружье». На остров Даманский сразу же выехала группа во главе со старшим лейтенантом Бубениным. Я был оставлен в резерве. Да и за связью надо было следить...

Но вскоре в бой пришлось вступить и нам, второй группе. Нас было тринадцать человек. Сержанты Секушенко и Ермалюк, младший сержант Дедякин, рядовые Петров, Путилов, Дроздов, Забанов, Молоков, Миланич, Милаков, Просвирнин, Смирнов и я. Все мы были здорово взволнованы. Мы уже знали, что на острове идет бой, каждый как-то собрался, построжал. Когда ехали, по нам стреляли с того берега. А потом мы увидели все... И тоже вступили в бой.

Растерянности не было. Может быть, потому, что осмысливать сразу все было некогда, надо было действовать. Об опасности как-то и не думалось. Первое, что сделал Михаил — бросился к телефонной розетке. Как связь? Потом, видя раненых, смерть товарищей, добровольно принял на себя обязанности санитара. Передвигался от одного пограничника к другому, перевязывал, налаживал жгуты, переносил раненых на наш берег. Затем вновь уходил к острову. А там свистели пули, рвались мины и ухали тяжелые орудийные снаряды...

На широком, типично русском лице парня пролегли суровые тени. В глазах ожесточение и горечь. Картины отгремевшего боя в его памяти еще свежи и явственны. Большими, обветренными ладонями он все время прикрывает на коленях красновато-бурые пятна. Это кровь... Кровь его товарищей по оружию, по заставе, с которыми он совсем недавно разговаривал. О жизни, о цветах, о любимых. А сегодня они молчат. Злодейские пули оборвали их живой говор, остановили бьющиеся, словно родники, сердца. Но сердце Михаила живо, и оно никогда не забудет их...

— Четыре рваные раны на руке у Кузьмы Калашникова. Кровь течет... Наложил быстро ему жгут.

Чувствую, крови много потерял, бледный, но держитсЯ и виду не подает.

Ползу к нашему бронетранспортеру. Подбит, дымится. Прямое попадание. Многих там посеколо осколками, раскидало.

Первым вытащил Вальку Буранцева. В грудь его ранило. Лицо обожгло, опалило волосы. Едва узнал... Путилову Мише осколок попал в бок. Сержанту нашему, Виктору Ермалюку, обе ноги выше колен перебило. Кровь хлещет, аж снег кругом побагровел... Он спросил еще меня, мол, как же теперь без ног будет. Наложил,

как сумел, Виктору жгут. Потащили его и Путилова с ребятами на берег. Местность кругом открытая, над головами пули свистят. Несколько раз падали... Но донесли, укрыли за толстым деревом.

Путилов кривится от боли, рана у него в боку. Попросил закурить. Я ему дал. Ермалюк Витя все время был в сознании. Когда положили его, сказал: «Напишите родителям... обязательно». Он еще что-то хотел добавить, но не смог. Боль, видно, была адская.

Умер Виктор в вертолете. До госпиталя не довезли...

Одинокую фигуру заметить труднее. Минометы бьют только по крупным целям. Правда, когда неосторожным движением выдашь себя, из-за острова выплевывает длинные очереди крупнокалиберный... Тут уж как повезет.

Михаил, поддерживая одной рукой санитарную сумку, в другой — автомат, быстрыми перебежками вновь направляется к острову. Там, у подбитой машины, много раненых. Их еще можно спасти.

Рывок, еще один... и еще. Слева взметнулся кверху столб огня, дыма, сверкающих кусков льда. Мимо... Заложило уши, не слышно ничего. Вот и БТР. С визгом чиркают по броне и рекошетят горячие кусочки металла. У самых колес вспарывается очередями слежавшийся снег. Провокаторы стреляют по всему, что проявляет хоть малейшие признаки жизни...

— Много раненых ребят можно было бы спасти. Почти все были еще живы. Но ведь эти подонки добивали их всех на льду. Геннадью Давыденко они даже горло перерезали... Страшная такая, зияющая рана. Какой был царень... Честный, душевный. Все с фотоаппаратом ходил, фотографировал...

В голосе Михаила, прерывистом и хриплом,—злость, горечь и гнев.

Он видел муки своих товарищей. Не раз в тот короткий промежуток времени смотрел в лицо смерти. Смотрел и не дрогнул. Вместе со всеми выполнял свое святое дело. Этого боя на Уссури ему не забыть никогда.

Когда Михаил видел гибель друзей, его охватывала ярость. Желание мстить, бить наглого и коварного врага сотрясало всю его душу. Он забывал о санитарной сумке, о медикаментах... Вскидывал автомат и бил точными, хлесткими очередями. Становилось легче, когда замечал нелепо валяющиеся под огнем темные, ненавистные фигуры. Нагревался и вздрагивал бешеной дрожью автомат, плавился рядом снег, пустели тяжелые магазины. Только тогда, когда вместо выстрела раздавался сухой щелчок, Михаил вновь полз на поиски раненых...

— В одном месте, в ложбинке, увидел Захарова Валерку. Лежит неестественно как-то... и стреляет вовсю. Гильзы пустые так и сыпятся. Подполз к нему ближе. Смотрю: правая рука у него плетью висит, перебита, но он в левую перебросил автомат и бьет не торопясь, прицельно.

Помог я ему до берега добраться. Ничего, живой...

«Живой»... Да, многие пограничники остались живы благодаря ему, младшему сержанту Михаилу Фадееву, потому что он во имя жизни боевых друзей пренебрегал своей собственной, потому что шел под пули и не замечал их, попадал под разрывы снарядов и чудом оставался жив.

В простую доселе его биографию строчками мужества и беззаветной отваги вписана теперь славная страница неуязвимого боевого подвига. И в судьбах тысяч мальчишек она засветится яркой путеводной звездой и поведет к иному подвигу.

ЗЕМЛЯКИ ИЗ КУРАЧИНО

Илья Кобец — сибиряк, из поселка Курачино Красноярского края. Там, говорят, люди молчаливые, даже несколько угрюмые. Легких путей в жизни не ищут. И если нужно постоять за землю русскую, всегда рвутся туда, где труднее.

Сержанту Илье Кобцу сейчас столько же лет, сколько было его земляку Александру Петряеву, когда тот совершил свой бессмертный подвиг.

Под городом Борисовом в предпоследний год войны танк механика-водителя сержанта Петряева прорвал укрепления врага, ушел далеко вперед от основных сил. Трое суток продолжался его рейд по тылам противника. Экипаж боевой машины уничтожал технику, инженерные сооружения немцев, наводил ужас на гитлеровских солдат.

Но вскоре кончилось горючее, иссякли боеприпасы. Танк был подбит и загорелся. Фашисты ждали, когда из башинного люка появятся танкисты, но не дождались. Позорному плену солдаты предпочли смерть в огне.

За мужество и стойкость командиру танка сержанту Александру Петряеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А на его родине в поселке Курачино благодарные земляки воздвигли герою памятник.

С ним у Ильи связано много воспоминаний. Его первая учительница Клавдия Фирсовна впервые рассказала о танкисте Петряеве. Она часто водила к памятнику школьников. Они приносили сюда цветы. Там же, у памятника, Илья вместе с другими ребятами вступал в пионеры. Отсюда его провожали в армию.

Илья Кобец понал служить на границу. Граница, о которой он столько слышал, встретила его холодно и настороженно. Граница.. Это слово говорило о многом, чтобы его осмыслить, потребовалось не один раз побыть в наряде, исходить по дозорке не одну сотню километров. И где бы Илья ни находился потом, его никогда не покидало чувство границы, чувство той громадной ответственности, которая лежит на всех, кто стоит на границе.

Сколько раз за годы службы Илья вместе со своими товарищами поднимался по тревоге для ликвидации провокационных вылазок китайских провокаторов. Бывало всякое...

...На пограничников надвигалась толпа хунвэйбинов. А их было всего шестнадцать. Крепко взявшись за руки, они были готовы умереть, но не пропустить через границу ни одного китайского бандита.

Размахивая дубинками, китайские провокаторы стали окружать небольшую горстку отважных солдат. Тогда пограничники сомкнулись кольцом. На них сыпались удары дубинок, кулаков, угрожающие крики и вопли. Силы были слишком неравные. Китайцам все же удалось разъединить пограничников на мелкие группы и захватить двоих пограничников, в том числе младшего сержанта Геннадия Павлова.

Илья Кобец, заметив, что его командиру грозит опасность, бросился в самую гущу толпы. Физически развитый и рослый, он сумел разбросать в стороны бандитов и спасти своего командира.

В горячке борьбы Илья ничего не чувствовал. Только утром заметил, что у него сильно рассечена бровь и темным пятном обозначился под глазом большой синяк. Но это пустяки. Если потребуется, он и жизнь отдаст, лишь бы наша земля оставалась неприкосновенной.

Тогда рядовой Илья Кобец был награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Вначале дело до стрельбы не доходило. Дрались в основном врукопашную. Внешне спокойный и уравновешенный, сибирский парень из села Курачино бдительно стоял на страже Родины. Илья всегда находился там, где создавалась наиболее сложная обстановка.

В ту ночь на границе стояла тревожная тишина. Сменялись наряды. В комнате у дежурного по заставе то и дело раздавались телефонные звонки. Это докладывали обстановку наряды, которые несли сейчас службу.

Близился рассвет. Солнце еще пряталось за дымчатым горизонтом, но свет его уже озарял небо, стирая последние искринки крупных звезд. Вокруг стояла такая звонкая тишина, какая бывает только ранним утром...

Не верилось, что через несколько минут прозвучат артиллерийские залпы, что через несколько минут пограничникам придется отражать еще одно бандитское нападение китайцев. Не верилось, что в это по-весеннему теплое утро вновь прольется кровь парней, охраняющих остров Даманский.

Но это случилось.

Это была не просто стычка с китайскими бандитами. Это был настоящий бой. Для Ильи Кобца, как и для многих других советских парней, этот бой стал первым боевым экзаменом. И он с честью выдержал его. В сложной обстановке сержант проявил высокие морально-боевые качества. Он умело управлял огнем своего гранатомета и в критические моменты был примером для других.

...Расчет станковых гранатометов во главе с сержантом Кобцем занял огневую позицию в то время, когда на пограничников надвигались цепи китайских солдат. Сделан первый выстрел, и несколько бандитов остались лежать на земле. Но атака продолжалась.

— Меняем позицию, — дал команду Илья. — Засечь могут. Как только воины переместились правее, по тому месту, где они были минуту назад, ударила длинная пулеметная очередь.

Огневые позиции Кобец менял после каждого выстрела. Китайцы были в заблуждении. Им казалось, что бьет гораздо больше гранатометов, чем их было на самом деле. Этого и добивался командир расчета. Огонь его гранатометов был неожиданным и внезапным. Не один десяток китайцев уничтожил сержант Кобец и его подчиненные рядовые Леонид Базарбаев и Равиль Жидиханов.

Потом китайцы, видимо, разгадали хитрость пограничников и стали вести более интенсивный огонь. Маневрировать стало труднее. А тут еще стали бить противотанковые орудия. Положение осложнялось. Но пограничники продолжали вести точный, прицельный огонь.

В течение нескольких часов расчет сержанта Кобца выдерживал натиск противника...

Всякое случается на границе. Когда Илье бывает особенно трудно, он вспоминает своего земляка — Героя Советского Союза Александра Петряева. В этом воспоминании он черпает для себя силы и мужество.

Герои не умирают. Они живут в металле и камне, в памяти и сердцах людей. Так живет Александр Петряев в мыслях и делах Ильи Кобца — простого русского парня из сибирского села Курачино.

БОЙ ПЕРВЫЙ — БОЙ ПОСЛЕДНИЙ

Ему было двадцать один, и он любил жизнь. Как и все его одногодки, он мечтал. Мечтал после службы вернуться в родной колхоз, окончить среднюю школу, поступить в институт...

Он был комсомольцем и носил у сердца алую книжечку с барельефом Ильича...

...Ахтияму Зайнутдинову была по душе тяга его единственного сына Анвара к технике.

— Ну-ка, подверни гайки, балам, да протри двигатель, — частенько говорил старый Ахтиям и, присев в тени пообедать, наблюдал, как Анвар возится около комбайна.

Шли годы, младший Зайнутдинов окончил восьмилетку, затем школу сельских механизаторов. Стал шофером. Его старенький, выдавший виды газик можно было видеть всюду: на току, на элеваторе, у комбайна. Работал Анвар с огоньком.

— Опять в поле, сынок, — ласково ворчала мать, прожоя сына в ночной рейс. — Отдохнул бы немного.

— Время не ждет, мама. Зерно вывозить надо. — Юноша поправлял выбившуюся из-под фуражки смоляную прядь и садился за руль.

Провожали Анвара на границу всем селом и, конечно, давали наказы, чтоб служил достойно.

Ветеран войны Ахтиям Зайнутдинов положил на плечи сыну свои узловатые натруженные руки, слегка прищурился, внимательно посмотрел ему в глаза.

— Большой стал, сынок... Вот и твоя пора пришла. На границу едешь — значит, будешь всегда на переднем

крае. Беречь покой наш будешь. Не подведи старого солдата, Анвар. Не ударь лицом в грязь...

Отец отвернулся, смахнул непрошеную слезу, не хотел, чтобы сын заметил его минутную слабость. Затем слегка подтолкнул Анвара в спину:

— Иди...

«Какая она, граница?» — думал Анвар. Неизвестность немного настораживала его, но он знал, как бы тяжело ни было, не захнычет.

За несколько месяцев молодой воин научился метко стрелять, совершать многокилометровые марши. Быстро освоил бронетранспортер, и его назначили техником БТР одного из подразделений границы.

В любое время суток машина Анвара была готова к выезду. Учения ли, боевые тревоги — он не делал различия, всегда действовал четко, задания выполнял так, как этого требовал комсомольский и воинский долг.

А по вечерам, когда над казармами сгущались сумерки и в окнах зажигались огни, Анвар склонялся над листом бумаги. Татарские слова перемежались с русскими:

«Здравствуй, отец!

Служба идет как положено. Недавно сдал экзамен на водителя первого класса и командир объявил благодарность.

Как поживает мама? Пусть не волнуется за меня: ее сын не привык ходить в числе отстающих.

Фагиля и Флюра — привет, мои младшие сестренки, — уже, наверное, совсем большие стали...

Кто ездит на моем газике, ати?

А я решил остаться на сверхсрочную...»

...Старый Ахтиям долго смотрит на фотографию. На ней его сын, Анвар. Вот какой стал, совсем мужчина. Значков-то сколько, настоящий батыр...

А на границе становилось все спокойнее. Маопсты, одурманенные бредовыми теориями пресловутого «кормчего», шли на различные провокации. То на одном, то на другом участке происходили стычки пограничников с распоясавшимися хунвэйбинами. И вот наступил день, когда бандиты из клики Мао совершили свою гнусную провокацию на острове Даманском. Погибли лучшие из лучших: коммунисты Иван Иванович Стрельников, Николай Михайлович Буйневич, комсомольцы Николай Петров, Виктор Коржуков...

На следующий день Анвар подошел к коммунисту Владимиру Андреевичу Кухте:

— Я к вам за рекомендацией. Хочу быть коммунистом, заменить павших на их посту.

— Понимаю тебя, Анвар, — офицер крепко пожал воину руку. — Просьбу выполню.

В этот субботний солнечный день Зайнутдинова должны были принимать в партию.

Все документы готовы. Секретарь парторганизации вытащил из стола папку, нашел заявление Анвара.

«Прошу первичную партийную организацию принять меня кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза, так как я хочу быть в первых рядах защитников нашей Родины.

Обязуюсь с достоинством и честью выполнять долг коммуниста при защите государственной границы СССР».

Но собрание в этот день не состоялось...

...Морозный воздух рассекали пулеметные и автоматные очереди. Земля и лед на Уссури вздрагивали от частых разрывов мин и снарядов. Тут и там зияли воронки, снег стал черным от пороховой гари. Шел пятый час боя советских пограничников с китайскими головорезами.

— В атаку, вперед!

Анвар нажал на акселератор, мотор взревел, и бронетранспортер рванулся с места, оставляя за собой снежный шлейф.

Кроме Зайнутдинова в БТРе находился младший сержант Владимир Гаюнов со своим отделением.

— Огоны!

Струи раскаленного металла отделились от автоматов.

Бандиты замертво падали на лед.

Вражеские пули цокали о борта бронетранспортера, по нему открыла огонь артиллерия. Но снаряды не достигали цели. Анвар, умело маневрируя, уходил из-под обстрела врага. Машина на полной скорости неслась к острову, на помощь тем, кто его защищал.

Рядом разорвалась мина. Анвар почувствовал, как что-то толкнуло его в грудь, заставило на секунду закрыть глаза. «Ранен», — мелькнуло в сознании. Он еще сильнее стиснул зубы и дал полный газ.

«Скорее, скорее», — стучали в висках тысячи молоточков. «Скорее, скорее», — дробно выстукивали автоматы в руках пограничников.

Анвар прильнул к смотровой щели — до острова рукой подать. И вдруг он увидел, как двое воинов, бежавших в цепи атакующих рядом с бронетранспортером, упали, словно наткнувшись на какую-то невидимую преграду.

Не раздумывая, Анвар остановил машину, крикнул Гаюнову:

— Прикройте меня огнем, — схватил автомат и выскочил из люка.

Жгло в груди, но Зайнутдинов не обращал на это внимания, он понимал, что этим двум нужна его помощь, и полз к ним. Пули жужжали над головой, впились в лед справа и слева, поднимая фонтанчики снежной пыли.

И вот он у цели. Вначале оттащил одного в безопасное место, затем второго.

— Потерпите, потерпите, друзья, сейчас придут санитары.

И Анвар побежал к своему бронетранспортеру.

Друзья прикрывали его огнем.

Секунда — и он будет в люке, и снова вперед, снова в бой. Анвар поставил ногу на ступеньку, схватился за поручни, но тут был отброшен назад. В бронетранспортер попал снаряд. Мгновенно взорвался бак с горючим и война обдало бензином. Факелом вспыхнула одежда на Анваре.

Объятый пламенем, он сделал несколько шагов навстречу врагам, сорвал с плеча автомат, дал длинную очередь и упал. Он уже не увидел, как под его огнем повалились на лед недруги, как снова поднялись в атаку его друзья-сослуживцы. Их звало в бой и освещало им путь горящее сердце Анвара. Нет, он не погиб, он вместе с ними шел в цепи, помогал раненым, сокрушал бандитов.

* * *

Шумят над могилой уссурийские ветры. Скоро здесь распустятся деревья, зацветут цветы. И, проходя мимо скромного обелиска, люди будут склонять головы в скорбном молчании. Они не забудут тебя, Анвар.

ОСТАНУТСЯ В НАШЕЙ ПАМЯТИ

ПОСЛЕДНИЕ СНИМКИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВА

До того, как заставе подняться по тревоге, Николай Петров был в ленинской комнате заставы, играл на баяне. А друзья слушали его, и многие, наверное, думали о своих близких. Быть может, и Николай вспомнил о своей матери — Марии Захаровне, о своем городе Улан-Удэ. С первых дней Великой Отечественной войны Мария Захаровна работает там на локомотивно-вагоноремонтном заводе. В 1962 году она привела сюда и сына. Николай стал аппаратчиком. Веселый и жизнерадостный, он был любимцем всего коллектива. В своем цехе руководил художественной самодеятельностью, участвовал в работе заводской киностудии, организовывал фотовыставки...

В армиигодились его знания в области фотодела. Собираясь в наряд, Николай рядом с автоматом вешал на грудь фотоаппарат. Он снимал в любой обстановке, не раз провокаторы пытались вырвать из его рук кинокамеру или фотоаппарат.

Он вторым упал на лед Уссури около острова Даманского. Рядовой Николай Петров шел рядом со своим командиром Иваном Стрельниковым. Автомат у солдата был за спиной, в руках он держал кинокамеру, на груди у него был фотоаппарат. Группа советских пограничников, как обычно, хотела выразить китайским солдатам протест по поводу их вторжения в пределы Советского Союза и предложить по-доброму убраться с советской земли.

Но маоисты (это известно сейчас всему миру) повели себя, как бандиты: вероломно открыли огонь.

Рядовой Николай Петров упал. Кинокамеру солдата убийцы унесли с собой: знали, что она их может разоблачить. А вот фотоаппарат, скрытый под полушубком, остался незамеченным, и в нем несколько последних в жизни Николая Петрова снимков, на которых изображены вторгнувшиеся на нашу территорию китайские бандиты.

ЗЕМЛЯКИ

Рядовые Иван Ветрич и Александр Ионин земляки. Причем, земляки настоящие. Из одной деревни. Они и росли вместе, и в школе учились вместе, и в армию ушли вместе. И вдруг после учебного пункта Александра направляют на заставу, а Ивана в одно из подразделений части. Загрустил Иван. Пошел к командиру:

— Хочу служить вместе с братишкой, — сказал он.

Расспросил командир солдата, улыбнулся и спросил:

— А знаешь, что там, на границе, опасно бывает?

— Знаю, — твердо ответил Иван.

Ветрича перевели на заставу. И опять два друга, земляка, два воина плечо к плечу зашагали рядом.

В день кровавой провокации они одними из первых вступили в неравный бой...

Их нашли рядом. Они лежали лицом к врагу, сжимая в похолодевших руках свои автоматы. Иван Ветрич и Александр Ионин приняли смерть как настоящие герои.

ЗЕМЛЕПАШЕЦ

До призыва Александр Ионин работал трактористом. Пахал землю, сеял хлеб, убирал урожай. И любил он свою профессию больше всего на свете.

И даже на заставе, где он был просто стрелком, всегда стремился к технике.

«Землеройка ты, Саня, — шутили обычно товарищи, — тебе бы только в земле да у трактора покопаться».

Но Александр умел постоять за себя.

— Землепашец — это, братцы, наиглавнейшая фигура на свете, — отвечал он.

Вот таким был рядовой Александр Ионин. Трудолюбивый, любивший своих товарищей, верный воинскому долгу. Конечно, сейчас никакими словами не возместить эту горькую и тяжелую для нас утрату. Просто Сашу надо помнить. Помнить всегда и не забывать. Тогда он будет жить вместе с нами. Переживать трудности, радоваться удачам и являться для нас примером отваги и мужества.

ОСТАЛАСЬ РАСКРЫТАЯ КНИГА

Рядовой Владимир Изотов мечтал поступить в политехнический институт.

— Математику завалил, — сокрушался он, вспоминая, как перед службой в армии сдавал экзамены в высшее учебное заведение.

На заставе Владимир был хлебопеком. Хлеб у него получался отменный, пышный, вкусный.

— Тебе бы пекарем быть, — шутили друзья. Но солдат, найдя свободную минуту, брал в руки алгебру.

И вот Изотова не стало. Он погиб в схватке с китайскими бандитами как герой.

А на заставе, на тумбочке, осталась лежать алгебра, раскрытая на первых страницах.

Много трудностей и невзгод довелось испытать советским женщинам. Мы знаем немало примеров, когда женщины наравне с мужчинами сражались на поле боя и не уступали им в работе. Они, отказывая себе во всем, работали для фронта в тылу и выносили из боя раненых, они принимали изуродованных войной и взваливали на себя всю тяжесть житейских забот. Они и теперь стоят рядом со своими мужьями на переднем крае.

Вся страна знает сейчас имя советского офицера-пограничника Ивана Стрельникова, и вся страна знает Лидию Стрельникову, женщину, стоявшую на границе рядом с мужем. Ей посвящают свой очерк журналисты Павел Демидов и Арнольд Пушкарь.

ЖЕНА КОМАНДИРА

— У меня есть только одна песня. Ее никто не знает. Если хочешь, я спою ее, — говорил он перед расставанием.

— Спой, — сказала она. Он оборвал песню на середине: — Когда вернусь.

Она ждала все время, пока он учился, и хотя ей говорили — не надейся, что взять с курсанта? — ждала. Он вернулся, сменив лычки старшего сержанта на золотые лейтенантские погоны. Вернулся и допел до конца песню, которой, как он говорил, больше никто не знал.

И сейчас последняя запись его голоса — хриловатый, грустный баритон. На магнитофонной ленте его друга — все та же песня:

...Милая, хорошая, далекая. Вспоминай и ты меня. А Лида приняла фамилию Стрельникова и стала женой командира... На высокий берег Днепра привели женщину тревога и боль ее сердца. Уносит вода на своей полной груди плач Ярославны по своему командиру. А на пыльной дороге меряет версты драгунский полк, и в усталой кибитке усталая женщина, жена командира, и с каждой новой верстой новые морщины ложатся на ее лицо. Усатые няньки держат в сильных руках командирских детей и протяжными голосами поют колыбельные, пахнущие порохом и гарью минувших боев. Сколько их было, сколько их будет, рек, уносящих плач Ярославен, сколько было дорог, приносящих Ярославнам ранние морщины. Вместо Днепра — Усури. Вместо кибитки — вертолет. Не усатые няньки — безусые юнцы 19—20 лет. Не минувший век — нынешний 2 марта. И все та же Русь, крохотный

остров Даманский, и вечная, как земля, жена командира.

Она вышла замуж, только-только получила паспорт. Птицей выпорхнула из родного гнезда, из поселка с красивым названием Ласточка. И ее новым домом стали скалистые, скрепленные, словно сплетенными пальцами, корнями берез берега пограничной Уссури. И свою поездку к месту будущей заставы — он приехал за ней на лодке — Иван и Лида в шутку называли свадебным путешествием. Было все: и милый, и шалаш (медовый месяц они прожили в палатке, пока пограничники ставили срубы первых домов). Вот только рай... Она привыкла к границе, к тому, что вдруг поднимется полог палатки и ее Иван неслышно уходит в ночь, а вместо него остается только тревога. И к тому, чтобы не спрашивать его, куда, когда и зачем. И к тому, чтобы сдерживать слезы. И вообще ко всему, что объединяется одним суровым словом — граница.

Было все. Засучив рукава рабочей гимнастерки, красиво, словно играючи, отесывал Иван крутые бревна, и его широкие ладони мозолились привычно, как если бы работал в родном колхозе, на родной сибирской земле. И огород распахал сам, прикинув привычным крестьянским глазом: тут расти картофелю, здесь — луку, там капусте... Учил первогодков управляться с автоматом и тяпкой, с бронетранспортером и трактором. Забота забот — граница, но помнил, что вернутся солдаты от труда ратного к мирному. А больше всего хотел видеть каждого земледельцем, сеятелем, радетелем всходов. Хотел, чтобы его щекастый Игорешка шлепал босиком по дождю, пролитому в лужи, чтобы любил травы и понимал птичьи голоса. А жена командира, обнажив узкие девичьи руки, стирала на теплых камнях Уссури солдатское белье, потому что была здесь единственной женщиной. Еще до материнства ходила с Иваном в тайгу и на

ыбалку, разжигала костры и варила уху, стреляла из автомата и ездила верхом, разве что только не в пограничном наряде. А с рождением Светланы грянули беды и тревоги на ее хрупкие плечи. И первые морщинки обняли прозрачность глаз. Полыхали разноцветно меж волейбольными столбами пеленки вначале Светланы, потом Игоря, и подле зеленых фуражек и гимнастеров, между тусклой чернью автоматов, и среди бронетранспортеров гляделось это необычно и удивляюще.

Сама едва окрепшая, она металась от колыбели к кровати, когда вдруг румянились жаром детские щеки и ей было решать: то ли касторкой, то ли горчичниками, то ли таблетками и компрессами изгонять из ребятишек хвори, не успела набраться житейского опыта, не поднаторела в семейной мудрости — все постигала сама, одна. Врач, что на заставе, — он больше по ранам, огнестрельным и колотым, наложить шину при переломе, остановить кровь, полевой хирург.

А Иван? Неделями не бывает дома, забежит спешно на полчаса: «Лидуська!» И снова — туда. Близко, совсем рядышком, а не дотянуться. Может, оттого и не дотянуться, что близко...

Место ли на границе детским забавам, место ли женщине среди мужчин, семейному теплу возле солдатской казармы? Уходя в секрет или перехватывая нарушителя, спускаясь на лед «потолкаться» — не стрелять же! — не зная, вернешься ли, потому, что хитер и непонятен сосед той хитростью и коварством, что привели ко 2 марта.

Они оставляли за спиной не просто Родину, далекие и спокойные города, малые деревеньки, близких и незнакомых людей, но уносили в своих ладонях тепло пухлых ребячьих пальцев и оберегали женщину и дом, в котором знали каждый уголок, каждую мелочь. И простые слова — жена командира — обретали глубокий смысл.

Хотя бы только своим присутствием и даже незримо, сама не отдавая в том отчета, Лида вошла в жизнь заставы и заняла в ней особое место. Походы и боевые учения воспитывали выносливость, пограничная служба требовала сдержанности и бдительности, стычки с провокаторами накладывали раннюю суровость. И вдруг сквозь уставы и положения, инструкции и приказы, словно лучи весеннего солнца, неожиданно пробивались нежность, мягкая улыбка, застенчивость—все, что, казалось бы, должна укрыть от мира серая солдатская шинель. Когда пограничник с Игорем или Светланой на руках спускался по крутому боку сопки к реке, он казался воином, сошедшим с пьедестала в берлинском Трептов-парке. А просто игры с детьми Стрельниковых. Почти у каждого оставались дома братья и сестры, и нужно ли говорить, какие чувства просыпались в солдатах, когда по казарме катился залиvistый ребячий смех? И Лида знала: коль не докличется малышню, искать ее среди зеленых фуражек.

Молодые повара прибежали в домик командира:

— Лидия Федоровна, как сделать горчицу?

— Лидочка, одолжите чашки для офицеров.

И не было случая, чтобы жена командира ответила: «Некогда. Приходите в следующий раз».

— Помогите разобраться, машинка не шьет.

Советовались, как переделать галифе, чтобы было поуже, моднее, и в то же время не против устава...

О чем только не советовались, с чем только не приходили! Как ни хорош командир — в Иване Стрельникове не чаяли души, — есть такое, чем можно поделиться лишь с женщиной, с женой командира.

— Вот, Лидия Федоровна, письмо получил, — показывает конверт, и губы огромного парня дрожат, и в удивленных белесых ресницах чуть не слезы.

— От нее?

Молча кивнул.

— Пишет, что ошиблась. Выходит замуж...

И в двадцать лет ей приходится быть мудрой, рассудительной:

— Разве можно, Павлуша, неволить человека?

— А вы бы так поступили?

— Я? Никогда!

Лишь однажды, надломившись, устав, она сказала мужу: — Иван, сколько так будет?

— Всегда. Всегда так будет, Лидуська.

...Милая, хорошая, далекая,
Вспоминай и ты меня.

В тот день утром он прибежал, наскоро глотнул чаю, попросил достать валенки и шубу и умчался.

— На границе обстановка.

Она смотрела из окна, как бронетранспортер выкинулся на лед, оттуда к Даманскому, как он стоял, поднявшись в рост, и ветер развевал его светлые, мягкие волосы. Он повернулся к дому лицом, и улыбка не покидала его, пока бронетранспортер не скрылся из виду, пока через мгновение не раздались первые выстрелы. А жена командира смотрела сквозь заиндевевшее окно и видела. И запомнила навсегда его вот таким: в рост, с улыбкой.

Так смотрит капитан корабля, уходя в дальний и трудный рейс. Так смотрит летчик-испытатель, поднимая в небо новую машину. Так смотрел Иван Стрельников, уходя на границу.

Она ждала его, когда принесли первых раненых с Даманского и она стала перевязывать первые раны и вытирать первую кровь, и Ивана не было среди них. И она понимала, что это к беде. А потом заплакали дети.

И она ушла в дом и стала ждать его там. Потом черная трубка полевого телефона пронесла рядом с ней чужой разговор: «Стрельникова не можем найти». И еще — к концу боя: «Старший лейтенант Стрельников убит...»

Мы в комнате, которая когда-то была домом семьи Стрельникова. Оголенные сетки кроватей. Собранные вещи в узлы. Жена командира стоит у окна, того самого, в которое последний раз увидела Ивана: в рост, с улыбкой. Шалют дети. Они не все еще понимают. Они говорят: — Папа ушел на границу.

Родители Ивана Стрельникова. Мать, у которой теперь осталось девять детей. Отец, у которого не стало одного сына. Через несколько минут опустеет дом Стрельниковых. Лида уже простилась с ребятами — братская могила, как два пограничных столба, по краям два обелиска, между ними — восемнадцать с заставы Ивана Стрельникова. Пора уходить. Ее ждет жизнь. Дети. Она не успела даже окончить школу, как стала женой командира. Все, что имела она, принесла с собой на границу, оставила здесь. Она отдала родной земле все самое дорогое в своей жизни. И теперь пора уходить. Пора уходить, Лида, пора... жена командира.

...Милая, хорошая, далекая,
Вспоминай и ты меня.

Хрипловатый, грустный баритон, последний живой голос на магнитофонной ленте друга.

На заставу «Нижне-Михайловка» назначен новый начальник. На днях он прибудет к месту службы. Вместе с ним приезжает его жена.

**„ПОЗОР
КИТАЙСКИМ ПРОВОКАТОРАМ!“**

ТИХООКЕАНСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ ОКРУГ.
[ТАСС]. «Гірсим направить нас для продолжения службы на заставу в селе Нижне-Михайловка, чтобы заменить там наших павших друзей и товарищей. По поручению комсомольского собрания начальник заставы старший лейтенант К. Плешко, секретарь комсомольской организации сержант Н. Архипов». Такую телеграмму получило пограничное командование.

С просьбами послать на самый ответственный участок границы обращаются к командованию пограничники других застав. У всех часовых дальневосточных рубежей вызвала гнев и возмущение наглая провокация китайских властей.

НА СМЕНУ ПОГИБШИМ ТОВАРИЦАМ

Командиру в/ч майору
Коновалову от военнослужа-
щих части.

РАПОРТ

Мы, военнослужащие части, просим Вашего ходатайства перед командованием округа о переводе нас на усиление границы в связи с напряженной обстановкой и провокационными действиями китайских авантюристов.

Мы просим заменить нами погибших товарищей.

Их героический подвиг при защите рубежей нашей Родины, их жизни, отданные за мир и спокойствие человечества, воодушевили нас стять грудью на защиту наших границ.

Наши сердца подсказывают нам быть на месте погибших товарищей, и мы обещаем, что выполним свой воинский долг с честью — наши границы неприкосновенны.

Ст. сержант **Белобородов
В. А.**

Сержант **Тамбовский Г. Н.**

Рядовой **Гордеев Н. Н.**

Рядовой **Тогин Н. С.**

Рядовой **Данилов В. И.**

Рядовой **Китаев А. Г.**

Ефрейтор **Герун В. Н.**

Мл. сержант **Емельянов
Ю. А.**

Сержант **Кушнарев В. А.**

Военному Совету Тихоокеанского пограничного округа КГБ.

Мы, воины N-ской пограничной заставы, с гневом и большим возмущением узнали об очередной провокации китайских раскольников, а именно вооруженной провокации 2 марта 1969 года. Мы гордимся, что пограничники дали должный отпор. Мы, пограничники, в ответ на эту провокацию ответим усилием боеготовности, укреплением воинской дисциплины.

Мы просим Военный Совет, если потребуют интересы Родины, направить нас служить на китайскую границу. Мы обещаем вам быть такими же стойкими, как те пограничники, которые участвовали в отпоре провокации. Мы обещаем вам достойно отметить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

Мы всегда готовы выполнить волю партии, народа.

Капитан **Уманец**
Сержант **Безруков**
Сержант **Найденов**
Ефрейтор **Караганов**
Ефрейтор **Каталкин**
Рядовой **Стародумов**
Рядовой **Скиба**
Рядовой **Белослудцев**
Капитан **Сараев**
Рядовой **Ахматьянов**
Сержант **Горбунов**
Рядовой **Дряхов**
Ефрейтор **Морозов**
Рядовой **Шитов**

Рядовой **Кривов**
Рядовой **Токарев**
Капитан **Кузнецов**
Ефрейтор **Губкин**
Рядовой **Половников**
Рядовой **Добреев**
Рядовой **Трофимов**
Рядовой **Стеблецкий**
Сержант **Данилов**
Ефрейтор **Петрик**
Мл. сержант **Петров**
Ефрейтор **Грибалев**
Рядовой **Загуменов**

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ! БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ!

Мы обращаемся к вам, защитникам священных рубежей нашей социалистической Родины, с горячим приветом.

Восхищены вашей отвагой, вашим мужеством, которое вы проявили в отражении вооруженного бандитского налета, организованного китайскими властями. Этот налет стоит жизни 31 воину-пограничнику, 14 человек получили ранения. Вы сражались, не щадя своей жизни, защищая государственную границу Советского Союза, решительными действиями пресекли наглую провокацию. Гордимся вами и вместе с вами скорбим о погибших братьях по оружию. Кровь советских воинов, пролившаяся на берегах Уссури, не будет забыта. Наши сердца, как и сердца всех советских людей, полны гнева и возмущения. Пекинские провокаторы, разжигая антисоветскую истерию, проявляя самый крайний шовинизм, докатились до вооруженного вторжения на советскую территорию.

В то время, когда на Западе поднимают голову реваншисты, стремящиеся перечеркнуть итоги второй мировой войны, преступная клика Мао Цзэ-дуна нагнетает напряженность на Дальнем Востоке, тем самым смыкаясь с самыми черными силами современной реакции.

Насаждая антисоветизм, нынешнее пекинское руководство стремится отвлечь внимание китайского народа от тех провалов в экономике и политике, к которым привел пагубный курс маоистов, полностью отошедших от марксизма-ленинизма. Советские люди не ставят знака равенства между преступной кликой и китайским наро-

дом, переживающим трагический период своей истории. Мы убеждены, что пекинских лидеров ожидает позорный провал и отношения дружбы и сотрудничества двух великих народов восторжествуют.

Но пока клика Мао Цзэ-дуна следует своим авантюристическим курсом, советский народ и его Вооруженные Силы должны быть начеку: Мы целиком и полностью одобряем и поддерживаем твердую и решительную позицию Советского правительства.

Дорогие друзья!

Всем сердцем мы с вами. Мы еще больше сил будем прилагать для того, чтобы идти к высотам воинского мастерства, неустанно крепить обороноспособность нашей любимой Родины.

На стрельбищах и полигонах, на танкодромах и в учебных классах мы будем учиться военному делу так, как завещал Ильич, — настоящим образом. Мы удвоим бдительность и боевую готовность.

Выполняя социалистические обязательства, взятые в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, каждый второй воин нашей части станет отличником боевой и политической подготовки. Мы добьемся полной взаимозаменяемости в расчетах и экипажах. Каждый, кому положено, повысит классность на одну ступень. Все старослужащие воины подготовят себе достойную замену.

Пусть знают пекинские провокаторы, что советский народ и его Вооруженные Силы никому не позволят посягнуть на священные рубежи нашей Отчизны. Каждый из нас по вашему мужественному примеру готов выполнить любой приказ партии и правительства, не щадя и самой жизни.

Слава героям-пограничникам!

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!

ЗОРКО, МУЖЕСТВЕННО ОХРАНЯЙТЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ

ПИСЬМО ВЕТЕРАНОВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ВОИНАМ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКАМ

Всем известно, что с тех пор, как клика Мао Цзэ-дуна стала проводить злобную антисоветскую политику, пекинские власти не раз совершали провокационные вылазки на советско-китайской границе. Но то, что произошло 2 марта этого года в районе острова Даманского на реке Уссури, является особенно грязным и коварным преступлением.

Читаем газетные материалы, в которых приводятся подробности вероломного бандитского нападения на советских пограничников, и сердце обливается кровью. В ответ на законное требование очистить советскую территорию китайские солдаты без предупреждения открыли огонь по нашим часовым границы. Они пустили в ход не только стрелковое оружие, но и гранатометы, минометы, артиллерию...

Тридцать один воин-пограничник пал смертью героя, защищая от зарвавшихся провокаторов родную советскую землю. Тридцать одна мать оплакивает безвременную смерть своих сыновей, ставших жертвой циничной авантюры... Еще больший гнев закипает в сердце, когда читаешь о том, что китайцы, по-воровски, вероломно проникшие на нашу территорию, расстреливали в упор раненых советских пограничников, наносили им удары штыками. Некоторые из нас, авторы этого письма, были свидетелями самых изуверских, изощренных зверств китай-

ских милитаристов и чанкайшистов во время вооруженных конфликтов в двадцатых-тридцатых годах. И то, что творили маоистские бандиты на острове Даманском, может сравниться лишь с теми варварскими преступлениями.

У каждого из пишущих эти строки позади немало боевых походов. Мы были среди тех, кто завоевывал власть Советов на дальневосточной земле в годы гражданской войны, громил орды белокитайцев во время конфликта на КВЖД, очищал советскую территорию от самураев в районе озера Хасан... Каждый удар советских воинов по черным силам империализма приближал час освобождения китайского народа от гнета эксплуататоров и иностранных оккупантов. Историческую роль в этом сыграл разгром Вооруженными Силами СССР отборной Квантунской армии Японии в августе сорок пятого года.

Бойцов и командиров Советской Армии, представителей первой в мире страны социализма, родины Ленина встречали тогда на земле Китая как самых дорогих и близких. Это было естественно, закономерно: ведь советские люди — подлинные интернационалисты — пришли на помощь братьям по классу и, не щадя своей крови и самой жизни, завоевали для трудового китайского народа право и возможность строительства социализма. Мы слышали искренние, взволнованные слова благодарности за наш интернациональный подвиг, слышали горячие заверения в дружбе и братстве на веки веков.

А сколько потом сделали советские люди для торжества китайской революции, строительства социализма в этой стране!

И вот какой черной неблагодарностью платит ныне за все, что сделано для Китая Советским Союзом, маоистская клика! Платит ложью, клеветой, грязными инсинуациями, а теперь — и пулями, снарядами. До какой же

степени политического падения и предательства сил мирового социализма дошли нынешние пекинские правители, если они решились на вооруженную провокацию против социалистической страны! Против страны, которая была и есть самым искренним и верным другом Китая! Разумеется, в этом виноват не китайский народ. И советские люди никогда не ставили и не ставят знака равенства между ним и кликой Мао Цзэ-дуна.

Мы отдаем себе отчет в том, что бандитский налет на наши пограничные посты, совершенный в первые дни нынешней весны, понадобился китайским властям для дальнейшего обострения отношений между нашими странами. Для того, чтобы еще сильнее разжечь шовинистические настроения на потребу авантюристическим великодержавным устремлениям Мао Цзэ-дуна и его группы. Одна из целей этой наглой провокации — отвлечь внимание китайского народа от новой политической организации под вывеской КПК как орудия военно-бюрократического режима.

Как и все советские люди, мы клеймим позором и презрением вдохновителей и организаторов вероломной вооруженной провокации на реке Уссури. Мы выражаем свое восхищение мужественными часовыми дальневосточной границы, геройски выполнившими свой воинский долг.

Границам нашей великой социалистической Родины быть и впредь нерушимыми! Такова воля советского народа. И мы уверены, что вы, наши сыновья и внуки, молодое поколение часовых дальневосточных рубежей, будете всегда стойкими и мужественными, с честью и достоинством выполните возложенную на вас почетную и ответственную задачу.

Дорогие друзья наши, воины-дальневосточники! Верные заветам Ильича, неустанно пове­чайте свою боеспо-

собность и боевую готовность, крепите воинскую дисциплину, поднимайте до высших пределов революционную бдительность!

Л. Е. ЩЕРБАКОВ, полковник в отставке, Х. И. ТАЛДЫКИН, подполковник в отставке, — участники гражданской войны на Дальнем Востоке; Н. И. КИМ, полковник в отставке, участник боев на КВЖД; Н. И. КАДАЧИКОВ, подполковник в отставке, участник боев на Хасане; В. И. СЫСОЙКИН, полковник в отставке, и Г. П. КУНИЦ, подполковник в отставке, — участники боев против империалистической Японии в августе 1945 года.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ-ПОГРАНИЧНИКИ!

У меня, как и у всех советских людей, вызывают гнев и возмущение наглые вооруженные провокации китайских властей на советской границе. Места, где вы сейчас ведете героическую борьбу с маоцзэдуновскими бандитами, я хорошо знаю. Служил там в 30-е годы. Тогда нашу дальневосточную границу постоянно тревожили хунхузы и японские самураи. Пограничники моего поколения стойко защищали границу, не жалели ни крови, ни самой жизни для обеспечения безопасности Родины. Я рад, что и вы так же мужественно отстаиваете священную советскую землю. Горжусь вашим героизмом и отвагой, проявленными при отражении наглых вооруженных провокаций маоистов.

Будьте всегда стойкими и мужественными! Бдительно и надежно охраняйте нашу дальневосточную границу, самоотверженно защищайте ее от любых врагов!

Полковник Н. Карацупа, Герой Советского Союза.

ДЕМОНСТРАЦИИ ПРОТЕСТА

«Долой клику Мао Цзэ-дуна!», «Позор Мао и его клике — предателям мирового коммунистического движения!», «Советский народ верен делу социалистической революции!», «Советский народ и партия — едины!», «Слава советским пограничникам!», «Советские границы — неприкосновенны!» — эти призывы мощно звучат в эти дни перед зданием китайского посольства в Москве.

Сюда приходят десятки тысяч москвичей — рабочие, служащие, деятели науки и культуры, студенты, чтобы выразить решительный протест против безрассудной политики военных провокаций клики Мао Цзэ-дуна. Нескончаемым потоком проходят они по улице, носящей высокое название Дружбы. Великую дружбу между советским и китайским народами, идеи пролетарского интернационализма пытаются похоронить маоцзэдуновские авантюристы, вставшие на путь предательства марксизма-ленинизма, дела социализма в Китае.

Среди демонстрантов начальник отдела обувного производства «Восток» А. З. Морозов, участник Великой Отечественной войны. Беседуя с журналистами, он с возмущением говорит, что Мао Цзэ-дун и его приспешники своими действиями помогают агрессивным замыслам империализма.

— Я сам бывший пограничник, — сказал А. П. Гребенюк, сотрудник Министерства пищевой промышленности. — Я хорошо знаю условия службы на границе. То, что произошло 2 марта на наших рубежах на реке Уссури, нельзя расценивать иначе, как наглую авантюру.

Всматриваюсь в разные лица женщин и мужчин, юношей и пожилых людей. В каждом взгляде — гнев и презрение к распоясавшимся пекинским провокаторам. Некоторые демонстранты помнят конфликты 20-х и 30-х годов, которые провоцировали против Советской страны китайские милитаристы и чанкайшистская клика. Именно от этих реакционеров унаследовали маоисты грязные средства разбоя и бандитизма, которые проявляются как в вооруженных вылазках на советско-китайской границе, так и в наглых провокациях против советских работников, находящихся в Пекине.

Жмутся у зашторенных окон своего посольства китайские дипломаты. Прямо к ним обращены поднятые вверх кулаки демонстрантов, лозунги и транспаранты, разоблачающие маоцзедуновскую клику политических авантюристов. Может быть, вновь они попытаются передать своим хозяевам о «хулиганствующей толпе», как делали это в прошлом, ведь лживость пекинских политиканов требует и лживой информации. Но как бы ни вводили в заблуждение свой народ Мао Цзэ-дун и его группа, голос правды рано или поздно дойдет до каждого китайца. Сегодня его хотят заставить фанатично служить «великому кормчему», забыть о братстве и солидарности с народами Советского Союза и других социалистических стран, из него хотят сделать «послушного буйвола» на потребу шовинистическо-гегемонистским устремлениям Мао Цзэ-дуна.

— Как бы ни изощрялись маоцзедуновские авантюристы, — заявил журналистам молодой рабочий К. И. Соболев, — не им принадлежит последнее слово. Его скажут китайские коммунисты. Что же касается экспансионистских претензий Мао Цзэ-дуна к Советскому Союзу, то это напрасные мечты. Советские границы на прочном замке.

Несколько часов продолжалась 7 марта демонстрация москвичей у китайского посольства в Москве. В ней приняло участие свыше пятидесяти тысяч человек.

На следующий день многие тысячи москвичей вновь собрались у китайского посольства, чтобы выразить гневный протест против провокационных действий группы Мао Цзэ-дуна.

Вдоль фасада здания посольства — цепочка милиционеров. Впрочем, сами демонстранты соблюдают образцовый порядок. На истерический шабаш, учиненный у советского посольства в Пекине, москвичи отвечают выдержкой, дисциплинированностью. Никто не пытается проникнуть на территорию посольства. Более четырех часов продолжалась демонстрация. В ней участвовало более ста тысяч человек.

Вместе со всем советским народом трудящиеся столицы выражают горячую поддержку политике Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета. Они выражают горячее одобрение и поддержку заявлению Советского правительства о том, что провокационные действия китайских властей будут встречать с нашей стороны отпор и решительно пресекаться.

«Долой политику провокаций и лжи, проводимую кликой Мао Цзэ-дуна!», «Политика клики Мао обречена на провал!» — таковы решительные требования и глубокое убеждение всех советских людей, отстаивающих идеи социализма и мира, дружбы и братства между народами.

«Правда», 9 марта 1969 г.

Москва. В конференц-зале президиума Академии наук СССР 10 марта состоялся митинг ученых в связи с вооруженной провокацией на советско-китайской границе.

— Бандитский налет на советских пограничников воспринят всеми нами как еще одно проявление авантюризма обанкротившихся китайских руководителей, — заявил вице-президент Академии наук СССР академик М. Д. Миллионщиков. — Маоисты цинично играют жизнью людей ради своих преступных целей.

Академик-секретарь отделения истории Академии наук СССР академик Е. М. Жуков сказал, что не случайно время бандитского налета на советско-китайскую границу совпало с вылазкой неофашистов в Западном Берлине. Мао Цзэ-дун и его приспешники фактически блокируются с американскими и западногерманскими милитаристами.

В тот же день Дом культуры Московского государственного университета заполнили преподаватели, студенты и аспиранты.

Участники митинга пришли с лозунгами «Позор китайским провокаторам», «К позорному столбу китайских провокаторов!»

Гневно осудили вооруженное нападение китайских провокаторов на советских пограничников в районе реки Уссури писатели Москвы. На митинге, состоявшемся в Центральном доме литераторов, выступили писатели Иван Винниченко, Зоя Воскресенская, Александр Гатов, Яков Цветов, поэт Виктор Урин. Советские писатели с чувством глубокого возмущения говорили об авантюристических действиях группы Мао, посмевавшей посягнуть на неприкосновенность наших границ.

Решительно осудив антисоветский курс маоистов, советские писатели в принятой на митинге резолюции в то

же время заявили о своем уважении и дружеских чувствах к китайскому народу, который не может иметь ничего общего с кликой Мао.

«Известия», 12 марта 1969 г.

Ленинград. Глубоко возмутили ленинградцев провокационные действия китайских властей на советско-китайской границе. На предприятиях города проходят митинги, на которых трудящиеся выражают решительный протест против вооруженного бандитского нападения на советских пограничников, мужественно выполнивших свой долг, как подобает советским патриотам.

На митинге в цехе компрессорных машин Невского машиностроительного завода имени Ленина первым попросил слова рабочий А. С. Крючков:

— Авантюристическая политика китайских руководителей переходит всякие границы. Обманывая свой народ, клеветая на нашу страну, на нашу партию, пекинские власти докатились до вооруженных провокаций. Бандитское нападение на советских людей — вот цена признательности за ту братскую бескорыстную помощь, которую оказывала наша страна Китайской Народной Республике. Мы, советские люди, не смешиваем китайский народ с группой Мао Цзэ-дуна. Но мы клеймим позором бандитские выходы пекинских властей и целиком поддерживаем ноту Советского правительства, требующего немедленного расследования и самого строгого наказания виновных.

Выступает слесарь Б. С. Бенько. Он говорит, что подобные действия зарвавшихся маоистов окончательно разоблачают пекинских правителей, преследующих далеко идущие цели.

В единогласно принятой резолюции невыеские машиностроители решительно осуждают провокационные действия китайских властей, полностью разделяют позицию Советского правительства, изложенную в ноте правительству КНР.

«Правда», 8 марта 1969 г.

Киев. Коллектив киевского завода «Большевик» решительно осудил преступные действия пекинских властей.

Фрезеровщик П. Г. Лобенко, выступая на митинге, подчеркнул, что злодейское нападение на советских пограничников — еще одно свидетельство предательской политики клики Мао, ее отступничества от принципов марксизма-ленинизма. Конечно, нельзя ставить знак равенства между маоистами и китайским народом. Рабочий класс нашей страны уверен, что правда восторжествует, что здоровые силы народа положат конец правлению предателей.

Токарь В. И. Гулинов сказал, что рабочие, инженерно-технические работники и служащие завода единодушно поддерживают ноту Советского правительства правительству КНР в связи с провокацией на советско-китайской границе. Они склоняют головы перед светлой памятью советских воинов, отдавших жизнь, защищая рубежи родной Отчизны.

* * *

Пролита кровь советских воинов. Их сразили подлые выстрелы китайских провокаторов, совершивших бандитское нападение на нашу границу. Гнев и возмущение со-

ветских людей вызвала эта новая вероломная акция клики Мао Цзэ-дуна, стремящейся разделить стеной вражды два великих народа.

Недавно мне, как и другим участникам первого в Великой Отечественной войне контрударя советских войск, довелось побывать в тех местах, где в июне 1941 года шли жестокие бои. Менее полутысячи человек насчитывалось в сводном отряде пограничников, но они, обливаясь кровью, стойко защищали государственную границу от врага, превосходящего их в силе в десятки раз, и оставили рубеж обороны лишь по приказу командования, израсходовав все боеприпасы. Мы гордимся подвигами П. Нечаева, пулеметчика Г. Лихачева и других героев, павших за Родину в первые дни войны.

Мы гордимся и подвигом молодых пограничников наших дней, показавших, что они достойны славы своих отцов. Проявив большую выдержку и мужество, они решительно отразили наглую вылазку китайских авантюристов. Кровь павших ляжет на антинародную клику маоистов пятном позора.

П. Орленко, бывший парторг сводного отряда пограничников.

«Правда», 11 марта 1969 г.

Тбилиси. Бандитская провокация маоистских авантюристов на советско-китайской границе вызвала гнев и возмущение трудящихся Грузии.

— Вооруженная вылазка пекинских налетчиков, — заявил на митинге токарь Тбилисского машиностроительного завода имени Орджоникидзе Ш. Джохадзе, — еще одно доказательство того, что клика Мао Цзэ-дуна не останавливается перед самыми черными делами.

Начальник участка одной из шахт Ткибули М. Верулашвили сказал:

— Безрассудные действия китайских властей будут и впредь встречать наш отпор. Мы, советские люди, хорошо знаем, что маоисты не представляют китайский народ.

Участники митингов в своих резолюциях требуют пригвоздить к позорному столбу и строго наказать виновников провокации, горячо одобряют политику Коммунистической партии и Советского правительства.

«Известия», 12 марта 1969 г.

Томск. На массовых митингах на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в высших учебных заведениях томичи гневно клеймят позором китайских провокаторов, посягнувших на границы нашей Родины.

— Мы решительно осуждаем действия клики Мао Цзэ-дуна, которая спровоцировала нападение на советскую границу, — заявила на митинге работница завода «Эмальпровод» Г. Колесова. — Мы хорошо понимаем, что этот удар из-за угла заранее подготовлен кучкой авантюристов и ничего не имеет общего с интересами китайского народа, который хочет жить в мире и дружбе с советским народом.

В принятых на многоярусных митингах резолюциях советские люди выражают гнев и возмущение по поводу подлого акта китайских властей, обещают еще теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, заявляют о своей решимости ударным трудом крепить могущество нашей Родины — оплота мира и социализма.

«Известия», 12 марта 1969 г.

Кишинев. Молдавский народ клеймит позором варварские провокации группы Мао Цзэ-дуна. Гневным протестом против действий пекинских властей звучат слова трудящихся на митингах в городах и селах республики.

Кишиневский завод «Виброприбор». Здесь на митинге с осуждением подлых действий китайских властей выступил инженер В. Пшеничников.

— Комсомольцы, все юноши и девушки нашего предприятия, — сказал он, — гордятся тем, что их сверстники, зорко охраняющие границы первого в мире социалистического государства, с честью выполнили долг перед народом. Я призываю молодежь завода своим трудом еще больше крепить могущество нашей Родины.

В старинном молдавском городе Бельцы рабочие завода имени В. И. Ленина приняли резолюцию, в которой говорится: «Мы одобряем решительные действия Советского правительства, направленные на пресечение наглой провокации. Никому не позволено покушаться на государственные рубежи СССР».

«Правда», 9 марта 1969 г.

Ташкент. На заводах и фабриках столицы Узбекистана проходят многолюдные митинги, на которых трудящиеся гневно осуждают провокации китайских властей на советско-китайской границе.

На заводе «Ташсельмаш» мысли и чувства всего коллектива выразил слесарь Т. Хайдаров.

— Мао Цзэ-дун и его подручные, — заявил он, — еще раз показали свое подлинное лицо — лицо раскольников и реакционеров, действующих в угоду империалистам. Провокации на границе — одно из звеньев антисоветской политики маоцзэдуновской клики.

Инженеры А. Голованов, А. Скрипов, главный технолог В. Константинополо, слесарь Н. Соколов говорили о горячей поддержке советским народом внешней политики КПСС и Советского правительства.

«Правда», 9 марта 1969 г.

Минск. До глубины души меня, как и всех советских людей, возмутили наглые провокационные действия китайских властей на острове Даманском. Клика Мао Цзэ-дуна сбросила с себя бумажную маску борцов против империализма и направила оружие на пограничников первой в мире страны социализма.

Это настолько кощунственно и безответственно, что трудно подыскать слова для оценки действий китайских руководителей.

Мы знаем китайский народ как великий и трудолюбивый, создавший замечательную культуру и литературу. И нам обидно, когда под видом «культурной революции» растаптывается душа народа. Мы никогда не ставили знака равенства между трудящимися Китая и кликой Мао Цзэ-дуна.

Антисоветский шабаш, поднятый в Пекине, еще больше обнажил истинное лицо авантюристов. Это учит нас быть еще более бдительными в защите принципов марксизма-ленинизма.

Наша политика — политика мира. И на нее не смогут навести тень ни западногерманские реваншисты, ни американские империалисты, ни китайские авантюристы. В ответ на бандитские провокации советские люди еще теснее сомкнут ряды вокруг ленинского Центрального

Комитета, родной Коммунистической партии, удвоят и утроят свои усилия в борьбе за дело мира, за победу коммунизма.

Петро Глебка. Поэт, академик-секретарь Отделения общественных наук Академии наук Белорусской ССР

«Правда», 11 марта 1969 г.

Таллин. Вооруженная провокация пекиньских властей на советско-китайской границе вызвала гнев и возмущение трудящихся Советской Эстонии. По всей республике прокатилась волна митингов в связи с этим бандитским налетом на наших пограничников. Выступающие от имени всех трудящихся Эстонии осуждают действия маоистов.

— Это бандитское вторжение на территорию нашей страны — наглая провокация, — сказал на митинге на Таллинском машиностроительном заводе «Ильмарине» главный экономист завода Х. Юхками. — Мы полностью поддерживаем внешнюю политику Советского правительства и требуем от пекиньских властей положить конец провокациям.

В своем выступлении мотальщица Н. Антонова заявила:

— Китайские власти должны знать, что граница Советского государства священна и неприкосновенна.

Митинги протеста состоялись также в Кохтла-Ярве, Нарве, Тарту и других городах республики. Везде советские люди решительно осудили провокационные действия маоцзэдуновской клики и требовали наказания виновных.

«Правда», 9 марта 1969 г.

Фрунзе. Весть о вооруженной провокации китайских властей на советско-китайской границе, совершенной 2 марта, вызвала гневное возмущение трудящихся Киргизии.

У многих жителей горной республики, граничащей с КНР, еще свежи в памяти годы, когда советские люди из чувства братской солидарности не жалели ничего, чтобы помочь китайскому народу в строительстве социализма. Через Киргизию в КНР шли продукты питания и машины, обувь и оборудование, многие другие грузы.

Вспоминая об этом, выступавшие на митинге коллектива завода сельскохозяйственного машиностроения Формовщики А. Болтобаев, А. Жигулина и другие клеймили позором авантюризм пекинских властей, которые наглыми действиями пытаются посорить советский и китайский народы.

Участники митинга единодушно заявили: коллектив завода будет трудиться еще напряженнее, чтобы и дальше крепить могущество нашей Советской Родины.

Митинги и собрания трудящихся состоялись на ряде предприятий г. Фрунзе, в колхозах и совхозах республики.

«Правда», 8 марта 1969 г.

Ашхабад. 10 марта. (ТАСС). На нефтепромыслах, у железнодорожников и моряков утром на стыке двух смен состоялись митинги протеста против авантюры, затеянной пекинскими руководителями в пограничном районе Дальнего Востока.

Выражая мнение всего коллектива, приемщик тепловозов Ашхабадского локомотивного депо Х. Мамедов сказал на митинге:

— Мы знаем, что эта провокация совершена по указке клики Мао Цзэ-дуна. Пусть знают китайские раскольники, что мы не позволим авантюристам посягать на священные рубежи нашей Родины!

— Наш коллектив, — говорил на митинге работников Красноводского морского порта механизатор Х. Реджепов, — клеймит позором авантюристические действия китайских властей.

Мы целиком и полностью одобряем ноту Советского правительства, в которой сделаны строгие предупреждения зарвавшимся провокаторам.

Ереван. На предприятиях, в колхозах, учреждениях, учебных заведениях Армении проходят многояюдные митинги трудящихся в связи с провокационными действиями пекинских властей на советско-китайской границе. Действия пекинских провокаторов вызывают всеобщее возмущение и протест.

— Пограничники Советского Союза, — сказала в своем выступлении работница ереванского завода «Электрон» Р. Григорян, — еще раз доказали, что рубежи нашей страны неприкосновенны. С болью мы узнаем, что советско-китайская граница, в течение многих лет не разъединявшая, а соединявшая два братских народа, сегодня стала ареной провокаций маоистской группы. От имени моих товарищей по работе призываю повысить бдительность, еще теснее сплотиться вокруг нашей родной Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета, новыми трудовыми успехами крепить могущество нашей любимой Родины.

Баку. Восьмой промысел «Лениннефть». Суровы, сосредоточенны лица ветеранов, молодых рабочих. Митинг открывает Герой Социалистического Труда Муса Байрамов. Он говорит о том, что наглая провокация пекинских властей вызвала гнев и возмущение бакинских нефтяников. В ответ на происки маоистов рабочие, инженеры дают слово приумножать трудовые усилия, крепить обороноспособность Родины, повышать революционную бдительность по охране социалистических завоеваний.

На трибуне старейший мастер Нушурван Алиев.

— Пекинские руководители, — говорит он, — уже не раз пытались посягать на нашу священную землю. Они стремятся поссорить нас с дружественным китайским народом, откровенно проводят оголтелую националистическую политику. Мы никому не позволим нарушать наши границы. Мы и впредь будем стремиться укреплять интернациональную, ленинскую дружбу с народами Китая. А пекинских руководителей предупреждаем: «Не играйте с огнем, обожжетесь!...»

Душанбе. Наглая вооруженная провокация со стороны пекинских властей на советско-китайской границе вызвала гнев и возмущение у трудящихся Советского Таджикистана.

Экскаваторщик Вахшского магистрального канала Хисрав Самадов на собрании ирригаторов долины сказал:

— Я преклоняю голову перед мужеством советских пограничников, погибших от руки провокаторов. Советские воины дали достойный отпор бандитам, посягнувшим на нашу родную землю.

Горячо одобрили ноту Советского правительства пра-

вительству КНР животноводы совхоза «Ранг-куль» Мургабского района (Восточный Памир), живущие на советско-китайской границе. Выражая свой протест возмутительным поведением китайских властей, горцы заявляют: «Мы гневно осуждаем вооруженное вторжение маоцзедуновских лазутчиков в пределы священной советской земли. Эта провокация вызвала в наших сердцах чувство глубокого возмущения действиями тех, кто стремится помешать дружбе советского и китайского народов».

«Правда», 10 марта 1969 г.

Владивосток. Плакат с гневной надписью «Позор китайским провокаторам!» появился в красном уголке второго района Владивостокского торгового порта сразу после сообщения ТАСС о провокации китайских властей на советско-китайской границе. Едва кончилась смена, как рабочие и служащие порта собрались на митинг.

— Прошло немного времени, — сказал в своем выступлении заместитель секретаря парткома морского транспорта Ю. И. Демченко, — с тех пор, как владивостокские портовики встречали советские суда «Комсомолец Украины» и «Свирск», экипажи которых подвергались хулиганским нападениям хунвэйбинов. Теперь же распоясавшиеся маоисты осмелились на вооруженную провокацию. Пролита кровь советских людей!

На митинге выступали П. А. Гайдаренко, бывший пограничник, бригадир бригады портовых рабочих М. Х. Лубенский, технолог В. Т. Хоменко и другие. Все они решительно осудили провокационные действия китайских властей, горячо одобрили ноту Советского правительства правительству КНР.

В принятой на митинге резолюции указывается, что владивостокские портовики еще теснее сплотятся вокруг Коммунистической партии и повысят свою трудовую активность и тем самым будут способствовать повышению экономической и оборонной мощи нашей Отчизны.

* * *

На судах Дальневосточного морского пароходства продолжаются митинги протеста против бандитских действий пекинских властей. Моряки-дальневосточники единодушно выражают свой гневный протест и негодование по поводу разбойничьей провокации маонистов на рубежах нашей Отчизны.

«Глубоко возмущены преступными действиями маонистских лазутчиков на дальневосточной границе нашей Родины, — говорится в радиোগрамме с парохода «Брянск». — Позор китайским провокаторам! Выражаем глубокое соболезнование родным погибших советских воинов-пограничников».

В радиোগрамме с парохода «Донбасс» говорится: «Выражаем свое негодование по поводу наглой вооруженной провокации пекинских властей на советско-китайской границе. Горячо одобряем ноту Советского правительства правительству КНР, в которой говорится, что будут приниматься решительные меры для пресечения провокаций на советско-китайской границе».

«Моряки теплохода «Севзаплес», — говорится в радиোগрамме капитана тов. Румянцева, — на митинге гневно осудили вооруженное вторжение маоцзедуновских лазутчиков в пределы нашей дальневосточной земли. Эта наглая провокация вызвала в наших сердцах чувство возмущения действиями тех, кто стремится помешать дружбе советского и китайского народов».

Теплоход «Горноалтайск» следует с грузом к берегам героического Вьетнама. «На судне состоялся митинг протеста против вооруженной провокации пекинских властей на советско-китайской границе, — радирует первый помощник капитана тов. Романов. — Выступившие на митинге матросы Кириченко и Межнев, дневальная Лысяк, старший механик Качанов и другие моряки с негодованием говорили о бандитской провокации маоистских лазутчиков. Они призвали экипаж повысить бдительность, еще теснее сплотиться вокруг нашей родной Коммунистической партии и его ленинского Центрального Комитета, досрочно выполнить свои социалистические обязательства в честь ленинского юбилея».

— Нет предела нашему гневу и возмущению наглой вооруженной провокацией маоистских лазутчиков на нашей дальневосточной границе, — сказал на митинге машинист парохода «Революционер» тов. Шачнев. — Мы, моряки, глубоко скорбим и преклоняем головы перед мужеством советских пограничников, погибших от рук провокаторов.

— Мы никому не позволим нарушать священные рубежи нашей Родины, — заявил на митинге старший механик этого судна тов. Рубан. — Но мы и впредь будем стремиться укреплять дружбу с народами Китая.

Митинги протеста против разбойничьей провокации маоистов на советско-китайской границе также состоялись на пароходах «Николай Миронов», «Амурсклес», «Свирск», танкере «Москальво» и других судах Дальневосточного пароходства.

С чувством глубокого возмущения воспринял многотысячный коллектив судоремонтников ордена Ленина Дальзавода сообщение о вооруженной провокации китайских властей в районе пограничного пункта Нижне-Михайловки. В каком бы цехе вы ни побывали, всюду

раздаются голоса протеста против беспрецедентной провокации на советско-китайской границе.

Перед началом смены здесь состоялся многолюдный общезаводской митинг протеста против наглых действий китайских властей. Митинг открыл секретарь парткома завода Л. И. Думбров. Слово предоставляется секретарю Приморского краевого комитета КПСС Г. Н. Балакину.

— Эта наглая вылазка китайских властей, подготовленная и заранее спланированная по указке из Пекина, — заявил оратор, — еще раз свидетельствует о том, что китайское правительство преднамеренно идет на дальнейшее обострение советско-китайских отношений. Вся ответственность за наглое вторжение в пределы советской территории целиком и полностью ложится на правительство КНР.

В заключение Г. Н. Балакин заявил, что в ответ на провокацию китайских властей трудящиеся Приморья и Дальзавода ответят удвоенным напряжением в труде и сделают все для того, чтобы дальше развивать экономическое и оборонное могущество Страны Советов.

На трибуне — старший мастер И. П. Сильченко. Он с гневом говорит о провокационных действиях китайских властей. Несмотря на миролюбивую внешнюю политику Советского правительства, на ту братскую дружбу, которую питает советский народ к трудящимся Китая, и на ту экономическую помощь, которая была оказана КНР, китайское правительство идет на опасное обострение отношений с Советским Союзом.

— Мы, рабочие Дальзавода, — сказал он, — решительно настаиваем на суровом наказании китайских провокаторов. Мы уверены, что и впредь будут приниматься меры, которые бы исключали всякое нарушение советско-китайской границы. Я выражу общее мнение кол-

лектива о том, что дальзаводцы еще теснее сплотятся вокруг Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, будут повышать революционную бдительность, приложат все силы к тому, чтобы успешно справиться с государственным планом и выполнить обязательства, принятые в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Старший мастер А. С. Каллянец заявил, что коллектив предприятия гневно клеймит китайские власти, устроившие провокацию, и призвал дальзаводцев к повышению трудового напряжения.

В единодушно принятой резолюции коллектив ордена Ленина Дальзавода решительно осудил провокационные действия китайских властей, обязался досрочно выполнить план и обязательства четвертого года пятилетки, с тем чтобы достойно встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

Наглая вооруженная провокация китайских властей, предпринятая 2 марта у острова Даманского на реке Уссури и преследующая цель вызвать дальнейшее обострение советско-китайских отношений, вызвала гнев и возмущение всех трудящихся Приморья.

В Имане, недалеко от которого китайский вооруженный отряд, нарушив границу СССР, совершил бандитское нападение на советских пограничников, состоялся многолюдный митинг. Рабочие деревообрабатывающего комбината А. Куликов, П. Руденко и И. Никитин, выступая на митинге, с возмущением говорили о преступных действиях маоистских провокаторов. Выражая чувства всех собравшихся, они заявили о том, что границы нашей великой Родины всегда были и будут неприкосновенны. Ораторы призвали товарищей усилить революционную бдительность, ударным трудом умножать мощь Советского социалистического государства.

Требование Советского правительства о немедленном расследовании и самом строгом наказании лиц, ответственных за провокацию, единодушно поддержано рабочими ордена Ленина Дальзавода.

«Правда», 8 марта 1969 г.

Антарктида. Борт китобазы «Советская Россия», 10 марта (ТАСС). Весть о провокации китайских властей на советско-китайской границе вызвала гнев и возмущение промысловиков. На борту базы, на вспомогательных судах состоялись митинги протеста.

— Мне довелось служить на границе там, где маоцзэдуновская военщина напала на нашу заставу, — сказал старший электрик т. Матвиенко. — Мы тогда сражались против Квантунской армии, жертвовали всем ради того, чтобы принести китайскому народу освобождение. И вот клика Мао, нарушив скрепленную кровью дружбу, развязала гнусную провокацию против советского народа.

Участники митинга единодушно одобрили меры, предпринятые Советским правительством для защиты государственной границы СССР, заявили о своем стремлении еще теснее сплотиться вокруг КПСС, ее ленинского Центрального Комитета.

Находка. В Находкинском морском торговом порту проходят митинги, участники которых клеймят позором клику Мао Цзэ-дуна, провоцирующую вооруженные столкновения на советско-китайской границе.

— Все мы горячо одобряем решительные меры Со-

ветского правительства по пресечению провокации пекинских властей на советско-китайской границе, — сказал портовый рабочий А. И. Трошин. — Политика Мао и его подручных — предательская по отношению к рабочему классу и неизбежно потерпит крах.

«Советская Россия», 19 марта 1969 г.

Петропавловск-Камчатский. Экипажи рыболовецких судов, носящие имена дальневосточных героев-пограничников, погибших в разные годы при защите рубежей нашей Родины, — «Борис Горинский», «Алексей Махалин», «Петр Ильичев», «Петр Овчинников», «Иван Середа» клеймят позором клику Мао, организовавшую новую вооруженную провокацию в районе острова Даманского.

— Рыбаки гордятся мужеством отважных воинов, достойных наследников своих отцов, — сказал на митинге мастер обработки морозильного траулера «Борис Горинский» В. Семеренко. — Имена павших будут всегда в памяти живых, так же как имена героев-пограничников, которыми названы камчатские суда.

В радиограммах, поступивших из районов промысла в Тихом океане и Беринговом море, говорится, что рыбаки Камчатки единодушно поддерживают заявление Советского правительства и предпринятые меры по охране наших границ. Они выражают решимость своим трудом крепить могущество Родины.

«Советская Россия», 19 марта 1969 г.

ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ ОСТРОВА ДАМАНСКОГО

Посылаем вам, дорогие товарищи, горячее коммунистическое приветствие и одновременно хотим вас заверить в нашем пролетарском единстве с вами, со всем советским народом в борьбе с врагами социализма и выражаем признание вашему образцовому поведению, вашему солдатскому интернационализму, исполнению долга обороны нерушимых границ Советского государства. Мы с вами и всегда будем с вами в трудной и ответственной борьбе за мир и победу коммунизма.

РАБОТНИКИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ БОЛГАРИИ, ВЕНГРИИ, ГДР, ПОЛЬШИ — участники семинара в центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ

„С ПОЗИЦИЙ АВАНТЮРИЗМА И БЕЗУДЕРЖНОГО НАЦИОНАЛИЗМА“

Вооруженная китайская провокация на советско-китайской границе вызвала широкие отклики в зарубежной печати. Многие комментаторы отмечают, что этот инцидент и развернутая вокруг него шумная антисоветская кампания были тщательно запланированы и подготовлены китайскими властями. Японское агентство «Киодо Цусин» считает, что главной целью пекинских руководителей было «возбудить в китайском народе неприязнь к Советскому Союзу». Многие обозреватели приходят к выводу, что с помощью антисоветизма пекинские руководители рассчитывают отвлечь внимание народа от многочисленных трудностей, перед которыми Китай оказался в результате авантюристического курса Мао.

Некоторые газеты связывают нынешнюю антисоветскую истерию в Китае с поступающими из Пекина сообщениями о том, что там готовится IX съезд КПК. Пекинские лидеры, пишет по этому поводу газета «Вестфелише», как видно, считают, что «ненависть к Советскому Союзу должна стать на предстоящем съезде партии обязательным политическим принципом для всех китайских коммунистов».

В ряде откликов проводится мысль о том, что, обостряя отношения с Советским Союзом, пекинские власти хотят нажить себе внешнеполитический капитал в отношениях с капиталистическими странами, и прежде всего с Соединенными Штатами. Известная французская обо-

Нижне-Михайловка. Земля отцов, земля дедов. Еще в прошлом столетии пришли сюда первые русские поселенцы. Своими руками очистили землю от камней, построили дома, посадили деревья. Уже третье или четвертое поколение русских людей живет здесь (фото 1)

1

Но пришли незваные гости. Потряса цитатниками с изображением «великого кормчего», угрожающе подняв оружие, они пытались запугать наших бойцов (фото 2—4)

3

4

Советские пограничники грудью встали на защиту рубежей нашей Родины, не разгоняли они провокаторов с родной земли (фото 5—7)

6

7

На этот раз они пришли с более коварными замыслами... Еще миг — и по сигналу одного из бандитов раздадутся выстрелы. И рухнет на заснеженный лед Уссури Иван Стрельников, выпустит из рук кинокамеру Николай Петров, тот, чьей рукой сделаны эти снимки... (фото 8—10)

9

10

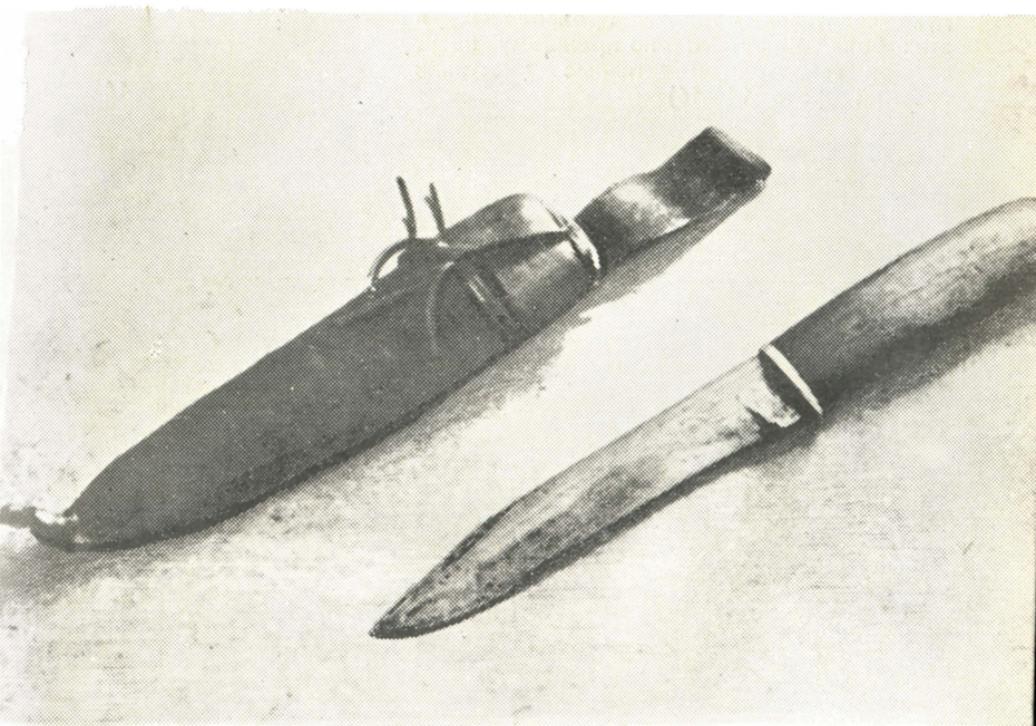

11

12

13

Завязался бэй...

Первый, затем второй. К сожалению, нет фотографий, которые бы смогли запечатлеть мужество и стойкость горстки советских пограничников, изгнавших и на этот раз провокаторов с русской земли. Нет, потому, что в этот тяжелый момент все, кто мог, держали в руках автомат, и было не до снимков.

Но мы имеем возможность видеть следы, оставленные врагом на нашей земле, разоблачающие его коварство и его жестокость (фото 11—13)

Остались также документы, свидетельствующие о мужестве и высоком боевом духе советских бойцов, проявленных в этих боях. Живут и по-прежнему несут службу свидетели и активные участники событий (фото 14—16)

Пролетарии всех стран, соединитесь!
 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

ОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
 № 15645011

Имя *Толовене*
 Фамилия *Торие*
 Имя *Александрович*
 Дата рождения *окт. 26. 1948г.*
 Дата вступления *окт. 1963*
 Место рождения *Алтайский кр.*

Уплата членских взносов
 19 *67* год

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

„Если смерть
смотрит
другу в
глаза,

Возьми её
взгляд
на себя!

„Жизнь нужно
прожить так,

чтобы не было
больно
за прожитые
годы!

15

16

В эти дни вместе с семьей Демократа Владимировича Леонова, вместе со вдовой погибшего Геннадия Давыденко, вместе с матерями, потерявшими своих сыновей, скорбит вся страна (фото 17—21)

17

19

20

2 МАРТА 1969 г
 ГЕРОЙСКИ ПОГИБЛИ В БОЮ ПРИ ЗАЩИТЕ
 ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ
 СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СЕРЖАНТ	Давыденко Геннадий Михайлович	1941
СЕРЖАНТ	Дергач Николай Тимофеевич	1944
РАДОВОЙ	Денисенко Анатолий Григорьевич	1945
РАДОВОЙ	Данкин Владимир Николаевич	1920
РАДОВОЙ	Егупов Виктор Иванович	1947
РАДОВОЙ	Золотарев Валентин Григорьевич	1945
РАДОВОЙ	Исаков Вячеслав Петрович	1946
МЛ.СЕРЖАНТ	Колодкин Николай Иванович	1946
РАДОВОЙ	Каменчук Григорий Александрович	1950
РАДОВОЙ	Киселев Гавриил Георгиевич	1950
РАДОВОЙ	Кузнецов Алексей Нифантьевич	1946
МЛ.СЕРЖАНТ	Лобода Михаил Андреевич	1945
ВЕРХНИЙ	Михайлов Евгений Константинович	1946
РАДОВОЙ	Нечай Сергей Алексеевич	1945
РАДОВОЙ	Овчинников Геннадий Сергеевич	1948
РАДОВОЙ	Пасюта Александр Иванович	1946
РАДОВОЙ	Петров Николай Николаевич	1945
СЕРЖАНТ	Рабович Владимир Никитичевич	
РАДОВОЙ	Шестаков Александр Федорович	
РАДОВОЙ	Шушарин Владимир Михайлович	

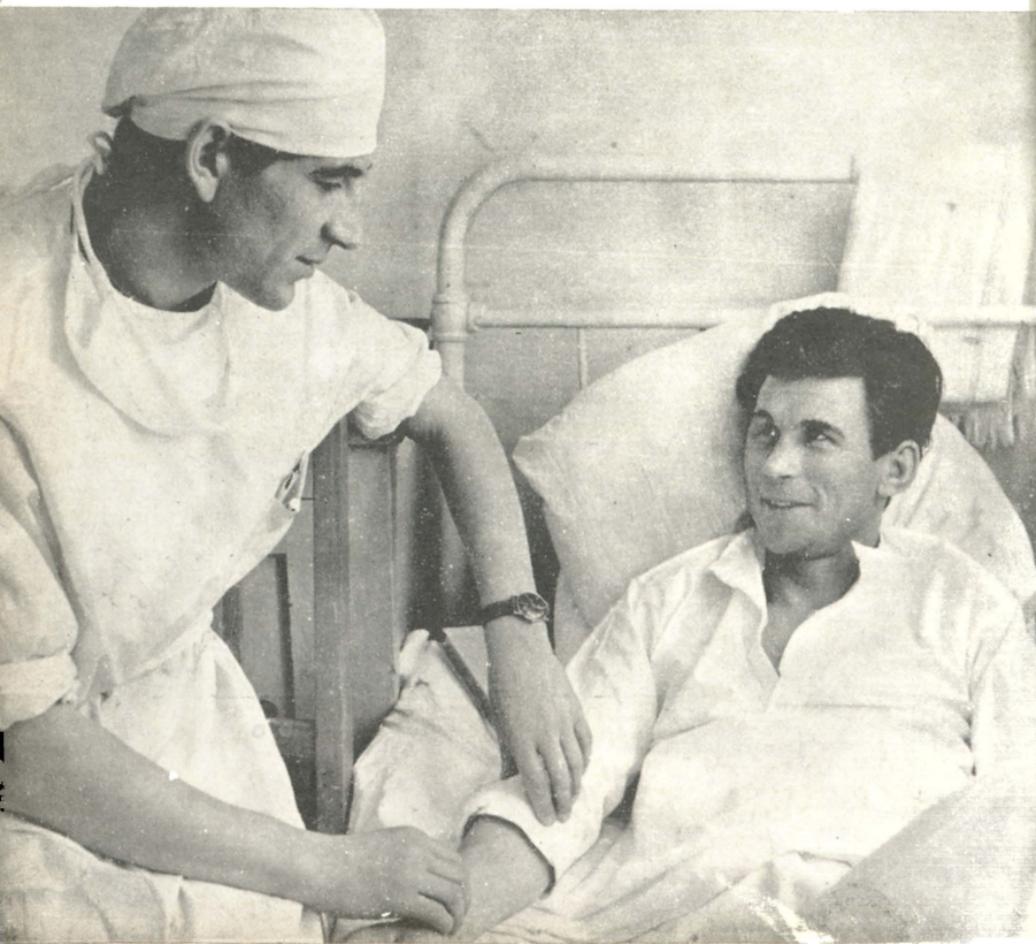
Ветеранам Великой Отечественной войны
 В память о погибших в боях за Родину

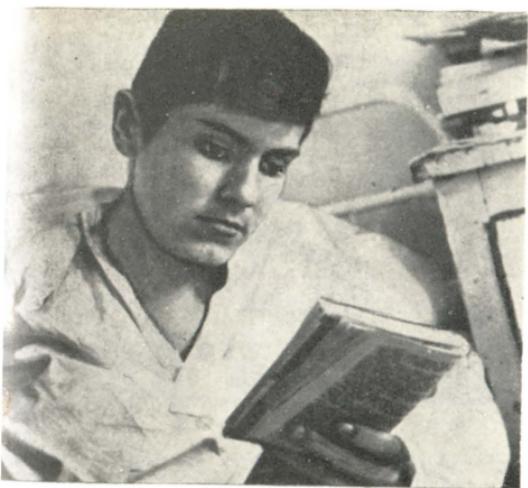

Теплом и заботой окружили советские люди своих защитников, героев острова Даманского.

Рядом с Виталием Бубениным всегда его врач, а теперь и его друг старший хирург Виктор Бочарников. Всегда свежая книга в руках у Сереброва, единственного оставшегося в живых солдата из группы Стрельникова.

В любое время суток готовы по первому зову явиться к раненым медицинские сестры (фото 22—25)

23

24

25

А на заставах — боевой порядок. По-прежнему в строю советские воины (фото 26—27)

27

26

Снова готово к выполнению боевого задания отделение Юрия Бабанского, и опять готов прийти на помощь пограничникам Геннадий Авдеев, и стоит на страже священных рубежей участник последнего боя лейтенант Губарев со своей боевой машиной (фото 28—30)

28

29

30

Как и прежде, оттачивают боевое мастерство советские пограничники, вооруженные могучей техникой, чтобы в любой момент дать отпор неприятелю. Как и всегда, за чужим берегом с помощью совершенных приборов ведется наблюдение. Учатся вести прицельный огонь молодые солдаты. Помогает им приехавшая в гости к пограничникам Герой Советского Союза, участница Великой Отечественной войны снайпер Людмила Михайловна Павличенко (фото 31—35)

33

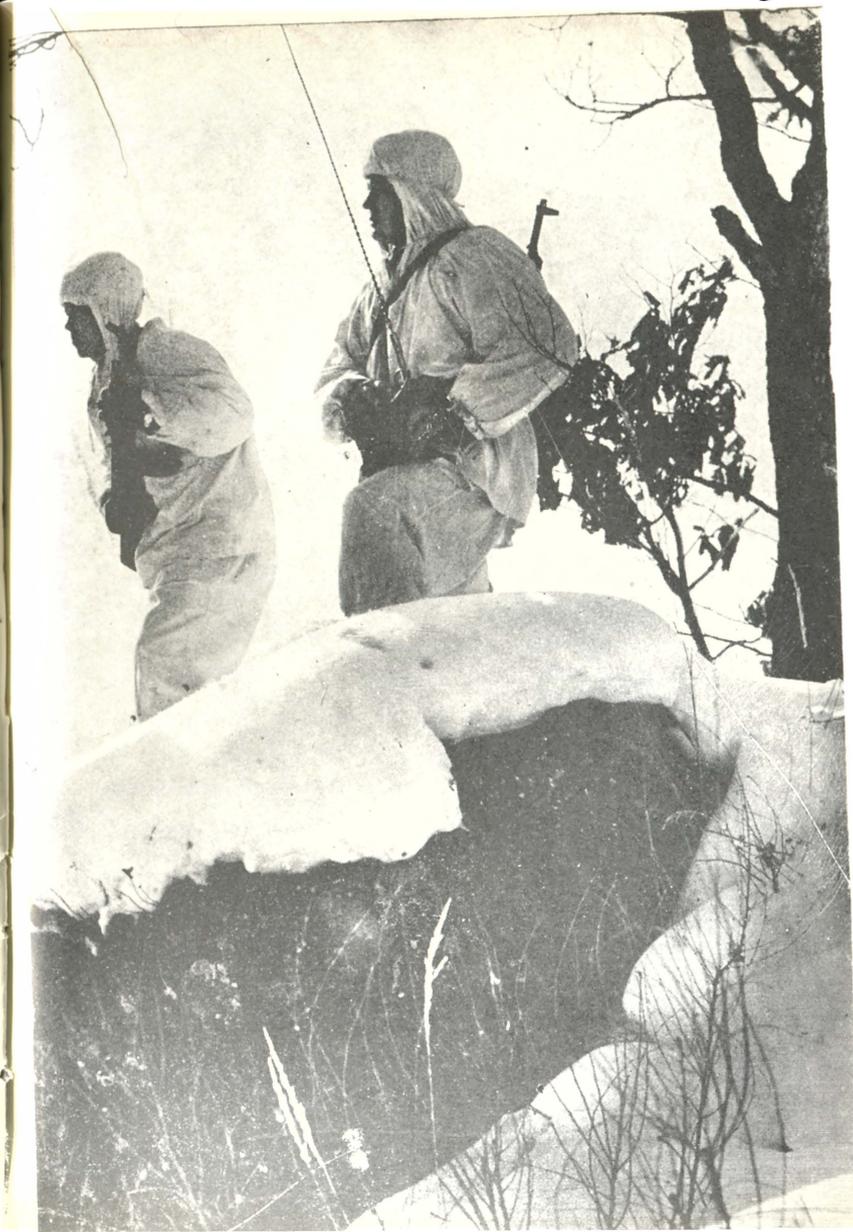
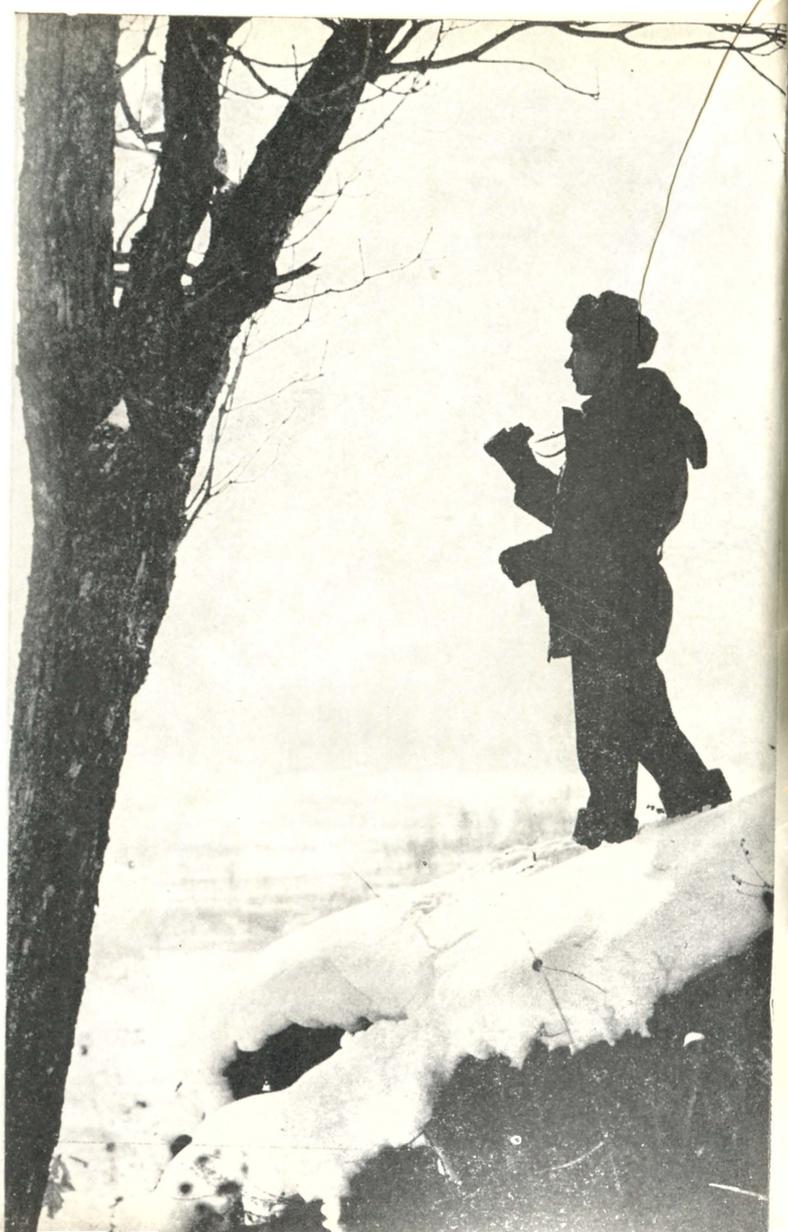
34

35

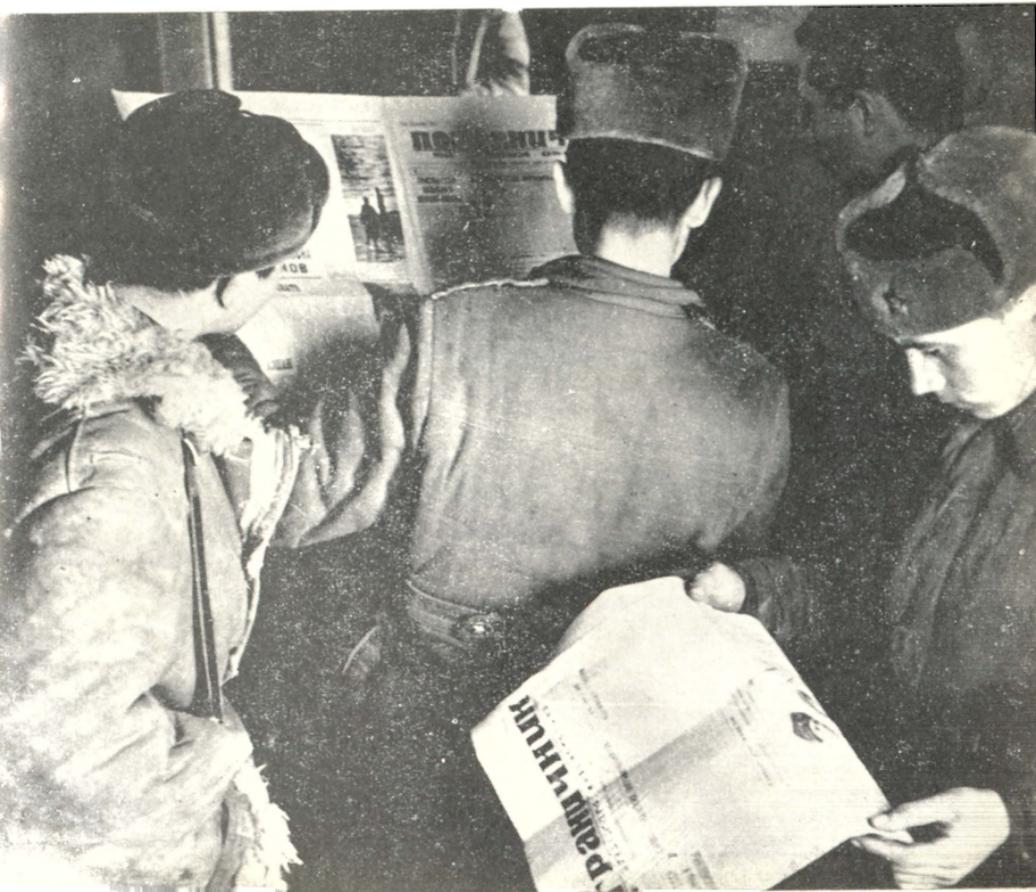
Ежедневно проходят мимо обелиска, сооруженного в честь павших товарищей, пограничные наряды. Они уходят туда, где пролегли дозорные тропы (фото 36—38)

А в свободное от службы время бойцы читают газеты и книги, разучивают новые песни, готовятся к встрече весенних гостей (фото 39—42)

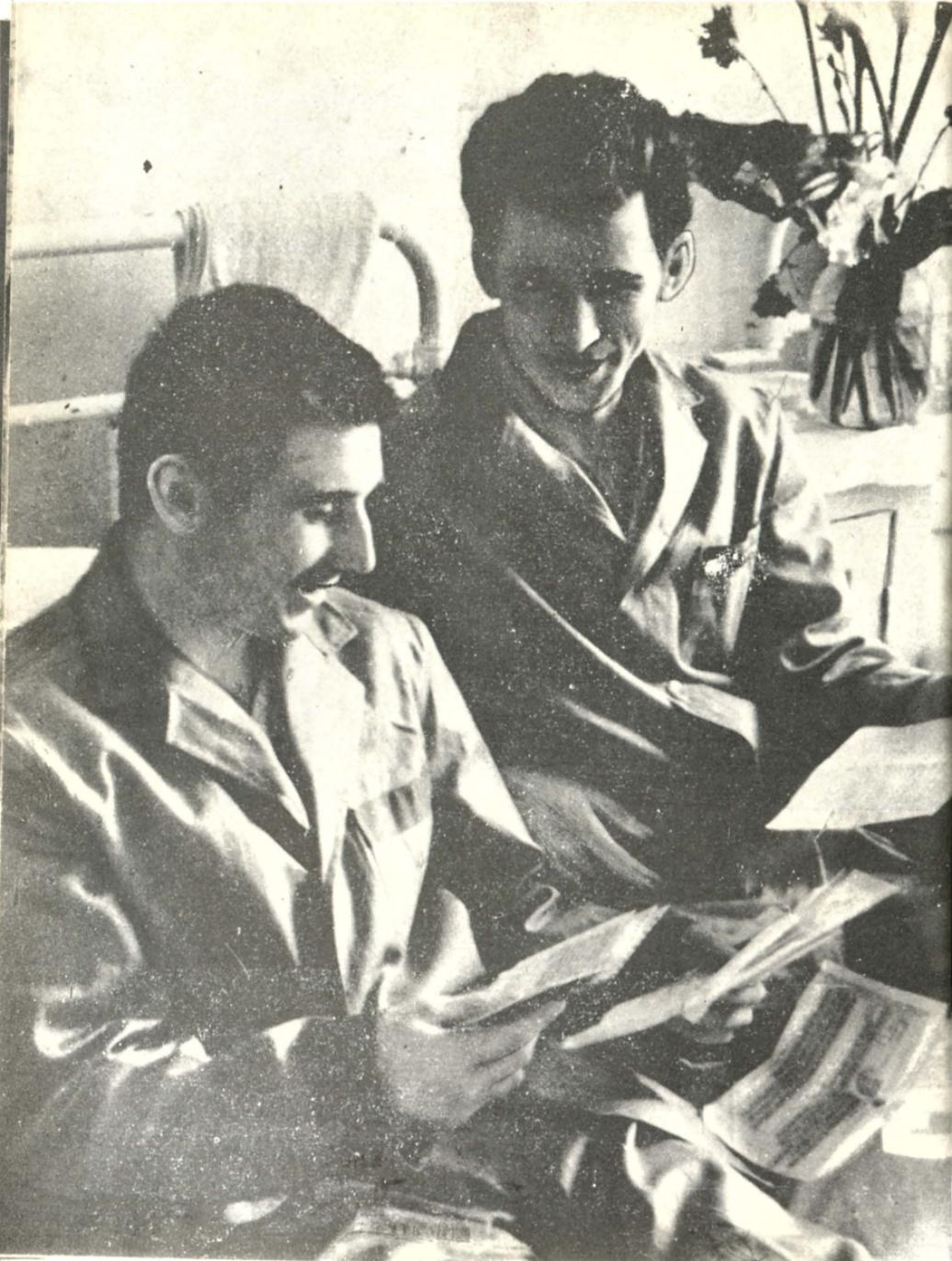

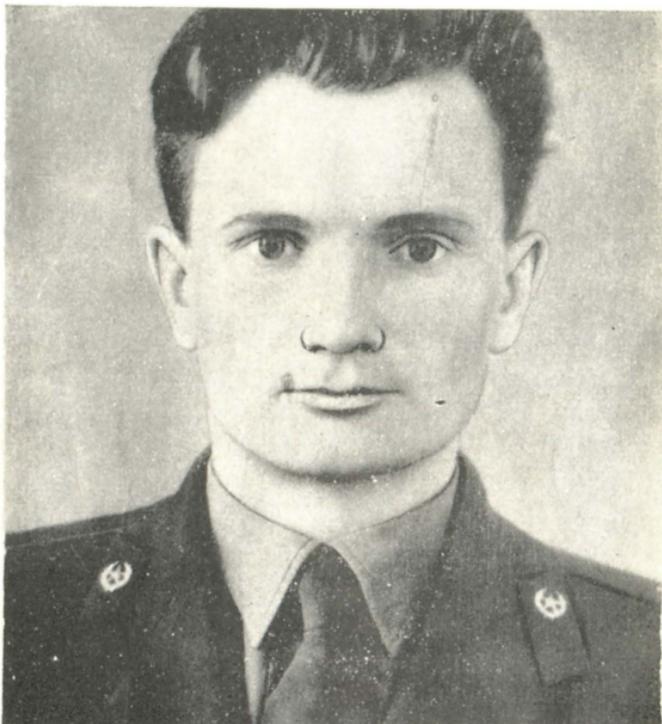

Герой Советского Союза
Юрий Бабанский

Герой Советского Союза
Иван Иванович Стрельников

Герой Советского Союза
Виталий Бубенин в госпитале

Герой Советского Союза
Демократ Владимирович Леонов

Рядовой Анатолий Денисенко

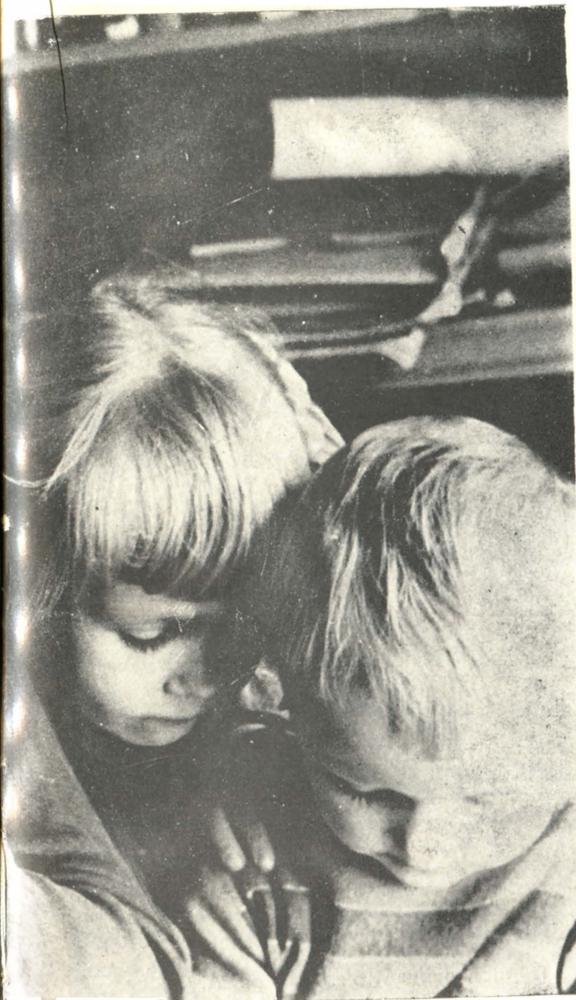
Сержант Борис Головин.

Сержант Анвар Зайнутдинов

Ст. лейтенант Маньковский Л. К.

Лидия Федоровна
Стрельникова с детьми

Ст. лейтенант Буйневич Н. М.

Подполковник Константинов А. Д.

Участник боя мл. сержант Луценко

Участник боя рядовой Илья Кобец

Подполковник Яншин Е. И.

Участник боя рядовой Владимир Размахнин

Участник боя мл. сержант Юрий Козусь

зревательница Женевьева Табуи пишет, что «пограничный инцидент с СССР в Пекине считают необычайно удобным поводом для того, чтобы напомнить о себе на международной арене, не затрагивая активно западные державы, и особенно Америку».

Газета американских трудящихся «Дейли уорлд» отмечает, что нынешнюю шумную антисоветскую кампанию в Китае «приветствуют силы международного империализма. Они рассчитывают на то, что пограничные провокации на Дальнем Востоке могут отвлечь внимание общественности от парижских переговоров по Вьетнаму и от необходимости пресечь военную угрозу в Европе, исходящую из Бонна».

Газета подчеркивает, что, раздувая антисоветскую истерию в стране, «китайские руководители действуют вопреки национальным интересам китайского народа».

(ТАСС)

„ЭТО БЫЛ ЗАРАНЕЕ РАССЧИТАННЫЙ ШАГ“

Варшава. Все центральные варшавские газеты публикуют подробные отчеты о пресс-конференции в МИД СССР в связи с провокацией китайских властей на советско-китайской границе.

«Трибуна люду» печатает сообщение о пресс-конференции под крупным заголовком «Китайская провокация на границе с СССР — новое проявление авантюризма».

Старательно подготовленная Пекином очередная провокация была проведена с учетом внутреннего положения Китая и международной ситуации, говорится в комментарии газеты «Жолнеж вольности». Лозунги антисоветской кампании стали особенно необходимыми маоистам накануне очередного съезда КПК. Путем разжигания националистических и шовинистических настроений китайские власти рассчитывают окончательно расправиться со всеми противниками Мао Цзэ-дуна.

Берлин. Вооруженная провокация, организованная кликой Мао Цзэ-дуна на советско-китайской границе, вызвала в Германской Демократической Республике глубокое возмущение. Печать ГДР опубликовала сообщения о ноте, переданной МИД СССР посольству КНР, а также о мощных демонстрациях протеста в Москве и других городах Советского Союза.

Вооруженная провокация китайских властей, указывает «Нойес Дойчланд», нашла отклики у реакционных кругов США и Западной Германии, которые уже обдумывают, какую пользу они могли бы извлечь для себя из напряженности на советско-китайской границе.

Будапешт. Сообщения о пресс-конференции в Москве в связи с вооруженной китайской провокацией на советско-китайской границе занимают видное место на страницах будапештских газет. «Действия китайских властей могут привести к серьезным осложнениям» — под таким заголовком «Мадьяр немзет» помещает материалы пресс-конференции и изложение советской ноты послуству КНР.

Улан-Батор. «Теперь совершенно очевидно, что вооруженная провокация пекинских властей на советско-китайской границе была заранее организованным и рассчитанным шагом, — говорится в редакционной статье газеты «Унэн». — Эта провокация явно имела целью накалить обстановку в стране и еще более обострить отношения с Советским Союзом».

Прага. Газета «Руде право» в комментарии, озаглавленном «После инцидента на китайско-советской границе», отмечает, что это — «инцидент, за которым мы не можем следить, как посторонние наблюдатели».

Это инцидент, пишет газета, который ослабляет мировой антиимпериалистический фронт и может служить лишь тем силам, которые спекулируют на разногласиях внутри социалистического сообщества.

Париж. Провокация, предпринятая китайскими авантюристами против Советского Союза и угрожающая всеобщему миру и безопасности, вызвала тревогу французской общественности. Парижские газеты сообщают о подробностях нападения китайского отряда на наших пограничников. Пекинские руководители, отмечает «Комба», «готовят против Советского Союза общее политическое наступление, и недавний инцидент на реке Уссури близ Хабаровска является одним из его элементов».

Газета «Фигаро», в свою очередь, обращает внимание на связь между провокационными выборами президента

ФРГ в Западном Берлине и китайской провокацией.

Хельсинки. Все столичные газеты уделяют большое внимание военной провокации, учиненной пекинскими руководителями на советско-китайской границе. Газеты подробно сообщают о ноте Советского правительства правительству КНР, о пресс-конференции Министерства иностранных дел СССР, состоявшейся в Москве, и о гневном возмущении советских людей в связи с бандитской провокацией китайской военщины на границе.

Хельсинкская «Хувудстадсбладет» наряду с материалами иностранных агентств и ТАСС из Москвы помещает большой фотоснимок, изображающий массовую демонстрацию протеста москвичей перед зданием посольства КНР, а также снимки, сделанные после отступления китайских провокаторов с советской территории.

Вена. Все австрийские газеты сообщают о массовой демонстрации протеста в Москве против провокации клики Мао Цзэ-дуна на советско-китайской границе. Десятки тысяч рабочих, служащих, студентов, ученых, пишет газета «Фольксблат», прошли перед посольством КНР в Москве, выражая свое возмущение действиями китайских властей. Газета «Фольксштимме» в своем сообщении отмечает, что многие демонстранты несли транспаранты, в которых подчеркивался опасный характер провокационной политики клики Мао Цзэ-дуна, играющей на руку интересам империализма.

«Правда» от 10 марта 1969 г.

НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ

Советские люди с большим удовлетворением восприняли Заявление правительства СССР от 29 марта 1969 г. по поводу вооруженных китайских провокаций на реке Уссури. Весь наш народ горячо поддерживает миролюбивую внешнюю политику Советского правительства, его стремление нормализовать обстановку на советско-китайской границе путем переговоров.

Грубейшим образом искажая и фальсифицируя историю, китайская печать, радио, телевидение по указке из Пекина пытаются представить дело так, что якобы провокационные вылазки зарвавшихся авантюристов 2, 14, 15 марта этого года на реке Уссури — не что иное, как стремление возвратить Китаю остров Даманский.

Вся эта омерзительная комедия, естественно, не имеет под собой никакой почвы, рассчитана на простаков.

Остров Даманский, как и многие другие острова, разбросанные в пойме реки Уссури, входит в состав нашего государства и никогда не был китайским. Как известно, в XVII — в середине XIX в. по берегам Уссури жили гольды (нанайцы), а также русские казаки. Аборигены дали названия рекам, островам, горам. Например, названия рек — Иман, Бикин, Нора существуют и поныне. Прибрежные к реке Уссури горы у аборигенов соответственно получили названия Има-хада, Кынг, Кирки, Сядадынгза, Иктыр. Остров Даманский в 80-х годах XIX в. посетил отряд русского геодезиста капитана Дама, участника экспедиции полковника Путяты, обследовавшей в 1888 г. значительную территорию Приморья и Маньчжурии. Эта экспедиция произвела глазомерную съемку пути от Кван-

чанцзы до Кайюаня в Маньчжурии, подтвердила наличие стойбищ гольдов на островах р. Уссури. Отчет о работе экспедиции опубликован в Петербурге в 1889 г.

Требование «возвращения» Китаю острова Даманского — это предлог для других провокаций. Не секрет, что идейное оболванивание китайского населения в антисоветском духе ведется давно, направляется Мао Цзэ-дун и его кликой. Среди различных других средств разжигания националистических, антисоветских страстей у населения широко используются и так называемые «территориальные претензии Китая к СССР».

Развивая свои бредовые концепции, Мао Цзэ-дун и его сторонники считают «китайскими» земли Монгольской Народной Республики, советской Средней Азии (в Казахстане и Киргизии), территорию Демократической Республики Вьетнам, Камбоджи, Непала, Кореи. Заключенные Цинями договоры с иностранными державами в XIX в., в том числе и с Россией, об установлении границ на Дальнем Востоке и Средней Азии, в Китае объявлены «незаконными» и «не имеющими силы». Хотя, впрочем, это несколько не мешает Мао Цзэ-дуну выдавать себя за прямого преемника цинского правительства, когда речь заходит о притязаниях на территории других государств, в том числе на границах с СССР, МНР, Индией, народы которых угнетались цинскими феодальными чиновниками.

Составной частью маоистской идеологии является великодержавный шовинизм. Мао Цзэ-дун — ярый противник самоопределения наций. Он неоднократно выступал за ликвидацию независимости МНР и за включение ее территории в состав Китая.

Еще в 1939 г. в статье «Китайская революция и КПК» Мао Цзэ-дун стремился доказать, что после победы народно-демократической революции в Китае необходимо приступить к «возвращению» земель, ранее завоеванных

юаньскими (монгольскими), минскими (великоханьскими) и цинскими (маньчжурскими) императорами. При этом планировалось включение в состав будущего Китая не только тех земель соседних государств, которые действительно были завоеваны монгольскими, китайскими или маньчжурскими войсками, но и территорий, народы или племена которых были вынуждены под давлением завоевателей признать временную вассальную зависимость. Так официально было определено понятие «китайских земель».

Великодержавный, националистический угар охватил маоистов в конце 50-х годов.

Прежде всего яд недоверия к СССР был распространен среди школьников и студентов. Так, в учебнике Лю Пэй-хуа по новой истории Китая, изданном в Пекине в 1955 г., приводятся извращенные факты о том, что якобы Россия захватила китайские земли на Дальнем Востоке, а СССР не возвращает их Китаю. Изданный в том же году под редакцией яркого националиста Гу Цзэ-гана «Исторический атлас Китая» должен был графически «подтвердить» версию о захвате нашей страной в XIX в. китайских территорий. Тогда же в 1955 г. маоистская администрация в Шанхае, не без ведома Пекина, опубликовала книгу гоминдановца Чжао Цюань-чэна «Таблицы административно-территориального деления Китая в эпоху Цин (1644—1911)». Текст книги не был изменен, хотя впервые она вышла в свет в 30-е годы. В предисловии к книге издательство очень высоко ее ценило и разрекламировало. О чем же писал в своей книге гоминдановец? В ней обосновывались «права» Китая на территории СССР и ряда других стран. Автор не стесняется в выражениях. В книге, в частности, говорилось: «Сахалин является не чем иным, как территорией Китая. Русские воровским образом захватили его». Так исподволь культивировалось общественное мнение к событиям на восточной границе.

Атмосфера разнузданного антисоветизма усиливалась. В 1957 г. одна уханьская газета без зазрения совести заявила, что «Владивосток является китайской территорией». Статья заканчивалась таким нелепым вопросом: «По какому праву СССР занимает Владивосток? Он должен вернуть его Китаю». Эту версию подхватили другие китайские издания. Газета «Хэйлуңцзян жибао», в свою очередь, объявила Монголию... «китайской территорией», которую «Советский Союз сделал независимой».

Полагая, видимо, что китайская общественность достаточно хорошо обработана в антисоветском духе, Мао Цзэ-дун в беседе с японскими социалистами Кодзо Сасаки и другими в июне 1964 г. изложил свой так называемый «реестр», т. е. перечень территориальных притязаний к СССР. 17 января 1965 г. маршал Чэнь И, министр иностранных дел КНР, в беседе с японским парламентарием Токума Уцуномия не только подтвердил требования Мао Цзэ-дуна, но и указал площадь территорий, на которые претендовали маоисты, — ни много ни мало 1,5 млн. кв. км. Китай объявил «своими землями» Забайкалье, Приморье, Приамурье, Сахалин, Камчатку, Памир, район реки Аргунь.

Характерно, что великодержавная политика Мао Цзэ-дуна получила горячее одобрение самых оголтелых поджигателей войны. Вскоре после беседы Мао Цзэ-дуна с японскими социалистами в 1964 г. неофашистская западногерманская газета «Дейче националь-цейтунг унд Зольдатен-цейтунг» писала, что Китай «может расширить свою территорию только за счет областей, находящихся под русским флагом». Комментарии излишни! Мартовские вооруженные налеты китайских провокаторов на реке Уссури свидетельствуют о том, что маоисты начали давно подготавливавшуюся серию провокаций против СССР под лживыми лозунгами «возвращения китайских земель».

Никогда нынешние дальневосточные и среднеазиатские территории не входили и не могли входить в состав Китая. Никогда народы, жившие в прошлом или существующие в настоящее время, не были и не могли быть подданными китайских императоров. Никогда Россия не захватывала китайских земель. Государственная граница между СССР и Китаем сложилась исторически. Она является естественным рубежом между двумя соседними государствами. Айгунский, Тяньцзиньский и Пекинский договоры, на основании которых окончательно установлена русско-китайская граница, заключены Россией и Китаем на основе равноправия. В Пекинском договоре от 2 ноября 1860 г. особо подчеркнуто, что русско-китайская граница «навечно не должна быть изменяема». Пограничные комиссары России и Китая, произведя обмен картами пограничной линии, состоявшийся 16 июня 1861 г., около устья реки Беленхэ (по-русски Тур), в протоколе вновь отметили, что граница не должна быть нарушена «на вечные времена».

Правительство СССР 29 марта 1969 г. заявило: «Положения по территориальным вопросам, зафиксированные в этих договорах, а также в протоколах, картах и описаниях, полностью сохраняют и поныне свою силу».

Советские археологи академик А. П. Окладников, кандидаты исторических наук Ж. В. Андреева, А. П. Дервянко, Э. В. Шавкунов и другие в ходе многолетних исследований в Приморье и Приамурье установили, что древние жители южной части Дальнего Востока являлись предками тунгусо-маньчжурских народов. Что касается китайцев (ханьцев), то их формирование в древности, по мнению самих китайских археологов, происходило к югу от Великой Китайской стены, в бассейне реки Хуанхэ. Первые государства на нынешней территории советского Дальнего Востока — государство Бохай и империя чжурчженей (VII—XIII вв.) являлись тунгусо-маньчжурскими.

Эти государства были независимыми. Они поддерживали политические и культурные связи с Китаем, Кореей, Японией на основе равенства и взаимной выгоды. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с книгами А. П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья» (Владивосток, 1959 г.) и Э. В. Шавкунова «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье» (Ленинград, 1968 г.).

Только в XVII в. китайцы появились в Маньчжурии. В то время они преимущественно селились в южной части Северо-Восточного Китая. И когда в 30-е годы XVII в. русские землепроходцы из Якутии пришли на Амур, аборигены этого края — дауры, дючеры, натки (нанайцы), ульчи, солоны, манегры, удэгейцы, — хотя и не имели своей государственности, но и не входили в состав какого-либо соседнего государства. В. Д. Поярков, возглавлявший поход землепроходцев на Амур в середине XVII в., докладывал русскому правительству: «А натки живут по Амуру по обе стороны улусами (селениями.— А. К.), а ясаку (налогов.— А. К.) они никому не дают. А гиляками плыли до моря две недели, а гиляки сидячие (оседлые.— А. К.) живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам (заливам.— А. К.), живут многие же гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясаку они гиляки хану не дают».

В XVII в. началось хозяйственное освоение русскими людьми земель по Амуру и частично по Уссури. Заметим при этом, что с конца XVII в. и до середины XIX в. Приморье и Приамурье оставались «ничейной территорией», так как ни Россия, ни цинский Китай не осваивали эти земли. Здесь находилось лишь отсталое местное аборигенное население.

При этом очень важно учитывать, что цинский феодальный Китай в то время переживал глубочайший внутренний кризис. Крестьянские восстания потрясли основы

феодалного господства. Народ стонал от многочисленных налогов. Англия, Франция при поддержке США грабили Китай, разрушали города, убивали жителей. К. Маркс отмечал жестокость европейских колонизаторов, их стремление закабалить страну. «Ни в чем не повинные жители и мирные купцы Кантона, — писал К. Маркс, — перебиты, их дома разрушены бомбардировкой, все законы человечности попраны». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, стр. 145). Так вели себя европейские интервенты в Китае.

Россия же не принимала участия в закабалении Китая. Несмотря на это, нынешние пекинские руководители и их «ученые» подголоски грубейшим образом искажают события того времени, представляя дело так, будто бы Россия вооруженным путем «захватила» китайские земли на Амуре и в Приморье. Многочисленные документы позволяют восстановить действительную обстановку того времени. В 1857 г., т. е. за год до подписания Н. Н. Муравьевым с князем И. Шанем Айгунского договора, начальник Азиатского департамента России Е. П. Ковалевский представил Кабинету Министров России «Записку о политике России на Дальнем Востоке». В записке особо подчеркивалось, что Россия должна «мирными переговорами разрешить возникшие вопросы с Китаем» (речь шла о пограничных вопросах. — А. К.). В этом документе отмечалось также, что интересы России «отличные от интересов других европейских государств».

События в 40—50 гг. XIX в. развивались стремительно. Никто не мог гарантировать безопасности России и Китая со стороны Амурского бассейна, так как военные корабли Англии, Франции и США подходили к берегам Китая, Японии, Кореи и Северо-Восточной Азии. Между тем Приамурье и Уссурийский край (Приморье) по-прежнему оставались «ничейной территорией».

Русские мореплаватели, путешественники, казаки и

крестьяне единодушно отмечали, что местные аборигенные народы совершенно беззащитны и не имеют представления о Цинской империи.

1 августа 1850 г. Г. И. Невельской основал на мысе Куегда, на Амуре, Николаевский пост. По Амуру совершали плавание русские казаки, крестьяне, солдаты. Основывались крестьянские свободы и казачьи станицы. Аборигены дружелюбно принимали русских. Командир корвета «Оливуца» Н. Н. Сушов в 1851 г. докладывал Н. Н. Муравьеву, что «гиляки... принимают нас на берегу как друзей». Другой русский моряк мичман Н. М. Чихачев в том же году информировал генерал-губернатора Восточной Сибири о том, что аборигены не входят в состав Китая и не знают о его существовании. Он писал: «Гиляки, равно и одноплеменники их, обитающие по Амуру до устьев Сунгари, и жители берега Татарского пролива суть народы свободные, независимые... Я не заметил над ними ни тени какого-либо правления. О правительстве, солдате, подати, ясаке не имеют никакого понятия». И далее: «О Китае и китайцах не имеют никакого понятия и утвердительно можно сказать, что влияния над ними китайского правительства не существует». Так писал очевидец.

Независимость аборигенов подтверждают многие деятели середины XIX в. Председатель правления Российско-Американской компании Политковский, посетивший Амурский бассейн в 1852 г. в составе экспедиции Г. И. Невельского, докладывал в Петербург князю А. С. Меншикову:

«Вообще все туземцы принимают русских очень дружелюбно... Во все время пребывания экспедиции в земле гиляков и на р. Амур не представилось ни одного доказательства в том, чтобы власть китайцев распространялась на эту страну». Политковский делал вывод о том, что малые народы Амура «действительно племена независимые». Известный сподвижник Г. И. Невельского лейтенант

Н. К. Бошняк, обследовавший о. Сахалин, также доложил, что на острове «нет никакого правительства».

Такова правда истории. Русские люди в середине XIX в. пришли в край, который был открыт землепроходцами еще в XVII в. и который спустя 170 лет после подписания Нерчинского договора оставался «ничейным». В таких условиях и были подписаны русско-китайские договоры о границах в 1858—1860 гг.

Как видно, южная часть нынешнего Дальнего Востока была открыта и освоена русскими людьми и никогда не входила в состав Китая. Аборигенное население этой зоны являлось независимым. Оно восприняло приход русских людей с большой радостью, так как русские избавили аборигенов от насилия хищных маньчжурских и китайских купцов, появлявшихся иногда набегами на Амуре и Уссури, чтобы грабить местное население.

Земля дальневосточная — исконно русская земля. Она полита потом и кровью русских людей. Она давно стала родиной не одного поколения наших соотечественников. Хочется закончить статью вещими словами легендарного героя-дальневосточника Сергея Лазо. В январе 1920 г. он говорил белогвардейским офицерам на Русском острове: «Мы русскую душу не продавали по заграничным кабакам, мы ее не меняли на золото заморское и пушки. Мы не наемными, мы собственными руками защищаем нашу землю. Мы грудью нашей, мы нашей жизнью будем бороться за Родину против иноземного нашествия!.. Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!»

А. КРУШАНОВ,
профессор, доктор исторических наук

МЫСЛИ ВСЛУХ

Я побывал в районе острова Даманского только через месяц после начала разыгравшихся там событий. Но название этого маленького острова на Уссури, еще раньше чем я его увидел, наводило меня на многие мысли и воспоминания и о недавних и о давно прошедших временах. И сейчас, вернувшись оттуда, я хочу подумать обо всем этом вслух вместе с читателем.

Длина острова Даманского — полтора километра.

Длина той части дальневосточной границы, которую мы пролетели и проехали — из отряда в отряд, от заставы к заставе — от Бикина до озера Хасан, — около тысячи километров.

Но эта тысяча километров всего лишь одна седьмая часть нашей границы с Китаем, потому что вся наша граница с Китаем — это семь тысяч километров.

Но и эти семь тысяч километров еще не все, о чем приходится думать.

Есть еще четыре тысячи километров границ между Китаем и Монгольской Народной Республикой. Границ, которые мы обещали в случае необходимости защищать, как свои собственные. И тридцать лет назад именно так и поступили. Я видел и хорошо помню, как это было.

Тогда, в 1939 году, японские милитаристы оспаривали эту границу народной Монголии с Китаем — действуя от имени посаженного ими на престол государства «Манчжоу-Го» императора «всея Маньчжурии» Пу-И (кстати сказать, потом этот Пу-И, «перевоспитавшись» в Пекине, в 1962 году стал даже депутатом Всекитайского народно-политического консультативного совета — чего не бывает!),

а также от имени князя Дэвана — главы созданного ими во Внутренней Монголии марионеточного государства Мынцзян.

Кто его знает, от чьего имени ныне может вдруг вздуть предъявить очередные территориальные претензии к народной Монголии «великий кормчий»? Может быть, от имени маньчжурского императора Канси, который когда-то, в семнадцатом веке, завоевывал всю Монголию и принимал маньчжурское подданство потерпевших поражение монгольских феодалов?

Имея дело с «великим кормчим», пора привыкнуть к любым неожиданностям. Что и говорить, лучше, конечно, обойтись без них. Однако было бы оплошностью не держать этого в памяти.

Я думал обо всем этом, стоя вместе с начальником заставы и несколькими другими пограничниками на вершине сопки Заозерной. Той самой, на которой когда-то, тридцать один год назад, начались хасанские события. Начались так же, как на Даманском, предательски, без предупреждения: — Огонь! То же стремление настоять на своем нахрапом, кровью, силой оружия, а потом выслушивать претензии соседа с позиции силы, с позиции уже совершившегося!

Мы стоим на вершине сопки Заозерной. Позади нас у берегов озера Хасан, на склонах окружающих его сопки в нескольких местах белеют пирамидки братских могил, поставленные здесь тогда — в тридцать восьмом году. Справа, рядом с нами, на самой вершине Заозерной наша пограничная вышка. Вдали, за несколько километров, на одной из сопки виднеется такая же или почти такая же пограничная вышка — китайская. Впереди, в нескольких шагах от нас, ниже под гору, проволочное ограждение в один кол — линия границы, за ней — Китай.

— Смотрите, идут, — показывает пограничник.

Из расположенного примерно в полутора километрах от границы дома китайской погранзаставы вышли четыре человека и идут сюда. Наверно, с той китайской вышки им сообщили, что у этой, нашей, появилось несколько человек. Я вижу в бинокль, как спешит сюда китайский наряд — командир и три солдата, трое с винтовками, один с автоматом. Идут ходко, хотя и все время в гору — линия границы проходит здесь высоко, всего на несколько метров ниже гребня сопки. Через десять минут отдаю бинокль обратно: теперь видно и без бинокля. А еще через десять минут вижу этих четырех одетых в военную форму людей, немножко задохшихся от быстрого подъема, прямо перед собой, в пяти метрах, — с той стороны границы. Стою и гляжу на них. Солдаты молодые, и форма на них новенькая, темно-зеленые ватники с ярко-красными петлицами. Командир немного постарше, и форма на нем уже обношенная, выгоревшая, наверное, еще в прошлом году. Стою, смотрю на них четверых, и в душе у меня сложное чувство, в котором одновременно заявляют свои права и самые давние и самые недавние воспоминания.

Да, вот стоят передо мной с той стороны границы четверо одетых в военную форму молодых китайцев. Солдаты той армии, которая продолжает называться Народно-освободительной, сыновья той страны, в которой, несмотря на все безумства ее нынешних правителей, все-таки земля и недра, фабрики и заводы принадлежат не помещикам и капиталистам, а трудовому народу.

Я смотрю на них и не могу забыть, как Маяковский сорок два года назад радовался тому, что красные войска взяли Шанхай.

И не могу забыть себя самого, мою тогда еще детскую, но сохранившуюся потом на всю жизнь ненависть к Чан Кай-ши, утопившему в крови красный Кантон.

И не могу забыть лицо и голос Чжу Дэ, когда в ок-

тябре сорок девятого года в моем присутствии на огромном митинге в Тяньцзине он сказал под несмолкаемые овации всех собравшихся: «Прежде чем начать речь, я хочу сообщить, что сегодня мы получили известие о том, что правительство Советского Союза первым в мире признало Китайскую Народную Республику!»

И не могу забыть тех солдат, командиров и политработников китайской Народной армии, в среде которых я был двадцать лет назад, когда они освобождали от гоминдановцев юг Китая. Не могу забыть ни их лиц, ни голосов, ни их революционного энтузиазма, ни их благодарных дружеских чувств к моей стране — стране Октябрьской революции.

И не могу забыть свои собственные стихи об этом походе и об этих людях, сражавшихся за дело социализма. Стихи, которые я печатал и продолжаю печатать в своих книгах. Потому что — не знаю, как для кого, — а для меня все невозвратимее уходит в прошлое то время, когда имя Мао Цзэ-дуна казалось мне чуть ли не синонимом понятия — «народный Китай». Теперь в моем сознании слова «Мао Цзэ-дун» и «народный Китай» — слова-антиподы, слова-враги, слова, между которыми растет все ширящаяся на наших глазах пропасть.

Нет, я не могу забыть свои собственные стихи о людях народного Китая. Так же, как не могу забыть и ничего другого, напоминающего мне о давности и силе моих чувств советского человека к людям этой страны, к людям, еще в двадцатые годы вставшим на путь революции.

Я не только не могу забыть всего этого. Я не хочу забывать! Не хочу забывать даже сейчас, глядя в напряженные лица вооруженных китайских солдат, стоящих в нескольких метрах от меня по ту сторону границы.

Но вспоминать только это я не могу, потому что сегодня, после Даманского, я не могу забыть и другого —

той крови, которая была пролита и которая легла между нами.

Нет, речь не о том, чтобы кровь за кровь! И не о призывах к отмщению или ненависти! Я не испытываю чувства ненависти, глядя на этих четырех вооруженных китайцев по ту сторону границы. Я не хочу им ни смерти, ни зла.

Но я никак не могу вытолкнуть из головы мысль, что завтра и они тоже могут стать убийцами, как те там, на льду Даманского, которые убили тех первых наших семей, пришедших на переговоры и так и не притронувшихся к оружию.

Как это было там? Первая шеренга китайцев разомкнулась, а вторая, стоявшая за ее спиной с автоматами наготове, дала из этих автоматов залп по нашим. С двадцати шагов, в упор — в живот, в грудь, в лицо, в рот, в лоб, в глаза!

Какими они были, те, что стреляли там, на Даманском, самыми первыми? Наверно, по виду такими же, как эти четверо. И еще за минуту, за пол, за четверть минуты до того, как они нажали на спусковые крючки своих автоматов, еще невозможно было подумать, что они — убийцы!

Я имею право назвать их убийцами, потому что даже в разгар войны солдат, убивающий парламентаря, — не солдат, а убийца.

Начальник пограничной заставы Иван Стрельников, бестрепетно выполняя свой долг, вышел на переговоры с китайскими пограничниками. Ни он, ни его товарищи не обнажили оружия и были убиты, прежде чем могли взяться за оружие. Именно это называется и всегда называлось убийством.

Потом, после этого, был бой, а за ним еще один бой, как и всякие бои, сопровождавшиеся взаимными потерями.

Но все, что было потом, началось с убийства.

И сейчас, стоя на Заозерной и глядя на четырех воору-

женных китайцев, я не могу забыть, что там, на Даманском, в начале всего было — убийство.

Не могу забыть этого, потому что это и есть самое страшное.

Я далек от мысли, что те двести или триста китайских солдат, которые залегли в ту первую мартовскую ночь в засаду на Даманском, или те двадцать или тридцать китайских солдат, которые вышли утром на лед и стали убийцами, — стали убийцами по собственному желанию.

В таких случаях без приказа свыше не убивают. Я глубоко уверен, что этот приказ — убить дал не командир китайского пограничного полка, и не начальник их пограничной стражи, и даже не командующий их военным округом.

Я глубоко убежден, что этот приказ — убить был дан свыше. И настолько свыше — что выше уже некуда!

И, стоя сейчас на Заозерной, я думаю уже не о тех, убивших там, а об этих, стоящих здесь вооруженных китайцах. Ну, а если этим тоже прикажут — убить? Не сегодня и не нас, а других и в другом месте? В другое время, при других, более благоприятных для убийц обстоятельствах?

Что же тогда?

Еще один бой, снова начавшийся с убийства?

Еще один Даманский, только названный как-нибудь по-другому, потому что место будет другое?

На границе длиною в семь тысяч километров при наличии злой воли тот, кому приказано убить, всегда в конце концов найдет себе цель.

А в ином случае — и повод! Какая-нибудь новая мель между двумя островами после паводка, или сбившийся с места знак на речном форватере, или, наконец, просто-напросто спор о том, на метр правей или левей какой-нибудь пограничной тропки проходит сама линия границы...

В таких случаях годится любой повод. Был бы только приказ свыше зацепиться за этот повод и убить! Убить, не думая о последствиях.

Я думал обо всем этом, стоя на Заозерной, и глухое, тяжелое чувство гнева поднималось в моей душе. Конечно, не против этих четверых, стоявших там, по ту сторону границы. Случись с ними что-нибудь подобное тому, что уже случилось с другими, получи они вдруг приказ: убить! — через пятнадцать минут, или через час, или через три часа после исполнения этого приказа они сами неотвратимо станут его жертвами и тоже умрут, как умерли те, другие, которые первыми разрядили в нас свои автоматы там, на Даманском.

Но как быть не с ними, а с теми, кто отдал тот первый приказ перед началом событий на Даманском? Какой мерой зла оценить их поступки, и уже совершенные и еще, быть может, замысленные на будущее?

Можно ли себе представить, что на границе длиной в семь тысяч верст одна сторона безнаказанно и безвредно для себя может длительное время держать на мушке другую сторону? Или что она может настаивать на сохранении той атмосферы готовности к убийству, которая возникла в ту самую секунду, когда раздался первый автоматный залп на Даманском?

Сама мысль о такой возможности чудовишна по своей бесчеловечности и по своей нелепости. Нелепости — потому что нелепей всего предполагать, что границы Советского Союза можно оспорить или уточнить силой оружия!

В нашей послеоктябрьской истории соседи не раз уточняли свои границы с нами, и бывало даже, что уточняли с некоторыми территориальными поправками в их пользу. Чтобы недалеко ходить, можно вспомнить хотя бы сравнительно недавнее уточнение наших границ с Ираном.

Но эти уточнения происходили за мирным столом, за

столом переговоров. И, думается, мы навряд ли сделаем исключение для тех, кто, односторонне прервав с нами переговоры по пограничным вопросам в 1964 году, сейчас попытался заявить о своих претензиях огнем автоматов у Даманского.

На огонь отвечают огнем, тут уж ничего не попишешь! А когда-то начатые и прерванные переговоры, невзирая на все это, все равно ждут своего продолжения.

Несколько раз там, на Дальнем Востоке, во время переездов и перелетов с места на место я с душевным удовлетворением перечитывал Заявление нашего правительства в связи с событиями на Даманском — этот спокойный и твердый документ, дающий нынешнему правительству такой страны, как Китай, полную возможность, как говорится, «не теряя лица», выбраться при помощи переговоров из того воинственного тупика, в который оно само залезло.

Но на Заозерной, уже уходя — потому что сколько можно вот так стоять по две стороны границы и молча смотреть друг на друга? — я, признаться, думал о другом.

Я думал о том, что двадцать лет назад я был военным корреспондентом «Правды» в войсках Четвертой Полевой армии, которыми командовал Линь Бяо и которые освобождали тогда от чанкайшистов последние провинции Южного Китая.

А теперь, через двадцать лет, по приказанию — я глубоко уверен в том, что именно по приказанию — того же самого Линь Бяо солдаты Народно-освободительной армии Китая убивали советских пограничников. И мне, именно в связи с этим, приходилось ездить как корреспонденту «Правды» вдоль советско-китайской границы!

Во всем этом была такая горькая историческая нелепость, что, хотя, казалось бы, на шестом десятке пора перестать удивляться тому, каким страшным переменам под-

вергаются люди, изведавшие вкус неограниченной власти, — но все-таки масштабы этой нелепости били прямо в душу. Двадцать лет назад я просто не мог представить себе ни будущих масштабов этой мании величия, ни силы сопровождающего его шовинистического угара, доходящего до военных угроз в адрес первой страны социализма.

Хорошо хоть, что сейчас, через двадцать лет, я здесь, на Дальнем Востоке, просто корреспондент, а не военный корреспондент!

Если бы спросить меня сейчас, почему при воспоминании о Мао Цзэ-дуне, которого два десятка лет тому назад я не раз видел и глубоко уважал тогда как руководителя Китайской Народной Республики, почему я сейчас испытываю к нему чувство, близкое к личной ненависти, — я бы знал, что ответить на это. Потому что именно мысль об этом человеке и о всех его словах и действиях в последние годы мешает мне до конца выкинуть из головы чудовищное для меня самого опасение: «А вдруг все-таки, вопреки всем нашим желаниям и мыслям о будущем, вдруг все-таки мне придется когда-нибудь ехать сюда военным корреспондентом?»

Провокации, которые, по сути дела, можно рассматривать как бескровную пристрелку наших границ, велись оттуда, с китайской стороны уже очень давно.

Они происходили и около острова Даманского, и в тридцати километрах оттуда. На той заставе, где я был еще два года назад и писал об этом. И не только там, а очень далеко, за много тысяч километров, в горах Тянь-Шаня, там, где Китай граничит с Киргизией, где на далекой заставе, заброшенной на высоту в три с лишним тысячи метров, мне еще десять лет назад, в 1959 году, пограничники рассказывали о первых вторжениях через нашу границу, достаточно грубых, но тогда еще бескровных.

Все это так. Но есть в пограничной жизни такая грань,

которая в одну секунду меняет все! За этой гранью у привычного слова «провокация» вдруг появляется новое и страшное прилагательное: «кровавая».

Именно это и произошло на Даманском.

Такие вещи не случаются вдруг. Они готовятся заранее.

Это только видимость, поверхность явлений — что на острове Даманском вдруг раздался треск китайских автоматов, о котором потом сообщили в Пекин.

Если заглянуть в суть явлений — все было как раз наоборот. Да, пули свистели на Даманском. Но стрельба велась из Пекина.

В каждой стране есть свои трудные и нерешенные проблемы, и тем более есть они в такой большой стране, как Китай, с ее все растущим населением.

Но сколько бы я ни думал о сложности этих проблем, никто и никогда не убедит меня в том, что вопросы благосостояния китайского народа могут быть решены при помощи войн и насильственного захвата территорий, принадлежащих другим государствам. И те люди в Китае, которые делают вид, что выход из внутренних трудностей может быть найден на пути территориальных споров, претензий и угроз, — не просто заблуждаются, а сознательно лгут своему народу.

К сожалению, у этой лжи уже достаточно долгая история. Как-то, читая старые журналы, я набрел на репортаж писателя Сергея Третьякова, написанный в 1925 году из ставки Фын Юй-сяна, одного из наиболее известных в то время и по своим взглядам наиболее «левых» китайских генералов. По свидетельству Третьякова, там, в ставке Фын Юй-сяна, висела в качестве предмета наглядной агитации так называемая «карта позора Китая».

Третьяков, по его словам, ожидал увидеть на этой карте «красные раны Шанхайской, Тяньцзиньской, Мукденской концессий», ожидал увидеть Ляодунь и Гонконг.

Но всего этого он на «карте позора» так и не увидел. Зато увидел на ней «отрезанные» от Китая Уссурийский край, Корею, Индокитай (т. е. по нынешним понятиям Вьетнам, Лаос, Камбоджу).

Ну, казалось бы, ладно, бог с ним, с Фын Юй-сяном, с этим «левым» генералом двадцатых годов, как видно, боявшимся ссориться с теми, кто, как казалось ему, был тогда посылнее, — с японцами, с англичанами...

Но вот через одиннадцать лет после этого Мао Цзэ-дун в беседе со Сноу заявляет, что «непосредственной задачей Китая является возвращение всех потерянных районов, а не только защита своего суверенитета по эту сторону Стены». И в 1939 году, развивая свою мысль, называет Непал, Корею, Бирму, Аннам (т. е. опять-таки Вьетнам) районами, отторгнутыми империалистами от Китайского государства. И в те же годы делает заявление, что Монгольская Народная Республика «автоматически, по собственному желанию станет частью Китайской Федерации». А в 1964 году, в беседе с японскими политическими деятелями, уже начинает заниматься подсчетами территории и населения Советского Союза и, заявив, что Хабаровск, Владивосток и Камчатка стали территорией России всего сто лет тому назад, многозначительно говорит: «Мы еще не предъявили счета по этому реестру».

Во всех этих высказываниях, иногда отделенных друг от друга многими годами, есть известная последовательность, не сулящая никому ничего доброго, особенно если вспомнить, с каким бесчеловечным спокойствием тот же Мао Цзэ-дун высказался несколько лет назад о возможности возникновения новой мировой войны: «Если в худшем случае погибнет половина человечества, то останется еще половина».

Стоя у могил наших пограничников, я не мог не вспомнить ни его слов насчет «реестра», в котором числятся

Хабаровск и Владивосток, ни его моральной готовности отправить на тот свет половину человечества. Я не мог не вспомнить всего этого, потому что первый китайский залп на льду у Даманского существует в моем сознании, как прозвучавший на нашей границе отзвук идей «великого кормчего».

Кстати, если говорить об этих идеях в связи с принципом неприкосновенности границ, то, как сообщает зарубежная печать, еще восемь лет назад в китайской программе «оборонного строительства на 1961 год» содержалось следующее директивное указание: «При проведении операций по усмирению мятежников в районах неподалеку от границы с соседними государствами (на китайско-индийской, китайско-непальской, китайско-сиккимской) необходимо строго выполнять указание — не вторгаться дальше двадцати километров на соседние территории». (Разрядка моя. — К. С.).

Правда, в этом перечне не было дано указаний насчет других границ, в частности китайско-советской, — на сколько километров вглубь можно по тем или иным причинам вторгаться через нее и на сколько нельзя? Но, видимо, общий дух этих указаний все-таки сыграл свою роль и в событиях у Даманского.

Вместе с подполковником Константиновым, который участвовал в боях и 2 и 15 марта, мы стояли над Уссури, на пограничном наблюдательном пункте и смотрели на Даманский, на ту его южную оконечность, где все началось.

Вон там, за мыском, у самого берега острова, на льду протоки прогремел первый китайский залп... Белый лед Уссури, темная полоса безлюдного острова. Я смотрел туда, и в моих ушах как бы заново звучало все то, что рассказывали Бабанский, Козусь, Бубенин, Каныгин и другие участники первого боя об этих первых мгновениях, когда для них мир вдруг стал войной.

Нет, я не оговорился, я именно это и хотел сказать — войной! Потому что для пограничника, в которого стреляют в упор из автомата, мир в эту секунду, именно в эту секунду, становится войной. И если он умер в эту секунду, он уже никогда не узнает, что благодаря мужеству и выдержке других людей, его товарищей, эта война не состоялась. И, не состоявшись, осталась в памяти человечества под именем пограничного конфликта.

Уже много раз в истории Советской власти наши пограничники и наши солдаты останавливали надвигавшуюся на нас войну. Точней, останавливали то, что могло стать войной в том случае, если бы мы проявили отсутствие выдержки, слабость или бессилие.

Войну не всегда можно остановить — это мы знаем из истории. И об этом мы тоже обязаны помнить.

Но когда пограничный конфликт может стать войною и может не стать ею, очень многое зависит от людей, оказавшихся на границе. Сначала, пока не пролилась кровь, — от их выдержки, а потом, когда кровь все-таки пролилась, — от их воинского умения.

Сейчас какая-то из иностранных газет, по сообщению какого-то из гонконгских источников, уже подсчитала, сколько сот китайских солдат было убито во втором бою на Даманском и сколько десятков из них было потом расстреляно их командованием за то, что они сделали что-то не то и не так, как от них ожидали.

Оставим эти цифры на совести тех, кто их приводит.

Я не хочу считать могилы на той, китайской, стороне Уссури. Наоборот, я хочу, чтобы никогда больше не возникала самая возможность появления этих могил. Не для того, на долгой памяти моего поколения, мы — советские люди — отдавали столько душевных и материальных сил поддержке китайского народа, чтобы сейчас сыновья этого народа падали наземь от наших пуль.

Когда я слышал о том, что вторая попытка захватить остров Даманский получила с нашей стороны решительный отпор, я, конечно, понимал: решительный отпор — это значит — могилы там, на той стороне Уссури. А могилы — всегда могилы. И вдовы — всегда вдовы. И человек, заслуживающий того, чтобы называться человеком, не вправе радоваться числу так называемых «чужих» могил или «чужих» вдов. В конце концов — на земле нет ни чужих могил, ни чужих вдов, ни чужих слез. Все слезы на земле — человеческие слезы.

Но сказав это, я должен добавить: ни пули, ни мины, ни снаряды не могут дольше нескольких минут или нескольких часов безнаказанно лететь только в одну сторону. И тот, кто начинает стрелять, должен это помнить. А если он об этом забыл — ему об этом напоминают! Когда на наших глазах возникает опасная сила, готовая — если дать ей волю — наградить человечество не десятками и не сотнями, а десятками и сотнями миллионов могил, — тогда вступает в силу горькая, но железная логика: этой силе надо дать почувствовать, что ни одно ее действие не останется безнаказанным. С самого начала, с первого же шага!

Если глядеть с пограничного наблюдательного поста в сторону Даманского, то слева открывается на целых два десятка километров панорама китайского берега Уссури. А сам Даманский, хотя он и недалеко, виден плохо: только часть острова и часть протоки между островом и китайским берегом.

Зато оттуда, с китайского берега, остров виден весь целиком, как на ладони.

Может быть, именно поэтому, из соображений удобства ведения военных действий, он и был выбран как место для этой кровавой провокации?

Может быть, и так, вполне допускаю это. Но мысли

мой совсем о другом, куда более существенном. Как пустынен этот видный мне на двадцать километров китайский берег на той стороне Уссури! За последнее время я прочел некоторые английские, немецкие, французские книги, в которых в качестве комментария к высказываниям Мао Цзэ-дуна — о еще не предъявленном им пока списке территориальных претензий к нашей стране — приводятся данные о заселенности тех обширных районов Китая, которые непосредственно примыкают к семитысячеверстной границе с Советским Союзом.

Согласно этим данным, густота населения в Китае на территориях, примыкающих к нашей границе, в среднем около десяти человек на квадратный километр. То есть в десятки раз меньше, чем не только в Индии, но и у нас, скажем, в Донбассе или в Фергане.

А ведь по некоторым китайским высказываниям последнего времени, не зная действительных фактов, чего доброго, можно составить себе представление, что пограничные с нами районы Китая по своей перенаселенности напоминают бочку, на которой готовы лопнуть все обручи. Вот-вот лопнут — и посыплются через границу десятки миллионов людей, которым уже не хватает места на собственной земле!

Оказывается, нет, все обстоит вовсе не так. Оказывается, если даже в десять раз увеличить плотность населения всех этих пограничных с нами районов Китая, — они и тогда еще останутся не столь густо населенными, как большинство государств и Азии, и Западной Европы.

Конечно, заселять эти обширные и пустынные пограничные области не так-то просто. Надо осваивать целину, разведывать недра, строить дороги, обводнять степи. То есть заниматься тем же самым, чем мы уже много лет занимаемся у себя в стране — и в Казахстане, и в Сибири, и на Дальнем Востоке.

Да, разумеется, это не просто и требует напряжения сил всей страны — мы хорошо знаем это по себе.

Но, видимо, кому-то там, за китайской границей, вместо того, чтобы заниматься этим благодарным, но трудным, рассчитанным на многие десятилетия мирным делом, кажется проще бряцать своими территориальными претензиями на земли нашего Дальнего Востока, и в частности Приморья, и снова и снова повторять: «Нас семьсот миллионов!» Как будто большая численность народа непременно дает основание его правителям упоминать об этой численности в угрожающем для других народов смысле!

Я не дипломат и не историк. Но, вернувшись оттуда, из Приморья, хочу сказать просто по-человечески: эти претензии смешны не только для тех миллионов людей, которые родились, выросли и живут там, но и для всякого, кто, подобно мне, хоть сколько-нибудь знает этот край.

Если говорить об истории Приморья, то не копаясь в многотомных исторических трудах, а просто заглянув в одну из книг дальневосточного географа и писателя В. Арсеньева, можно прочесть в ней, что вопреки «ни на чем не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времен, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно».

Арсеньев иллюстрирует свои слова простыми и убедительными статистическими данными: согласно этим данным, между 1861 и 1865 годами, в период основания Владивостока, китайцев во всем Уссурийском крае насчитывалось всего 870 человек. Через пять лет, в 1870 году, китайское население края увеличилось вдвое, а к 1880 году, через двадцать лет после основания Владивостока, в Уссурийском крае жило около 7000 китайцев.

Короче говоря, даже то немногочисленное китайское

население, которое появилось в Приморье в эти годы, появилось только тогда, когда русские переселенцы начали осваивать этот суровый в те времена край, когда в нем появились первые дороги и первые морские гавани, словом, когда он стал на путь современного развития.

Ограничившись этой единственной, достаточно популярной исторической справкой, добавлю к ней, что не кто-нибудь другой, а именно мы, советские, а если говорить о национальности, — главным образом русские люди, в годы гражданской войны вышибали из этого нашего края и своих собственных русских белогвардейцев, и иностранных, японских и всяких иных оккупантов, вышибали во имя того, чтобы полноправно владеть этой, принадлежащей советскому народу, землей.

А если говорить о сегодняшнем дне Приморья, то, конечно, надо признать, что за пятьдесят лет неустанными трудами живущих в нем советских людей этот край так неузнаваемо преобразился, что, не в пример прежнему, стал, наверно, еще более лакомым куском для любителей зариться на чужое!

И красавец Владивосток, и океанский порт Находка, и три тысячи выходящих во все океаны судов Дальневосточного рыболовного флота, и десятки новых заводов, и новые мощные электростанции (одна из которых, кстати, достраивается неподалеку от Даманского), — все это есть у нас в Приморье!

А то, чего еще нет, — будет! Потому что народ здесь очень любит свой край и умеет работать.

И при своем, в общем-то мирном характере — и оружием тоже умеет владеть. Не хотелось бы об этом упоминать, но в последнее время на границе такие обстоятельства, что приходится...

А впрочем, не только в последнее время. Еще два года назад, вернувшись отсюда же, с Дальнего Востока, мне

уже доводилось писать, что к антисоветскому шабашу, который происходит рядом, в Китае, здесь, на Дальнем Востоке, относятся спокойно. Я писал об этом тогда, после первых выходов хунвэйбинов на льду Уссури, и мне лишь остается повторить то же самое и теперь, после событий на Даманском: у дальневосточников крепкие нервы. Как, впрочем, и у всего советского народа.

Кстати сказать, приехав с границы снова во Владивосток, я заглянул в крайисполком, в тот его отдел, куда приходят письма из разных концов Советского Союза от граждан, желающих переселиться в Приморский край.

Мне хотелось узнать — не стало ли меньше этих писем после событий на Даманском?

Оказывается, нет, все наоборот! До событий, за январь и февраль, за оба месяца пришло только 278 писем, а после событий, всего за один месяц, за март, пришло 357 писем с просьбами помочь переехать в Приморье. В два с половиной раза больше, чем раньше.

Вот так!

Приморье — Москва

Правда о событиях на острове Даманском

Редактор Н. Ефименко

Художественный редактор Н. Горбунов

Технический редактор Н. Кузнецова

Корректоры Л. Кондратюки и Т. Макушина

Сдано в набор 21.IV-69. Подписано к печати 27.V-69.

Формат $70 \times 108 /_{32} = 9,5$ усл. п. л. (8,0 уч.-изд. л.+2 л. вкл.)

ВД 03332. Тираж 50 000. Бум. тип. № 2. Цена 59 коп.

Дальневосточное книжное издательство Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Владивосток, Ленинская, 43.

Полиграфический комбинат Приморского краевого управления по печати. Владивосток, Океанский пр., 69. Заказ 151.

Остров Даманский является одним из многочисленных островов, расположенных на реке Уссури, по которой проходит государственная граница СССР с Китайской Народной Республикой.

Граница в районе острова определена в соответствии с Пекинским договором от 2 ноября 1860 года и приложенной к нему разменной картой, подписанной представителями России и Китая в июне 1861 года. На этой карте красной чертой ясно обозначена линия границы. Она проходит по протоке реки, отделяющей остров от китайского берега. Это наглядно доказывает, что остров наш. Тем не менее, как известно, пекинские власти в последние годы необоснованно заявляют о своем праве на него, как и на многие другие острова, расположенные на пограничной реке Уссури.

О своих территориальных претензиях к Советскому Союзу клика Мао Цзе-дуна настойчиво твердит в печати и по радио, в официальных выступлениях китайских руководителей, в многочисленных нотах, направляемых Советскому правительству.

Остров Даманский занимает площадь 750 тысяч квадратных метров (1500 × 500). Он не населен и не имеет никакого хозяйственного значения. Ближайшие населенные пункты как с той, так и с другой стороны удалены от острова на десятки километров. Отсюда следует логический вывод, что китайцы избрали этот остров для своих провокаций только потому, что здесь можно скрытно подготовиться к ним, в силу подходящих природных условий.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЛАДИВОСТОК 1969 г.

